Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

ИСКРА

„Изъ искры возгорится пламя!"
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину.

Центральный Органъ Россійской Соціальдемократической Рабочей Партіи.

№ 85. Четвергъ, 27-го января 1905 г. Годъ V.

РУССКОЕ СОЦІАЛЪ-ДЕМОКРАТ. ОБЩЕСТВО. NEW YORK. RUSSIAN SOCIAL DEMOCRATIC SOCIETY

Къ рабочимъ всѣхъ странъ!

Только что совершилось преступленіе, которому нѣтъ прощенія и жертвой его былъ цѣлый народъ!

Поднялись тысячи рабочихъ, еще вѣрившихъ въ человѣколюбивыя чувства того, кто называлъ себя ихъ отцомъ, кого называли царемъ-миротворцемъ!

Они просили прекращенія гибельной войны, улучшенія своей несчастной доли, дарованія необходимыхъ политическихъ реформъ, уже завоеванныхъ всѣми народами Запада.

Николай II и его совѣтники, вмѣсто всякаго отвѣта, — велѣли стрѣлять въ нихъ. Въ этотъ мрачный, кровавый день мужчины, женщины, дѣти — толпа мирная и безоружная — пали подъ ударами дикой солдатчины, безсознательной пособницы самой гнусной тираніи.

Порядокъ царитъ сегодня въ Петербургѣ.

Соперникъ Абдула Гамида еще царствуетъ на трупахъ своего народа!

Но между царизмомъ и всѣми тѣми, кого объединяетъ отнынѣ одно и то же чувство неудержимаго возмущенія, вырыта пропасть, и новыя репрессіи лишь увеличатъ ее.

Напрасно тѣ, кто не отступилъ передъ убійствомъ, чтобы поддержать гнусный режимъ, льстятъ себя надеждой остановить движеніе, охватившее уже всѣ классы народа, присоединяя къ ужасу бойни еще произволъ массовыхъ арестовъ: отнынѣ началась рѣшительная схватка, и героизмъ русскаго пролетаріата, авангарда революціи, порука въ томъ, что борьба будетъ доведена до конца, до разрушенія режима, являющагося чудовищнымъ наслѣдіемъ прошлаго, самой опасной угрозой вольностямъ всей Европы.

Нужно, чтобы въ этой борьбѣ наши русскіе братья могли разсчитывать не только на нашу духовную солидарность, но и на дѣйствительную помощь соціалистическихъ партій всего міра.

Борьба, которую они ведутъ — наша борьба! Врагъ, который ихъ гнететъ — врагъ всего человѣческаго рода!

Съ горячимъ призывомъ обращается Международное Соціалистическое Бюро ко всѣмъ, кто можетъ, какимъ бы то ни было способомъ — дѣйствіемъ, вліяніемъ, агитаціей — содѣйствовать дѣлу освобожденія, дѣлу, которое будетъ однимъ изъ самыхъ грандіозныхъ и самыхъ многообѣщающихъ событій исторіи.

Отдавая приказъ о Петербургской бойнѣ, Николай II подписалъ смертный приговоръ царизму!

Долой самодержавіе!

Да здравствуетъ международный соціализмъ.

Исполнительный Комитетъ Международнаго
Соціалистическаго Бюро: Эмиль Вандервельде.
Эдуардъ Анселе.
Секретарь: Викторъ Серви.

ДЕВЯТОЕ ЯНВАРЯ

Двѣ силы стояли другъ противъ друга, двѣ силы боролись за власть въ современной Россіи. На одной сторонѣ шайка темныхъ хищниковъ, воплощающая въ себѣ всѣ такъ называемыя историческія традиціи Россіи, мрачный ужасъ ея прошлаго, кровавый позоръ настоящаго, безисходную тоску ея возможнаго будущаго. На другой сторонѣ — рвущееся къ свободѣ „общество" — буржуазный либерализмъ и разночинная демократія, борцы за культуру и гражданственность.

Странной казалась эта тяжба двухъ крохотныхъ группъ, расположившихся на могучей спинѣ гиганта народа. И когда сила, олицетворяющая буржуазное будущее Россіи, подымала свой голосъ, то реакціонная сила, гордая своей мрачной традиціей, насмѣшливо отвѣчала: народъ не съ вами! народъ безмолвствуетъ, ему нѣтъ дѣла до вашихъ стремленій! И подъ бичемъ злой насмѣшки русскій либерализмъ съеживалъ свои историческія задачи и дѣло національнаго освобожденія страны принижалъ до дѣла „упорядоченія" самодержавнаго порядка. Борьба между царизмомъ и народомъ подмѣнялась борьбой между „бюрократіей" и „земщиной". И на наглый вопросъ реакціонеровъ: гдѣ же народъ? „общество" подтверждало: революціонный народъ отсутствуетъ.

Между тѣмъ, пока велась эта тяжба, пока бюрократія и либерализмъ занимались своимъ невиннымъ фехтованіемъ, въ народѣ шла глухая работа мысли. Въ судорожныхъ потрясеніяхъ „мобилизаціонныхъ безпорядковъ", въ взрывахъ массоваго отчаянія, въ тамъ и сямъ пробивавшихся политическихъ демонстраціяхъ и стачкахъ проявлялось революціонное броженіе. И на эту почву, разрыхленную неустанной работой соціальдемократіи, падали скудные лучи либеральной „весны", и благодарная почва пускала изъ себя множество еще незамѣтныхъ издали ростковъ. Откуда то, словно изъ подъ земли, на оживленныя „весной" либеральныя и демократическія газеты предъявлялся колоссальный спросъ, какой-то невѣдомый массовый читатель жадно ловилъ все, что хоть намекомъ говорило о рѣшительной борьбѣ за свободу. Десятки и сотни, порою тысячи, передовыхъ пролетаріевъ появлялись передъ либеральными собраніями и требовали отъ общества принятія демократической программы въ борьбѣ съ царизмомъ. Они говорили отъ имени милліоновъ трудящихся, они говорили, какъ организованный въ рабочую партію авангардъ россійскаго пролетаріата. Но ихъ заявленія — встрѣчались ли они ворчливымъ брюзжаніемъ или горячимъ, но не безъ примѣси скептицизма, сочувствіемъ — не встрѣчали довѣрія. За сотнями и тысячами передовыхъ одиночекъ общество не хотѣло замѣтить *массы*. И либеральная борьба плелась въ прежнихъ рамкахъ, въ томительной смѣнѣ смѣлыхъ рѣчей и ыхъ поступковъ, не дерзая признать себя частью *народ* движенія, не смѣя разорвать съ самодержавіемъ, не рѣша ринять лозунговъ революціи и демократической программы олюціоннаго народа" для „общества" все еще не существо о.

Девятаго января революціонный народъ оказался на лицо, скоро организовавшій свои стотысячныя массы вокругъ созданныхъ самою реакціей учрежденій, тѣсно сплотившійся вокругъ тѣхъ случайныхъ вождей, которые дерзнули повести его на рѣшительный бой, и съ поразительнымъ единодушіемъ написавшій на своемъ знамени тѣ политическія требованія, во имя которыхъ вела свою агитацію соціальдемократія. Отнынѣ знаменитая петиція петербургскихъ рабочихъ останется вѣчнымъ памятникомъ политическаго успѣха нашей работы, и легкость, съ которою сотнямъ организованныхъ соціальдемократовъ удалось въ нѣсколько дней привлечь сплоченныя Гапономъ стотысячныя массы къ этимъ требованіямъ, является неоспоримымъ залогомъ дальнѣйшаго, все возростающаго успѣха нашей работы.

Революціонный народъ оказался на лицо—въ образѣ столичнаго пролетаріата, логикой стихійной классовой борьбы быстро мобилизованнаго для революціоннаго натиска на самодержавіе. Не прошло двухъ недѣль со времени начала петербургской стачки, и *около милліона пролетаріевъ* во всѣхъ концахъ Россіи бросило работу. Такое движеніе едва ли знаетъ исторія классовой борьбы во всемъ мірѣ. Этотъ милліонъ пролетаріевъ, появившихся на политической аренѣ въ тотъ моментъ, когда либеральная „весна" готова была исчерпать себя до дна, — своимъ грандіознымъ выступленіемъ радикально измѣнилъ все политическое положеніе.

Девятаго января петербургскіе пролетаріи предъявили краткосрочный ультиматумъ дому Романовыхъ и, обративъ залитую кровью мирную манифестацію въ революціонную схватку съ полчищами царизма, нанесли послѣднему страшный ударъ.

Какъ уличная, баррикадная революція, какою оно стало, благодаря логикѣ событій, девятое января не удалось — рабочія массы не имѣли оружія, онѣ не подготовились къ тому, чтобы овладѣть имъ въ тотъ моментъ, когда ощутили въ немъ потребность. Но именно эта неудача показала наглядно, что уличная революція можетъ и должна побѣдить въ современной Россіи, несмотря на то, что въ этой революціи пролетарскія массы не могутъ и мечтать о вооруженіи, сколько нибудь равномъ тому, которымъ располагаетъ государство. „Тайна успѣха прошлыхъ революцій заключалась не въ превосходствѣ оружія инсургентовъ надъ оружіемъ солдатъ, а исключительно въ томъ, что, дѣйствуя въ *атмосферѣ сочувствія всего населенія*, революціонеры могли оказывать войскамъ *упорное сопротивленіе* вплоть до того неизбѣжнаго психологическаго момента, когда дѣйствующія въ атмосферѣ всеобщей вражды войска начинали колебаться и освобождаться отъ гипноза дисциплины. Продержаться на улицахъ возможно дольше — такова техническая задача всякаго открытаго нападенія на государственную власть. И опытъ 9 января показалъ, что даже колоссальныя военныя силы не могутъ помѣшать стотысячнымъ массамъ владѣть улицей. Десятки залповъ, пущенныхъ воинствомъ князя Владиміра, не могли „очистить" улицъ столицы. Если бы массы, подготовленныя къ ожидавшей ихъ встрѣчѣ, владѣя кое какимъ оружіемъ, укрѣпились на улицахъ столицы и заставили царское воинство брать приступомъ каждую пядь земли, если бы онѣ вынудили его перейти отъ „обороны" (Зимняго дворца) къ нападенію на созданныя народомъ укрѣпленія, то еще неизвѣстно, не закончилось ли бы уже 9 января пораженіемъ царскаго правительства въ Петербургѣ.

Девятое января показало всѣмъ, что не только революціонный народъ не есть выдумка соціальдемократіи, но что и народное возстаніе не есть ея иллюзія. Тѣмъ самымъ сильно возрасла не только увѣренность революціонныхъ массъ въ возможности боевой тактики, но и симпатія окружающей среды къ революціоннымъ дѣйствіямъ пролетаріата. Своимъ „неудачнымъ" возстаніемъ 9 января петербургскіе пролетаріи завоевали своему классу вниманіе и сочувствіе всего населенія и несказанно облегчили веденіе дальнѣйшей борьбы за свободу Россіи.

Но они достигли еще большаго. Когда ночью девятаго января борцы за свободу подсчитывали многочисленныя жертвы этого дня, они должны были, по справедливости, къ многимъ сотнямъ павшихъ прибавить цѣлыхъ четыре убитыхъ или, по крайней мѣрѣ, смертельно раненыхъ „истинно-русскихъ" идеи.

Разъ навсегда поражена — и не излечиться ей во вѣки! — идея „народнаго царя". Сыгравшій такую роль во всемъ движеніи, культивировавшій эту идею, Г. Гапонъ открыто и честно констатировалъ ея крушеніе. Вмѣстѣ съ ней, однако, слетаетъ послѣдняя идеологическая риза съ кроваваго самодержавія, исчезаетъ послѣдняя тѣнь нравственной связи его съ народомъ.

Добита окончательно послѣ ранъ, нанесенныхъ Зубатовымъ и Шаевичемъ идея россійскаго полицейскаго соціализма. Мыслимы еще новыя и новыя погудки на этотъ достаточно старый уже ладъ, но „духъ живъ" навсегда улетѣлъ уже отъ „зубатовскаго экономизма", и если бы новые „легальные союзы" были инсценированы самодержавіемъ, теперь уже съ самаго начала рабочіе будутъ входить въ нихъ съ скрытой цѣлью возмущенія.

Въ крови и грязи сходитъ съ политической сцены „политика довѣрія", сходитъ, чтобы никогда уже болѣе не обморочить ни Россіи, ни Европы. Вмѣстѣ съ зубатовщиной полицейскаго соціализма убита зубатовщина полицейскаго либерализма.

И, наконецъ, на смерть пораженъ умѣренный россійскій либерализмъ, спекулировавшій на истощеніе царизма въ его борьбѣ съ внѣшними и внутренними врагами и на „безболѣзненную" передачу маленькой части государственной власти изъ рукъ монарха въ руки „земщины". Послѣ 9 января невозможно вершить судьбы Россіи, безъ вѣдома русскаго народа. Послѣ девятаго января нельзя стоять за свободу, напередъ устраняя народъ отъ пользованія плодами ея. Послѣ 9 января нельзя отождествлять „общественное мнѣніе" Россіи съ мнѣніемъ ея „верхнихъ десяти тысячъ".

Велико историческое значеніе этого перелома въ русской жизни. Оно уже сказалось въ небываломъ еще нигдѣ взрывѣ открытаго сочувствія представителей всѣхъ общественныхъ классовъ дѣлу пролетарской борьбы. Пролетаріатъ — освободитель родины, пролетаріатъ — авангардъ всей націи въ эти дни признанъ въ своей героической роли общественнымъ мнѣніемъ передовыхъ элементовъ либерально-демократической буржуазіи. Вести пролетаріатъ, вести систематически и послѣдовательно по тому пути, на который 9 января вступили петербургскіе рабочіе такова та задача, выполняя которую россійская соціальдемократія сумѣетъ всецѣло использовать свое своеобразное историческое положеніе въ общенаціональной борьбѣ за свободу. Вести пролетаріатъ по этому пути значитъ реализовать въ полной мѣрѣ плоды неустанной работы соціальдемократіи надъ формированіемъ въ современной Россіи самостоятельнаго классоваго пролетарскаго движенія.

Однимъ мощнымъ ударомъ петербургскіе пролетаріи закрѣпили за всѣмъ россійскимъ пролетаріатомъ его позицію класса — освободителя націи, позицію класса, владѣющаго дѣйствительной гегемоніей въ общенаціональномъ дѣлѣ. Освобожденіе Россіи, какъ производное классовой борьбы пролетаріата, эта головоломная „доктринерская" идея соціальдемократовъ, облекается въ плоть и кровь на глазахъ русскаго общества. И когда въ отвѣтъ на подавленіе петербургскаго возстанія, величественный порывъ классовой солидарности вызываетъ стачки во всѣхъ концахъ Россіи, буржуазное общество не въ силахъ сопротивляться этому движенію, и не имѣя возможности *въ данный моментъ* поднять свой протестъ до высоты, достигнутой въ Петербургѣ, Московскіе, Рижскіе, Ковенскіе, Саратовскіе и др. рабочіе, можно сказать, „шутя", въ ходѣ сдѣланнаго ими себѣ военнаго смотра, добываютъ себѣ значительныя экономическія уступки, которыя при другихъ условіяхъ стоили бы имъ массы жертвъ и которыя значительно повысятъ ихъ боевую энергію, боевую готовность и организованность. Въ одномъ уже этомъ колоссальное значеніе продолжающагося по сей день движенія.

Но еще болѣе важно то вліяніе, которое переживаемыя событія окажутъ на классовое самосознаніе всего россійскаго пролетаріата. Пусть въ данный моментъ въ большинствѣ случаевъ дѣло и не пойдетъ далѣе стачки или мирной демонстраціи. Изъ январскихъ дней весь россійскій пролетаріатъ выйдетъ выросшимъ политически на цѣлую голову. И плоды этого „стихійнаго" роста скажутся тѣмъ скорѣе и очевиднѣе, чѣмъ больше въ предыдущій періодъ соціальдемократія успѣла заронить въ эту стихійно поднявшуюся массу сознаніе ея историческихъ задачъ, чѣмъ тѣснѣе удалось ей своей агитаціей сплотить вокругъ себя передовые элементы этой массы. Все, что въ послѣдніе мѣсяцы было сдѣлано Партіей въ этомъ направленіи агитаціей противъ войны и агитаціей по поводу земско-либеральнаго движенія, скажется въ степени сознательности и революціонности внезапно поднявшихся массъ, какъ уже сказалось въ эти знаменательные дни въ Петербургѣ, гдѣ такъ легко, такъ поразительно быстро, благодаря умѣлой агитаціи нашихъ товарищей рабочія массы перешли отъ лозунговъ реакціонной демагогіи и націоналъ-либерализма къ революціоннымъ лозунгамъ соціальдемократіи.

Январская эпопея всероссійской пролетарской борьбы сразу создаетъ для нашей работы такой широкій базисъ, котораго у насъ еще никогда не было. Полтора года отдѣляетъ насъ отъ послѣдняго крупнаго массоваго выступленія пролетаріата. За эти полтора года много силъ Партіи было поглощено болѣзнями ея внутренняго развитія, много стихійныхъ факторовъ не давали ей возможности выпрямиться во весь ростъ и развернуть свою политическую работу. И, тѣмъ не менѣе, логика историческаго развитія вновь привела въ тѣсное соприкосновеніе съ нашей порѣдѣвшей и ослабѣвшей арміей могучую силу пролетарской стихіи и вновь въ результатѣ этого соприкосновенія соціальдемократія становится крупнѣйшей политической силой современности, а пролетаріатъ охотно принимаетъ ея политическое руководство. Двѣсти тысячъ было за нами въ памятные лѣтніе дни 1903 года — милліонъ уже стоитъ за нами сейчасъ въ этомъ грандіозномъ пролетарскомъ возстаніи, отъ котораго, по прекрасному выраженію Розы Люксембургъ, „вѣетъ духомъ Маркса".

Періодъ необходимой подготовительной работы сильно сокращенъ январскими событіями, положившими начало революціонной мобилизаціи громадныхъ массъ народа. Усиливая во много разъ свою агитацію, охватывая ею милліоны рабочихъ, крестьянъ, солдатъ, буржуазныхъ слоевъ націи, мы должны теперь призывать ихъ къ всенародному возстанію противъ царизма, прервавшаго 9-го января всякіе „мирные" переговоры съ народомъ.

Но, чтобы наша работа шла успѣшно и чтобы „духъ Маркса" не отлеталъ отъ нея, она должна идти въ томъ же *направленіи*, въ какомъ она развивалась послѣдніе мѣсяцы. Темпъ долженъ стать неизмѣримо болѣе быстрымъ, масштабъ практическихъ цѣлей каждаго дня уже сталъ болѣе крупнымъ, но принципы тактики и ея методы остаются тѣми же самыми. Революціонную мобилизацію массъ, мы — партія сознательнаго пролетаріата — совершаемъ посредствомъ сплоченія и организаціи передовыхъ пролетаріевъ въ самостоятельную и самостоятельно выступающую во всѣхъ событіяхъ общественной жизни пролетарскую партію. Пользуясь высоко поднявшейся волной революціоннаго возмущенія народа и поднимая ее все выше, выше, выше, — мы будемъ крѣпко сплачивать и спаивать въ одно великое цѣлое въ дѣйствительную рабочую партію — всѣ политически-мыслящіе элементы рабочаго класса. И когда голосъ этого коллективнаго агитатора — рабочей партіи — станетъ слышенъ народнымъ массамъ во всѣхъ концахъ Россіи, когда его политическіе лозунги будутъ восприниматься всей возстающей Россіей, какъ они были восприняты возставшимъ 9-го января рабочимъ Петербургомъ, когда звенья соціальдемократической пролетарской организаціи, укрѣпленныя ежечаснымъ упражненіемъ въ маневрахъ, аванпостныхъ сраженіяхъ и серьезныхъ битвахъ, станутъ охватывать всѣ боевые, революціонные элементы народныхъ низовъ — тогда россійской соціальдемократіи будетъ обезпечено *политическое руководство* неминуемымъ и быстро приближающимся къ осуществленію всенароднымъ возстаніемъ противъ царизма.

Намъ скажутъ, что, уйдя въ *эту* работу, мы оставляемъ въ сторонѣ „важнѣйшую" изъ задачъ момента — мы оставляемъ въ сторонѣ работу по вооруженію пролетаріата, по систематической подготовкѣ организаціи, которая гарантировала бы повсемѣстность и единовременность нападенія народа на правительство, которая бы обезпечила намъ *военно-техническое* руководство массами въ моментъ рѣшительной борьбы.

На это мы отвѣтимъ: въ качествѣ наиболѣе организованной и сознательной политической силы, мы, конечно, не можемъ игнорировать и техническихъ задачъ. Но, какъ онѣ ни важны, не въ нихъ центръ тяжести нашей работы по подготовкѣ массъ къ возстанію. Какъ и всѣ революціонеры, мы должны заботиться о вооруженіи идущихъ къ возстанію массъ, но не должны забывать, что подпольныя организаціи могутъ сдѣлать въ этомъ отношеніи очень немного, и всѣ ихъ старанія не будутъ имѣть никакого значенія, если онѣ не сумѣютъ вооружить народъ однимъ незамѣнимымъ оружіемъ — *жгучей потребностью напасть на самодержавіе и вооружиться для этого*. Вотъ куда должны мы направить свои усилія — *на пропаганду въ массахъ самовооруженія для цѣлей возстанія*. А такая пропаганда можетъ быть сколько нибудь плодотворна лишь въ связи съ такой тактикой, которая всесторонне революціонизируетъ сознаніе народныхъ массъ.

Такимъ образомъ, лишь въ той мѣрѣ можемъ мы надѣяться обезпечить приспособленіе нашей конспиративной организаціи къ задачамъ *техническаго* руководства возстаніемъ (которое въ Петербургѣ почти цѣликомъ находилось въ рукахъ Г. Гапона и его общества), —въ какой мы успѣемъ спаять организаціонной связью всѣ живыя силы россійскаго пролетаріата. А это, въ свою очередь, возможно для соціальдемократовъ только въ процессѣ неустанной и осмысленной политической агитаціи, только методами, развивающими самостоятельность пролетаріевъ, ихъ иниціативу и активность. Собрать подъ знаменемъ Партіи и крѣпко, внутренней связью, сплотить вокругъ нея десятки и сотни тысячъ пробудившихся въ эти дни къ революціонной борьбѣ рабочихъ—значитъ, сдѣлать большую половину того дѣла, которое намъ остается для приведенія русскаго пролетаріата въ полную боевую готовность. Если сдѣлано это, то нѣкоторыя, сравнительно легко примѣнимыя мѣры нашихъ мѣстныхъ организацій и нѣкоторое необходимое улучшеніе въ функціонированіи нашей центральной организаціи дадутъ намъ возможность

внести свою долю и въ дѣло техническаго руководства стихійными народными возстаніями...

Нелѣпо и вредно мечтать о *монополіи* активной роли въ надвигающемся возстаніи для русской соціальдемократіи. О чемъ она вправѣ, о чемъ она должна „мечтать“ — это о политической гегемоніи для своего класса, о *политически руководящей роли* для себя, какъ авангарда класса освободителя націи. А эта роль не можетъ быть ни достигнута, ни прочно закрѣплена за нами тѣмъ, что намъ удастся взять всецѣло въ свои рули техническую организацію и проведеніе возстанія. Сознательный пролетаріатъ, опираясь на логику стихійнаго процесса историческаго развитія, используетъ для своихъ цѣлей всѣ элементы организаціи, всѣ элементы броженія, которые создаетъ моментъ „кануна революціи“, нисколько не смущаясь тѣмъ, что всѣ эти элементы отнимаютъ у него долю „техническаго руководства“ самой революціей, и такимъ образомъ, волей неволей посодѣйствуютъ перенесенію нашихъ требованій въ самые отсталые слои народной массы. Мы будемъ только рады, если, вслѣдъ за *священникомъ*, популяризировавшимъ въ массахъ наше требованіе *разрыва государства съ церковью*, вслѣдъ за *монархическимъ* рабочимъ обществомъ, организовавшимъ *народный походъ на Зимній дворецъ*, русская революція обогатится генераломъ, который первымъ поведетъ народныя массы въ *побѣдный* бой противъ царскаго войска, или чиновникомъ, который первый провозгласитъ оффиціальное низверженіе царской власти. Мы будемъ вправѣ видѣть громадный успѣхъ нашей работы, если какое либо узко націоналистическое или ограниченно-буржуазное движеніе послужитъ послѣднимъ толчкомъ, отъ котораго затрясется царская Бастилія, если террористической организаціи заговорщиковъ удастся пробить въ правительственномъ механизмѣ первую брешь. Все это будетъ работать для рабочаго класса, если только рабочій классъ во всѣхъ перипетіяхъ революціи будетъ политическимъ авангардомъ возстающей націи, если подъ *его* политическимъ давленіемъ будутъ совершаться всѣ эти революціонныя превращенія, если только движущей силой всего революціоннаго процесса будетъ сознательная и планомѣрная работа соціальдемократіи.

Нашей задачей въ данный момента является, поэтому, не столько „организовать“ народную революцію, сколько „*развязать*“ ее Революція уже существуетъ потенціально въ мысляхъ и чувствахъ широкихъ народныхъ массъ. Надо дать ей выходъ въ открытомъ движеніи, надо реализовать ее — и эта задача лежитъ цѣликомъ въ области агитаціи и организаціи массъ, въ области *политическаго руководства* массами. Никто не сможетъ выполнить *эту* политическую работу лучше, чѣмъ соціальдемократія, связанная своею 20 тилѣтней дѣятельностью съ народными массами. Никто не сможетъ выполнить ее въ интересахъ классовой борьбы пролетаріата, кромѣ той партіи, для которой борьба за освобожденіе Россіи отъ царизма тѣсно сплетается съ процессомъ революціоннаго самоопредѣленія рабочаго класса съ процессомъ его организаціи для своего конечнаго и полнаго освобожденія.

Пусть же девятое января, начавшее новую эру въ жизни Россіи, положитъ начало и непрерывнымъ политическимъ успѣхамъ нашей Партіи, призванной исторіей стоять во главѣ національной русской революціи!

РЕВОЛЮЦІЯ ВЪ РОССІИ.

(Переводъ съ нѣмецкаго.)

5 февраля 1904 года была объявлена война между Японіей и правительствомъ русскаго царя, а черезъ годъ, 22 (9) января 1905 года, царь объявилъ войну своему собственному народу. Теперь онъ ведетъ эту внутреннюю войну не только противъ революціонныхъ сообществъ студентовъ и рабочихъ, а противъ всей массы своихъ подданныхъ — войну болѣе жестокую и варварскую, чѣмъ та, въ которой сталкиваются арміи на поляхъ Манчжуріи. Японскіе солдаты не трогаютъ тѣхъ, кто не сражается, щадятъ и капитулирующихъ. Царскіе слуги умерщвляютъ безоружныхъ, [illegible] убиваютъ дѣтей и женщинъ. „Отецъ“ народа свирѣпствуетъ въ своей странѣ такъ, какъ когда то свирѣпствовала въ ней орда самыхъ кровожадныхъ и звѣроподобныхъ хищниковъ монголовъ.

Междуусобная война въ Россіи началась и началась она побѣдой вооруженной силы, первой побѣдой, одержанной ею въ этомъ году беапрерывныхъ боевъ. Но эта побѣда обойдется автократамъ Россіи безконечно дороже всѣхъ пораженій въ Манчжуріи. Эта побѣда является могучимъ призывомъ къ цѣлому народу и требуетъ отъ него кроваваго мщенія. Лишь продолжая убивать можетъ поддерживать свое существованіе самодержавіе, но изъ крови каждаго убитаго должны вставать новые и новые мстители. Все безпощаднѣе, все отчаяннѣе, все съ большимъ презрѣніемъ и къ своей, и къ чужой жизни будетъ кипѣть этотъ ужасный междуусобный бой, который не можетъ кончиться прежде, чѣмъ будетъ низвержено въ прахъ самодержавіе, растерзанное тѣмъ самымъ народомъ, которому оно безпрерывно наноситъ тысячи и тысячи ранъ.

Быть можетъ на этотъ разъ царскому правительству удастся еще подавить массовыя стачки и демонстраціи въ провинціи, какъ удалось, повидимому, въ Петербургѣ. Но оно не можетъ же обойтись безъ пролетаріата, трудомъ котораго держится, какъ оно само, такъ и все общество. Не можетъ правительство и удовлетворить пролетаріатъ, изъ лишеній котораго черпаетъ оно свои богатства. Пока длится легкомысленно начатая война, оно будетъ наоборотъ безпрерывно раздражать рабочихъ. Давно уже начались въ Россіи волненія, постоянно подавляемыя и снова возрождающіяся все съ большей и большей силой и смѣлостью.

Но чѣмъ дальше продолжаются эти волненія, тѣмъ съ большей увѣренностью можно предсказать, что они всколыхнутъ, наконецъ, и дремлющія массы крестьянства; что за штурмами городскихъ „бастилій“ послѣдуютъ штурмы дворянскихъ „замковъ“. Россіи грозитъ всеобщій хаосъ — и ради чего? Единственно и исключительно ради благополучія придворной камарильи, высокомѣрно презирающей народъ, инстинктивно ненавидящей его и чующей смертельную опасность для себя въ каждой тѣни народной свободы. Камарилья увѣрена, что ея режимъ привилегій, злоупотребленій, хищеній можетъ безнаказанно продолжаться лишь до тѣхъ поръ, пока она сохраняетъ возможность не допускать ни малѣйшаго контроля надъ своими легкомысленными и преступными дѣйствіями; она одна нуждается въ сохраненіи современнаго режима.

Остальные имущіе классы—капиталисты, мелкая буржуазія, *помѣстное* дворянство въ нёмъ вовсе не заинтересованы.

Продленіе современнаго хаоса грозитъ наоборотъ самымъ существеннымъ интересамъ этихъ классовъ, такъ какъ возмущенныя народныя массы могутъ всего легче излить именно на нихъ первыя вспышки своего гнѣва, и никакая въ мірѣ военная сила не оказалась бы достаточной для ихъ охраны. Поэтому, чѣмъ ожесточеннѣе борьба между дворомъ и народными массами, тѣмъ беззащитнѣе чувствуютъ себя имущіе классы, тѣмъ опаснѣе ихъ положеніе, тѣмъ настоятельнѣе чувствуютъ они потребность въ политическихъ уступкахъ, которыя положили бы конецъ революціи, тѣмъ сильнѣе ихъ негодованіе противъ правительства, которое въ своемъ слѣпомъ упорствѣ безсовѣстно подвергаетъ ихъ величайшимъ опасностямъ.

Ко всему этому должно присоединиться наконецъ и возростающее раздраженіе самого войска. Побѣдоносное окончаніе войны съ Японіей съ настоящаго момента становится совершенно невозможнымъ. Мыслима ли теперь, при общенародномъ возмущеніи, дальнѣйшая мобилизація резервовъ, которая уже раньше всюду встрѣчала сильнѣйшее сопротивленіе? И можетъ ли отправлять войска на Дальній Востокъ то царское правительство, которое такъ нуждается въ нихъ противъ собственнаго народа? Война противъ Японіи можетъ еще тянуться нѣкоторое время, но это будетъ совершенно безцѣльная бойня, безцѣльное нагроможденіе жертвъ со стороны правительства, которое, не имѣя ни ума, ни силы для побѣды, обладаетъ достаточной дозой злобнаго упрямства и легковѣсной безсовѣстности, для сопротивленія неизбѣжному миру.

Этотъ миръ придетъ таки и будетъ позорнымъ для самодержавія, но чѣмъ дальше онъ откладывается, чѣмъ дольше водятъ на бойню распорядители судебъ Россіи свое войско въ Манчжуріи, тѣмъ съ большей силой должно будетъ вспыхнуть негодованіе этого войска, когда, побѣжденное, оно вернется домой послѣ всѣхъ принесенныхъ имъ безцѣльныхъ жертвъ. Возвращеніе манчжурской арміи представляетъ величайшую опасность для царизма. Къ могучему броженію громаднаго царства, къ возстаніямъ промышленныхъ рабочихъ и, быть можетъ, крестьянъ, къ недовольству имущихъ классовъ и интеллигенціи, къ покушеніямъ противъ столповъ самодержавія и взрывамъ отчаянной мести, чаша которой переполнена въ настоящій моментъ, — ко всему этому прибавится тогда возмущеніе какъ офицеровъ, такъ и солдатъ лучшей храбрѣйшей части русскаго войска. Чтобы устоять противъ всего этого колосса царизмъ долженъ бы опираться не на глиняныя ноги, а на желѣзныя скалы. Его единственной лейбъ-гвардіей останутся тогда тѣ воры, которые, грабя теперь безъ помѣхи государство, имѣютъ всѣ причины опасаться народнаго гнѣва.

Паденіе самодержавія стало несомнѣннымъ, когда оказалось, что правительство не въ состояніи справиться съ маленькой Японіей. Кричащее противорѣчіе деспотизма со всѣми жизненными потребностями современнаго общества не могло не становиться все невыносимѣе для Россіи, въ которой современные способы производства пустили такіе глубокіе корни. Вся нація была поставлена предъ диллемой, или оставаться равнодушной зрительницей своего собственнаго разложенія, или избавиться отъ самодержавнаго полипа, высасывающаго всю ея кровь. Тѣмъ не менѣе оппозиціонные слои городского пролетаріата вмѣстѣ со студенчествомъ не были достаточно сильны, чтобы нанести серьезный ударъ самодержавію. Какъ ни усердно велась словесная и письменная агитація, ея сила не была достаточна для того, чтобы поднять всю массу населенія, большая часть котораго едва поднялась надъ растительнымъ существованіемъ первобытнаго крестьянина. Нужны были болѣе могучія впечатлѣнія, чѣмъ тѣ, которыя могли вызвать агитаціонные листки и рѣчи. Чтобы почувствовать свою силу и понять свои задачи, юный великанъ нуждался въ наглядномъ обученіи, и оно дается ему теперь самое щедрое и настойчивое.

Война противъ Японіи показала ему всю бездонную глубину легкомыслія, неспособности и развращенности существующаго правительства. Битва или вѣрнѣе цѣлый рядъ битвъ 22 (9) января въ Петербургѣ съ ужасающей наглядностью показали, какъ безумно ждать какихъ бы то ни было уступокъ народнымъ потребностямъ отъ милости „миролюбиваго“ царя. Такой урокъ не могъ не проникнуть въ самую глубь сознанія — онъ подѣйствуетъ.

Сохраненіе самодержавія невозможно. Но до сихъ поръ въ широкихъ кругахъ еще надѣялись, что въ послѣдній моментъ правительство опомнится, добровольно отдастъ то, чего нельзя удержать на сколько-нибудь продолжительное время, и такимъ образомъ избѣгнетъ насильственной революціи. Переходя послѣднимъ изъ европейскихъ правительствъ—если не причислять Турціи къ Европѣ — къ конституціоннымъ формамъ, русское правительство, думали многіе, приметъ во вниманіе уроки предшественниковъ; взирая на европейскія монархіи, оно пойметъ, какъ незначительно то уменьшеніе власти, котораго потребуетъ отъ него конституція, на манеръ австрійской или прусской.

Этой грезѣ о „мирной революціи“ положенъ конецъ. Либерализмъ князя Святополка-Мирскаго оказался одной изъ потемкинскихъ деревень, воздвигнутой для облегченія займа. Какъ только заемъ былъ подписанъ, картонная деревня разсыпалась.

9 января стало очевидно, что путь мирныхъ реформъ закрытъ для Россіи, этотъ день рѣшилъ, что ея такъ кроваво начавшаяся революція будетъ идти впередъ тѣмъ же кровавымъ и насильственнымъ путемъ, что для восточной Европы XX-е столѣтіе начинается тѣмъ самымъ, чѣмъ для западной — закончилось XVIII-е.

8 января царь повелѣлъ палить картечью въ своихъ [illegible] подданныхъ, — заслужившихъ казнь за намѣреніе [illegible] приблизиться къ нему съ *прошеніемъ*. Обратилъ ли Николай II вниманіе на *число*, въ которое онъ принялъ свое рѣшеніе? 21 (8) января 1793 г. Людовикъ XVI былъ гильотинированъ за участіе въ заговорѣ, имѣвшемъ цѣлью кровавое подавленіе его возмутившагося народа. А, быть можетъ, именно число это и разстроило царю нервы? Трусливая растерянность могла также точно привести къ кровавой бойнѣ 22 (9) января, какъ и кровожадная рѣшительность.

Безъ радости привѣтствуемъ мы этотъ поворотный пунктъ. Страшная, полная жертвъ борьба предстоитъ народамъ россійскаго царства въ ближайшіе недѣли, мѣсяцы — быть можетъ годы. Но не напрасны будутъ эти жертвы. Свобода, завоеванная самимъ народомъ, дѣйствуетъ совершенно иначе, чѣмъ подаренная. Послѣдняя затрагиваетъ народъ лишь поверхностно и оставляетъ его въ сущности такимъ, какимъ онъ былъ, а первая — переворачиваетъ его до самой глубины, возрождаетъ его внутренне и быстро приводитъ къ зрѣлости, заставляя въ мѣсяцы и годы переживать десятилѣтія. Наименѣе искушеннымъ въ политикѣ, наименѣе знающимъ, болѣе наивнымъ, чѣмъ какой бы то ни было слой борющагося европейскаго пролетаріата, вступаетъ русскій пролетаріатъ въ начавшуюся революцію. И каковъ бы ни былъ ея исходъ, русскій пролетаріатъ выйдетъ изъ катастрофы ровесникомъ европейскаго, быть можетъ, его передовымъ борцомъ въ великой международной борьбѣ противъ всякаго господства и всякой эксплуатаціи. Его побѣда дастъ новыя силы въ борьбѣ пролетаріямъ всѣхъ странъ, она повсюду смутитъ и ослабитъ враговъ пролетарскаго [illegible].

Не для одной только Россіи началась новая историческая эпоха. 22 (9) января нынѣшняго года она началась для всего міра. Намъ предстоятъ великія событія. Пусть великій моментъ найдетъ достойное его поколѣніе!

К. Каутскій.

РОЗА ЛЮКСЕМБУРГЪ О РУССКОЙ РЕВОЛЮЦІИ.

Въ своей статьѣ „Die Revolution in Russland“[1] тов. Р. Люксембургъ, описавъ отличныя отъ западноевропейскихъ въ соотвѣтствующую эпоху соціальныя условія Россіи, говоритъ:

Дѣло просвѣщенія, развитія и организаціи пролетарской массы, выполнявшееся во всѣхъ другихъ странахъ въ предреволюціонную эпоху буржуазными классами, партіями и идеологами, въ Россіи выпало цѣликомъ на долю интеллигенціи, но интеллигенціи, въ идеологическомъ отношеніи, не буржуазной, а

---

[1] „Neue Zeit“, 1905 № 18.

Итоги и перспективы[1].

Революція подавлена, но она не побѣждена. Она не побѣждена, а въ самомъ ея паденіи — залогъ ея побѣды. Она показала, что она возможна. А разъ она возможна, то она возобновится и побѣдитъ.

Революція охватила всю страну. Она закрыла фабрики, остановила торговлю, закрыла банки и разогнала биржу, пріостановила движеніе по путямъ сообщенія въ городахъ, остановила печать, удалила студентовъ и профессоровъ изъ университетовъ, заставила закрыть двери судовъ и канцелярій, она пріостановила экономическую жизнь страны, прекратила функціи государства, за исключеніемъ одной — полицейской, и двинула стотысячныя массы противъ правительства. Ружейные выстрѣлы ея не задержали, она стала выше смерти и шла впередъ, теряя тысячи жертвъ, но все же она разбилась о преторіанскую гвардію, и волны народныхъ массъ, не охваченныхъ организаціей, не подготовленныхъ къ вооруженной борьбѣ, не разсчитывавшихъ на нее, не ожидавшихъ ея, медленно, со скрежетомъ зубовнымъ, еле подавляя въ себѣ возмущающееся чувство, не подъ вліяніемъ страха, а въ сознаніи своей неподготовленности къ рѣшительной борьбѣ, отхлынули назадъ.

Подведемъ итоги событіямъ.

Стачка началась съ чисто экономическихъ требованій рабочихъ. Но на почвѣ политическихъ условій Россіи давно уже всякая большая стачка неизбѣжно принимаетъ политическій характеръ. Это въ особенности должно было произойти теперь, послѣ того страшнаго возбужденія умовъ, которое создала позорная война. Иниціативу взяли на себя наши соціальдемократическія организаціи — онѣ выставили политическія требованія и съ успѣхомъ собирали вокругъ нихъ массы стачечниковъ. Въ это время выступилъ, въ качествѣ политическаго агитатора, священникъ Гапонъ, который ускорилъ развитіе событій и придалъ имъ своеобразный характеръ. Личность эта еще не вполнѣ опредѣлилась, но роль ея въ событіяхъ послѣднихъ дней вполнѣ ясна. Сознательно ли Георгій Гапонъ пріурочилъ свои взгляды къ воззрѣніямъ и настроеніямъ сѣрой массы, или на самомъ дѣлѣ не шелъ дальше того, что говорилъ, во всякомъ случаѣ онъ несомнѣнно стоялъ ближе, чѣмъ мы, къ этой массѣ. Но эта большая близость была достигнута на счетъ ясности политической цѣли и опредѣленности политическихъ средствъ борьбы. Вотъ почему, въ то время какъ мы могли создать только организаціонные пункты, вокругъ которыхъ концентрировались массы, священникъ Гапонъ могъ увлечь эти массы непосредственно. Но вотъ почему вмѣстѣ съ тѣмъ въ этомъ движеніи съ самаго начала таилось внутреннее противорѣчіе. Онъ велъ массы къ царю, а шелъ противъ царя; онъ велъ массы на мирную демонстрацію, а шелъ на революцію. Онъ имѣлъ за собою организацію въ семь тысячъ рабочихъ. Какъ революціонный разсадникъ, эта организація могла объединить вокругъ себя стотысячныя массы. Но она сама не знала своего революціоннаго характера, отъ нея скрытъ былъ ея революціонный смыслъ — вотъ почему эта организація въ нѣсколько тысячъ рабочихъ только ввела священника Гапона въ рабочіе массы, а затѣмъ сама растворилась въ неорганизованной толпѣ, вмѣсто того, чтобы связать ее звеньями своей организаціонной цѣпи. Герой и толпа — вотъ формула 9 января.

Георгій Гапонъ увлекъ за собой рабочіе массы, но онъ ихъ не объединилъ. У него хватило политической проницательности не разрывать съ соціальнореволюціонными организаціями, а, напротивъ, войти въ союзъ съ ними. Онъ, повидимому, заручился также поддержкой либеральныхъ и радикальныхъ элементовъ общества.

Либеральная русская оппозиція — оппозиція изъ среды имущихъ классовъ, оппозиція земствъ, городскихъ представительствъ, разныхъ съѣздовъ, вообще корпорацій людей „съ положеніемъ“ —къ этому времени оказалась на рубежѣ политическаго поворота. До того она не была революціонна. Она надѣялась достичь политическихъ реформъ путемъ давленія общественнаго мнѣнія на правительство. Но надежды эти расплылись. Эра либеральничающаго Святополка-Мирскаго явно приходила къ концу. Правительство круто повернуло назадъ — не оставалось никакого сомнѣнія, что настаетъ новый періодъ реакціи. Что дѣлать? Надо было противопоставить правительству политическую силу, а въ распоряженіи либераловъ были только жалобы и запугиванія. Либералы оказались передъ дилемой: либо сдаться, либо перейти на революціонный путь. Тутъ подоспѣли стачки. Во главѣ массъ оказался священникъ Гапонъ. Именно внѣпартійный, неорганизованный характеръ этого движенія какъ нельзя больше подошелъ къ интересамъ либераловъ. Ихъ классовой инстинктъ подсказывалъ имъ, что эти стотысячныя толпы рабочаго народа могутъ развить громадную политическую силу, могутъ одержать великую политическую побѣду, но, не будучи организованы, не съумѣютъ удержать за собой политическое положеніе, господиномъ котораго окажется „общество“, т. е. либералы. Разсчитывали ли либералы непосредственно на революцію? Врядъ ли, хотя они, конечно, не могли не считаться съ ней. Ихъ главный разсчетъ былъ на то, чтобы устрашить правительство, сломить реакціонную энергію правительства, возстановить и упрочить либеральную эру и заодно съ реформирующимъ правительствомъ задержать революціонное движеніе массъ — вотъ политическія задачи либеральнаго общества.

Итакъ, въ поднявшейся съ стихійной силой революціонной арміи были различныя, смутныя и противорѣчивыя теченія. Сознательно съ политической программой революціи шли только соціалисты и та относительно небольшая, но все же довольно значительная часть рабочихъ, которыхъ имъ удалось сгруппировать вокругъ себя. Массы шли подъ вліяніемъ своего революціоннаго настроенія, увлекаемыя обаяніемъ геройской личности, водушевленныя, вмѣстѣ съ тѣмъ, идеей общенія съ царемъ. Онѣ шли не на борьбу, а на смерть. Либералы шли, готовые предать революцію въ первый же моментъ, когда правительство имъ протянетъ руку. Георгій Гапонъ въ лучшемъ случаѣ надѣялся на то, что событія дадутъ направленіе революціонной энергіи массъ и въ горнилѣ революціонной борьбы отпадутъ шлаки реакціонныхъ воззрѣній. Былъ герой, но не было политическаго руководителя, не было программы дѣйствія, не было организаціи.

Царь не могъ выйти къ рабочимъ массамъ. Если бы онъ къ нимъ вышелъ, то это на моментъ было бы великимъ торжествомъ монархической идеи. Но только на одинъ моментъ. Массы приняли бы это какъ признаніе ихъ силы. Рѣзкій отказъ въ ихъ требованіяхъ вызвалъ бы немедленно возстаніе. Всякій неопредѣленный отвѣтъ былъ бы принятъ какъ обѣщаніе. Массы разошлись бы, но съ растущей увѣренностью въ свои силы — черезъ непродолжительное время онѣ вернулись бы съ большей силой и большей рѣшимостью.

Но царь и не хотѣлъ выйти къ народу. Царское правительство ждало возстанія и готовилось къ нему. Соціалисты и правительство — вотъ тѣ единственныя политическія силы, которыя шли въ борьбу съ ясной политической цѣлью. Соціалисты шли съ тѣмъ, чтобы придать мирной демонстраціи революціонный характеръ, — правительство очень вѣрно разсчитало, что ему выгоднѣе потопить въ крови неподготовленную революцію, чѣмъ ждать, пока она сорганизуется и политически опредѣлится. Правительство къ тому же, чтобы поднять свой политическій престижъ и упрочить свое финансовое положеніе на биржѣ, рѣшило показать Европѣ, что оно твердо держитъ власть въ своихъ рукахъ.

Правительство готовило бойню и звало весь цивилизованный міръ въ свидѣтели своей кровавой расправы. Втеченіе нѣсколькихъ дней газеты и даже оффиціозныя бюро [illegible] сообщали точныя подробности о готовящихся въ Петербургѣ событіяхъ. Заявленія отца Гапона, рѣшенія рабочихъ собраній, интервью литераторовъ и политиковъ были немедленно сообщаемы по телеграфу во всѣ концы міра. Мы могли слѣдить за развивающимся движеніемъ чуть ли не также, какъ въ время за массовой стачкой въ Бельгіи. Это было бы можно, если бы оно не было желательно правительству.

---

[1] Какъ видитъ читатель изъ статьи „Девятое января“ не всѣ мысли, выраженныя тов. Парвусомъ, раздѣляются редакціей „Искры“.

внести свою долю и въ дѣло техническаго руководства стихійными народными возстаніями...

Нелѣпо и вредно мечтать о *монополіи* активной роли въ надвигающемся возстаніи для русской соціальдемократіи. О чемъ она вправѣ, о чемъ она должна „мечтать“ — это о политической гегемоніи для своего класса, о *политически руководящей роли* для себя, какъ авангарда класса освободителя націи. А эта роль не можетъ быть ни достигнута, ни прочно закрѣплена за нами тѣмъ, что намъ удастся взять всецѣло въ свои руки техническую организацію и проведеніе возстанія. Сознательный пролетаріатъ, опираясь на логику стихійнаго процесса историческаго развитія, использует для своихъ цѣлей всѣ элементы организаціи, всѣ элементы броженія, которые создаетъ моментъ „кануна революціи“, нисколько не смущаясь тѣмъ, что всѣ эти элементы отнимаютъ у него долю „техническаго руководства“ самой революціей, и такимъ образомъ, волей неволей посодѣйствуютъ перенесенію нашихъ требованій въ самые отсталые слои народной массы. Мы будемъ только рады, если, вслѣдъ за *священникомъ*, популяризировавшимъ въ массахъ наше требованіе *разрыва государства съ церковью*, вслѣдъ за *монархическимъ* рабочимъ обществомъ, организовавшимъ *народный походъ на Зимній дворецъ*, русская революція обогатится генераломъ, который первымъ поведетъ народныя массы въ побѣдный бой противъ царскаго войска, или чиновникомъ, который первый провозгласитъ оффиціальное низверженіе царской власти. Мы будемъ вправѣ видѣть громадный успѣхъ нашей работы, если какое либо узко націоналистическое или ограниченно-буржуазное движеніе послужитъ послѣднимъ толчкомъ, отъ котораго затрясется царская Бастилія, если террористической организаціи заговорщиковъ удастся пробить въ правительственномъ механизмѣ первую брешь. Все это будетъ работать для рабочаго класса, если только рабочій классъ во всѣхъ перипетіяхъ революціи будетъ политическимъ авангардомъ возстающей націи, если подъ *ея* политическимъ давленіемъ будутъ совершаться всѣ эти революціонныя превращенія, если только движущей силой всего революціоннаго процесса будетъ сознательная и планомѣрная работа соціальдемократіи.

Нашей задачей въ данный момента является, поэтому, не столько „организовать“ народную революцію, сколько „*развязать*“ ее. Революція уже существуетъ потенціально въ мысляхъ и чувствахъ широкихъ народныхъ массъ. Надо дать ей выходъ въ открытомъ движеніи, надо реализовать ее — и эта задача лежитъ цѣликомъ въ области агитаціи и организаціи массъ, въ области *политическаго руководства* массами. Никто не сможетъ выполнить *эту* политическую работу лучше, чѣмъ соціальдемократія, связанная своею 20 тилѣтней дѣятельностью съ народными массами. Никто не сможетъ выполнить ее въ интересахъ классовой борьбы пролетаріата, кромѣ той партіи, для которой борьба за освобожденіе Россіи отъ царизма тѣсно сплетается съ процессомъ революціоннаго самоопредѣленія рабочаго класса, съ процессомъ его организаціи *для* своего конечнаго и полнаго освобожденія.

Пусть же девятое января, начавшее новую эру въ жизни Россіи, положитъ начало и непрерывнымъ политическимъ успѣхамъ нашей Партіи, призванной исторіей стоять во главѣ національной русской революціи!

РЕВОЛЮЦІЯ ВЪ РОССІИ.

(Переводъ съ нѣмецкаго.)

5 февраля 1904 года была объявлена война между Японіей и правительствомъ русскаго царя, а черезъ годъ, 22 (9) января 1905 года, царь объявилъ войну своему собственному народу. Теперь онъ ведетъ эту внутреннюю войну не только противъ революціонныхъ сообществъ студентовъ и рабочихъ, а противъ всей массы своихъ подданныхъ — войну болѣе жестокую и варварскую, чѣмъ та, въ которой сталкиваются арміи на поляхъ Манчжуріи. Японскіе солдаты не трогаютъ тѣхъ, кто не сражается, щадятъ капитулирующихъ. Царскіе слуги умерщвляютъ безоружныхъ, пришедшихъ съ прошеніемъ, убиваютъ дѣтей и женщинъ. „Отецъ“ народа свирѣпствуетъ въ своей странѣ такъ, какъ когда то свирѣпствовала въ ней орда самыхъ кровожадныхъ и звѣроподобныхъ хищниковъ монголовъ.

Междуусобная война въ Россіи началась и началась она побѣдой вооруженной силы, первой побѣдой, одержанной ею въ этомъ году безпрерывныхъ боевъ. Но эта побѣда обойдется автократамъ Россіи безконечно дороже всѣхъ пораженій въ Манчжуріи. Эта побѣда является могучимъ призывомъ къ цѣлому народу и требуетъ отъ него кроваваго мщенія. Лишь продолжая убивать можетъ поддерживать свое существованіе самодержавіе, но изъ крови каждаго убитаго должны вставать новые и новые мстители. Все безпощаднѣе, все отчаяннѣе, все съ большимъ презрѣніемъ и къ своей, и къ чужой жизни будетъ кипѣть этотъ ужасный междуусобный бой, который не можетъ кончиться прежде, чѣмъ будетъ низвержено въ прахъ самодержавіе, растерзанное тѣмъ самымъ народомъ, которому оно безпрерывно наноситъ тысячи и тысячи ранъ.

Быть можетъ на этотъ разъ царскому правительству удастся еще подавить массовыя стачки и демонстраціи въ провинціи, какъ удалось, повидимому, въ Петербургѣ. Но оно не можетъ же обойтись безъ пролетаріата, трудомъ котораго держится, какъ оно само, такъ и все общество. Не можетъ правительство и удовлетворить пролетаріатъ, изъ лишеній котораго черпаетъ оно свои богатства. Пока длятся легкомысленно начатая война, оно будетъ наоборотъ безпрерывно раздражать рабочихъ. Давно уже начались въ Россіи волненія, постоянно подавляемыя и снова возрождающіяся все съ большей и большей силой и смѣлостью.

Но чѣмъ дальше продолжаются эти волненія, тѣмъ съ большей увѣренностью можно предсказать, что они всколыхнутъ, наконецъ, и дремлющія массы крестьянства; что за штурмами городскихъ „бастилій“ послѣдуютъ штурмы дворянскихъ „замковъ“. Россіи грозитъ всеобщій хаосъ — и ради чего? Единственно и исключительно ради благополучія придворной камарильи, высокомѣрно презирающей народъ, инстинктивно ненавидящей его и чующей смертельную опасность для себя въ каждой тѣни народной свободы. Камарилья увѣрена, что ея режимъ привилегій, злоупотребленій, хищеній можетъ безнаказанно продолжаться лишь до тѣхъ поръ, пока она сохраняетъ возможность не допускать ни малѣйшаго контроля надъ своими легкомысленными и преступными дѣйствіями; она одна нуждается въ сохраненіи современнаго режима.

Остальные имущіе классы—капиталисты, мелкая буржуазія, помѣстное дворянство въ немъ вовсе не заинтересованы.

Продленіе современнаго хаоса грозитъ наоборотъ самымъ существеннымъ интересамъ этихъ классовъ, такъ какъ возмущенныя народныя массы могутъ всего легче валить именно на нихъ первыя вспышки своего гнѣва, и никакая въ мірѣ военная сила не оказалась бы достаточной для ихъ охраны. Поэтому, чѣмъ ожесточеннѣе борьба между дворомъ и народными массами, тѣмъ беззащитнѣе чувствуютъ себя имущіе классы, тѣмъ опаснѣе ихъ положеніе, тѣмъ настоятельнѣе чувствуютъ они потребность въ политическихъ уступкахъ, которыя положили бы конецъ революціи, тѣмъ сильнѣе ихъ негодованіе противъ правительства, которое въ своемъ слѣпомъ упорствѣ безсовѣстно подвергаетъ ихъ величайшимъ опасностямъ.

Ко всему этому должно присоединиться наконецъ и возростающее раздраженіе самого войска. Побѣдоносное окончаніе войны съ Японіей съ настоящаго момента становится совершенно невозможнымъ. Мыслима ли теперь, при общенародномъ возмущеніи, дальнѣйшая мобилизація резервовъ, которая уже раньше всюду встрѣчала сильнѣйшее сопротивленіе? И можетъ ли отправлять войска на Дальній Востокъ то царское правительство, которое такъ нуждается въ нихъ противъ собственнаго народа? Война противъ Японіи можетъ еще тянуться нѣкоторое время, но это будетъ совершенно безцѣльная бойня, безцѣльное нагроможденіе жертвъ со стороны правительства, которое, не имѣя ни ума, ни силы для побѣды, обладаетъ достаточной дозой злобнаго упрямства и легковѣсной безсовѣстности, для сопротивленія неизбѣжному миру.

Этотъ миръ придетъ таки и будетъ позорнымъ для самодержавія, но чѣмъ дальше онъ откладывается, чѣмъ дольше водятъ на бойню распорядители судебъ Россіи свое войско въ Манчжуріи, тѣмъ съ большей силой должно будетъ вспыхнуть негодованіе этого войска, когда, побѣжденное, оно вернется домой послѣ всѣхъ принесенныхъ имъ безцѣльныхъ жертвъ. Возвращеніе манчжурской арміи представляетъ величайшую опасность для царизма. Къ могучему броженію громаднаго царства, къ возстаніямъ промышленныхъ рабочихъ и, быть можетъ, крестьянъ, къ недовольству имущихъ классовъ и интеллигенціи, къ покушеніямъ противъ столповъ самодержавія и взрывамъ отчаянной мести, чаша которой переполнена въ настоящій моментъ, — ко всему этому прибавится тогда возмущеніе какъ офицеровъ, такъ и солдатъ лучшей, храбрѣйшей части русскаго войска. Чтобы устоять противъ всего этого колоссъ царизма долженъ бы опираться не на глиняныя ноги, а на желѣзныя скалы. Его единственной лейбъ-гвардіей останутся тогда тѣ воры, которые, грабя теперь безъ помѣхи государство, имѣютъ всѣ причины опасаться народнаго гнѣва.

Паденіе самодержавія стало несомнѣннымъ, когда оказалось, что правительство не въ состояніи справиться съ маленькой Японіей. Кричащее противорѣчіе деспотизма со всѣми жизненными потребностями современнаго общества не могло не становиться все невыносимѣе для Россіи, въ которой современные способы производства пустили такіе глубокіе корни. Вся нація была поставлена предъ дилемой, или оставаться равнодушной зрительницей своего собственнаго разложенія, или избавиться отъ самодержавнаго полипа, высасывающаго всю ея кровь. Тѣмъ не менѣе оппозиціонные слои городского пролетаріата вмѣстѣ со студенчествомъ не были достаточно сильны, чтобы нанести серьезный ударъ самодержавію. Какъ ни усердно велась словесная и письменная агитація, ея сила не была достаточна для того, чтобы поднять всю массу населенія, большая часть котораго едва поднялась надъ растительнымъ существованіемъ первобытнаго крестьянина. Нужны были болѣе могучія впечатлѣнія, чѣмъ тѣ, которыя могли вызвать агитаціонные листки и рѣчи. Чтобы почувствовать свою силу и понять свои задачи, юный великанъ нуждался въ наглядномъ обученіи, и оно дается ему теперь самое щедрое и настойчивое.

Война противъ Японіи показала ему всю бездонную глубину легкомыслія, неспособности и развращенности существующаго правительства. Битва или вѣрнѣе цѣлый рядъ битвъ 22 (9) января въ Петербургѣ съ ужасающей наглядностью показали, какъ безумно ждать какихъ бы то ни было уступокъ народнымъ потребностямъ отъ милости „миролюбиваго“ царя. Такой урокъ не могъ не проникнуть въ самую глубь сознанія — онъ подѣйствуетъ.

Сохраненіе самодержавія невозможно. Но до сихъ поръ въ широкихъ кругахъ еще надѣялись, что въ послѣдній моментъ правительство опомнится, добровольно отдастъ то, чего нельзя удержать на сколько-нибудь продолжительное время, и такимъ образомъ избѣгнетъ насильственной революціи. Переходя послѣднимъ изъ европейскихъ правительствъ—если не причислять Турціи къ Европѣ — къ конституціоннымъ формамъ, русское правительство, думали многіе, приметъ во вниманіе уроки предшественниковъ; взирая на европейскія монархіи, оно пойметъ, какъ незначительно то уменьшеніе власти, котораго потребуетъ отъ него конституція, на манеръ австрійской или прусской.

Этой грезѣ о „мирной революціи“ положенъ конецъ. Либерализмъ князя Святополка-Мирскаго оказался одной изъ потемкинскихъ деревень, воздвигнутой для облегченія займа. Какъ только заемъ былъ подписанъ, картонная деревня разсыпалась.

9 января стало очевидно, что путь мирныхъ реформъ закрытъ для Россіи, этотъ день рѣшилъ, что ея такъ кроваво начавшаяся революція будетъ идти впередъ тѣмъ же кровавымъ и насильственнымъ путемъ, что для восточной Европы XX-е столѣтіе начинается тѣмъ самымъ, чѣмъ для западной — закончилось XVIII-е.

8 января царь повелѣлъ палить картечью въ своихъ [illegible]ныхъ подданныхъ, — заслужившихъ казнь за намѣреніе [illegible] приближаться къ нему съ *прошеніемъ*. Обратилъ ли Николай II вниманіе на *число*, въ которое онъ принялъ свое рѣшеніе? 21 (8) января 1793 г. Людовикъ XVI былъ гильотинированъ за участіе въ заговорѣ, имѣвшемъ цѣлью кровавое подавленіе его возмутившагося народа. А, быть можетъ, именно число это и разстроило царю нервы? Трусливая растерянность могла также точно привести къ кровавой бойнѣ 22 (9) января, какъ и кровожадная рѣшительность.

Безъ радости привѣтствуемъ мы этотъ поворотный пунктъ. Страшная, полная жертвъ борьба предстоитъ народамъ россійскаго царства въ ближайшіе недѣли, мѣсяцы — быть можетъ годы. Но не напрасны будутъ эти жертвы. Свобода, завоеванная самимъ народомъ, дѣйствуетъ совершенно иначе, чѣмъ подаренная. Послѣдняя затрагиваетъ народъ лишь поверхностно и оставляетъ его въ сущности такимъ, какимъ онъ былъ, а первая — переворачиваетъ его до самой глубины, возрождаетъ его внутренне и быстро приводитъ къ зрѣлости, заставляя въ мѣсяцы и годы переживать десятилѣтія. Наименѣе искушеннымъ въ политикѣ, наименѣе знающимъ, болѣе наивнымъ, чѣмъ какой бы то ни было слой борющагося европейскаго пролетаріата, вступаетъ русскій пролетаріатъ въ начавшуюся революцію. И каковъ бы ни былъ ея исходъ, русскій пролетаріатъ выйдетъ изъ катастрофы ровесникомъ европейскаго, быть можетъ, его передовымъ борцомъ въ великой международной борьбѣ противъ всякаго господства и всякой эксплуатаціи. Его побѣда дастъ новыя силы въ борьбѣ пролетаріямъ всѣхъ странъ, она повсюду смутитъ и ослабитъ враговъ пролетарскаго дѣла.

Не для одной только Россіи началась новая историческая эпоха. 22 (9) января нынѣшняго года она началась для цѣлаго міра. Намъ предстоятъ великія событія. Пусть великій моментъ найдетъ достойное его поколѣніе!

К. Каутскій.

РОЗА ЛЮКСЕМБУРГЪ О РУССКОЙ РЕВОЛЮЦІИ.

Въ своей статьѣ „Die Revolution in Russland“[1]) тов. Р. Люксембургъ, описавъ отличныя отъ западноевропейскихъ въ соотвѣтствующую эпоху соціальныя условія Россіи, говоритъ:

Дѣло просвѣщенія, развитія и организаціи пролетарской массы, выполнявшееся во всѣхъ другихъ странахъ въ предреволюціонную эпоху буржуазными классами, партіями и идеологами, въ Россіи выпало цѣликомъ на долю интеллигенціи, но интеллигенціи, въ идеологическомъ отношеніи, не буржуазной, а

---

[1]) „Neue Zeit“, 1905 № 18.

Итоги и перспективы[1]).

Революція подавлена, но она не побѣждена. Она не побѣждена, а въ самомъ ея паденіи — залогъ ея побѣды. Она показала, что она возможна. А разъ она возможна, то она возобновится и побѣдитъ.

Революція охватила всю страну. Она закрыла фабрики, остановила торговлю, закрыла банки и разогнала биржу, пріостановила движеніе по путямъ сообщенія въ городахъ, остановила печать, удалила студентовъ и профессоровъ изъ университетовъ, заставила закрыть двери судовъ и канцелярій, она пріостановила экономическую жизнь страны, прекратила функціи государства, за исключеніемъ одной — полицейской, и двинула стотысячныя массы противъ правительства. Ружейные выстрѣлы ея не задержали, она стала выше смерти и шла впередъ, теряя тысячи жертвъ, но все же она разбилась о преторіанскую гвардію, и волны народныхъ массъ, не охваченныхъ организаціей, не подготовленныхъ къ вооруженной борьбѣ, не разсчитывавшихъ на нее, не ожидавшихъ ея, медленно, со скрежетомъ зубовнымъ, еле подавляя въ себѣ возмущающееся чувство, не подъ вліяніемъ страха, а въ сознаніи своей неподготовленности къ рѣшительной борьбѣ, отхлынули назадъ.

Подведемъ итоги событіямъ.

Стачка началась съ чисто экономическихъ требованій рабочихъ. Но на почвѣ политическихъ условій Россіи давно уже всякая большая стачка неизбѣжно принимаетъ политическій характеръ. Это въ особенности должно было произойти теперь, послѣ того страшнаго возбужденія умовъ, которое создала позорная война. Инициативу взяли на себя наши соціальдемократическія организаціи — онѣ выставили политическія требованія и съ успѣхомъ собирали вокругъ нихъ массы стачечниковъ. Въ это время выступилъ, въ качествѣ политическаго агитатора, священникъ Гапонъ, который ускорилъ развитіе событій и придалъ имъ своеобразный характеръ. Личность эта еще не вполнѣ опредѣлилась, но роль ея въ событіяхъ послѣднихъ дней вполнѣ ясна. Сознательно ли Георгій Гапонъ пріурочилъ свои взгляды къ воззрѣніямъ и настроеніямъ сѣрой массы, или на самомъ дѣлѣ не шелъ дальше того, что говорилъ, во всякомъ случаѣ онъ несомнѣнно стоялъ ближе, чѣмъ мы, къ этой массѣ. Но эта большая близость была достигнута на счетъ ясности политической цѣли и опредѣленности политическихъ средствъ борьбы. Вотъ почему, въ то время какъ мы могли создать только организаціонные пункты, вокругъ которыхъ концентрировались массы, священникъ Гапонъ могъ увлечь эти массы непосредственно. Но вотъ почему вмѣстѣ съ тѣмъ въ этомъ движеніи съ самаго начала таилось внутреннее противорѣчіе. Онъ велъ массы къ царю, а шелъ противъ царя; онъ велъ массы на мирную демонстрацію, а шелъ на революцію. Онъ имѣлъ за собою организацію въ семь тысячъ рабочихъ. Какъ революціонный разсадникъ, эта организація могла объединить вокругъ себя стотысячныя массы. Но она сама не знала своего революціоннаго характера, отъ нея скрытъ былъ ея революціонный смыслъ — вотъ почему эта организація въ нѣсколько тысячъ рабочихъ только ввела священника Гапона въ рабочіе массы, а затѣмъ сама растворилась въ неорганизованной толпѣ, вмѣсто того, чтобы связать ее звеньями своей организаціонной цѣпи. Герой и толпа — вотъ формула 9 января.

Георгій Гапонъ увлекъ за собой рабочіе массы, но онъ ихъ не объединилъ. У него хватило политической проницательности не разрывать съ соціальнореволюціонными организаціями, а, напротивъ, войти въ союзъ съ ними. Онъ, повидимому, заручился также поддержкой либеральныхъ и радикальныхъ элементовъ общества.

Либеральная русская оппозиція — оппозиція изъ среды имущихъ классовъ, оппозиція земствъ, городскихъ представительствъ, разныхъ съѣздовъ, вообще корпорацій людей „съ положеніемъ“ —къ этому времени оказалась на рубежѣ политическаго поворота. До того она не была революціонна. Она надѣялась достичь политическихъ реформъ путемъ давленія общественнаго мнѣнія на правительство. Но надежды эти расплылись. Эра либеральничающаго Святополка-Мирскаго явно приходила къ концу. Правительство круто повернуло назадъ — не оставалось никакого сомнѣнія, что настаетъ новый періодъ реакціи. Что дѣлать? Надо было противопоставить правительству политическую силу, а въ распоряженіи либераловъ были только жалобы и запугиванія. Либералы оказались передъ дилемой: либо сдаться, либо перейти на революціонный путь. Тутъ подоспѣли стачки. Во главѣ массъ оказался священникъ Гапонъ. Именно внѣпартійный, неорганизованный характеръ этого движенія какъ нельзя больше подошелъ къ интересамъ либераловъ. Ихъ классовой инстинктъ подсказывалъ имъ, что эти стотысячныя толпы рабочаго народа могутъ развить громадную политическую силу, могутъ одержать великую политическую побѣду, но, не будучи организованы, не съумѣютъ удержать за собой политическое положеніе, господиномъ котораго окажется „общество“, т. е. либералы. Разсчитывали ли либералы непосредственно на революцію? Врядъ ли, хотя они, конечно, не могли не считаться съ ней. Ихъ главный разсчетъ былъ на то, чтобы устрашить правительство. Сломить реакціонную энергію правительства, возстановить и упрочить либеральную эру и заодно съ реформирующимъ правительствомъ задержать революціонное движеніе массъ — вотъ политическія задачи либеральнаго общества.

Итакъ, въ поднявшейся съ стихійной силой революціонной арміи были различныя, смутныя и противорѣчивыя теченія. Сознательно съ политической программой революціи шли только соціалисты и та относительно небольшая, но все же довольно значительная часть рабочихъ, которыхъ имъ удалось сгруппировать вокругъ себя. Массы шли подъ вліяніемъ своего революціоннаго настроенія, увлекаемыя обаяніемъ геройской личности, водушевленныя, вмѣстѣ съ тѣмъ, идеей общенія съ царемъ. Онѣ шли не на борьбу, а на смерть. Либералы шли, готовые предать революцію въ первый же моментъ, когда правительство имъ протянетъ руку. Георгій Гапонъ въ лучшемъ случаѣ надѣялся на то, что событія дадутъ направленіе революціонной энергіи массъ и въ горнилѣ революціонной борьбы отпадутъ шлаки реакціонныхъ воззрѣній. Былъ герой, но не было политическаго руководителя, не было программы дѣйствія, не было организаціи.

Царь не могъ выйти къ рабочимъ массамъ. Если бы онъ къ нимъ вышелъ, то это на моментъ было бы великимъ торжествомъ монархической идеи. Но только на одинъ моментъ. Массы приняли бы это какъ признаніе ихъ силы. Рѣзкій отказъ въ ихъ требованіяхъ вызвалъ бы немедленно возстаніе. Всякій неопредѣленный отвѣтъ былъ бы принятъ какъ обѣщаніе. Массы разошлись бы, но съ растущей увѣренностью въ свои силы — черезъ непродолжительное время онѣ вернулись бы съ большей силой и большей рѣшимостью.

Но царь и не хотѣлъ выйти къ народу. Царское правительство ждало возстанія и готовилось къ нему. Соціалисты и правительство — вотъ тѣ единственныя политическія силы, которыя шли въ борьбу съ ясной политической цѣлью. Соціалисты шли съ тѣмъ, чтобы придать мирной демонстраціи революціонный характеръ, — правительство очень вѣрно разсчитало, что ему выгоднѣе потопить въ крови неподготовленную революцію, чѣмъ ждать, пока она съорганизуется и политически опредѣлится. Правительство къ тому же, чтобы поднять свой политическій престижъ и упрочить свое финансовое положеніе на биржѣ, рѣшило показать Европѣ, что оно твердо держитъ власть въ своихъ рукахъ.

Правительство готовило бойню и звало весь цивилизованный міръ въ свидѣтели своей кровавой расправы. Втеченіе нѣсколькихъ дней газеты и даже оффиціозныя бюро депешъ сообщали точныя подробности о готовящихся въ Петербургѣ событіяхъ. Заявленія отца Гапона, рѣшенія рабочихъ собраній, интервью литераторовъ и политиковъ были немедленно сообщаемы по телеграфу во всѣ концы міра. Мы могли слѣдить за развивающимся движеніемъ чуть ли не также, какъ въ свое время за массовой стачкой въ Бельгіи. Это было бы можно, если бы оно не было желательно правительству.

---

[1]) Какъ видитъ читатель изъ статьи „Девятое января“, не всѣ мысли, выраженныя тов. Парвусомъ раздѣляются редакціей „Искры“.

внести свою долю и въ дѣло техническаго руководства стихійными народными возстаніями...

Нелѣпо и вредно мечтать о *монополіи* активной роли въ надвигающемся возстаніи для русской соціальдемократіи. О чемъ она вправѣ, о чемъ она должна „мечтать“ — это о политической гегемоніи для своего класса, о *политически руководящей роли* для себя, какъ авангарда класса освободителя націи. А эта роль не можетъ быть ни достигнута, ни прочно закрѣплена за нами тѣмъ, что намъ удастся взять всецѣло въ свои руки техническую организацію и проведеніе возстанія. Сознательный пролетаріатъ, опираясь на логику стихійнаго процесса историческаго развитія, используетъ *для* своихъ цѣлей всѣ элементы организаціи, всѣ элементы броженія, которые создаетъ моментъ „кануна революціи“, нисколько не смущаясь тѣмъ, что всѣ эти элементы отнимаютъ у него долю „техническаго руководства“ самой революціей, и такимъ образомъ, волей неволей посодѣйствуютъ перенесенію нашихъ требованій въ самые отсталые слои народной массы. Мы будемъ только рады, если, вслѣдъ за *священникомъ*, популяризировавшимъ въ массахъ наше требованіе *разрыва государства съ церковью*, вслѣдъ за *монархическимъ* рабочимъ обществомъ, организовавшимъ *народный походъ на Зимній дворецъ*, русская революція обогатится генераломъ, который первымъ поведетъ народныя массы въ побѣдный бой противъ царскаго войска, или чиновникомъ, который первый провозгласитъ оффиціальное низверженіе царской власти. Мы будемъ вправѣ видѣть громадный успѣхъ нашей работы, если какое либо узко націоналистическое или ограниченно-буржуазное движеніе послужитъ послѣднимъ толчкомъ, отъ котораго затрясется царская Бастилія, если террористической организаціи заговорщиковъ удастся пробить въ правительственномъ механизмѣ первую брешь. Все это будетъ работать *для* рабочаго класса, если только рабочій классъ во всѣхъ перипетіяхъ революціи будетъ политическимъ авангардомъ возстающей націи, если подъ *его* политическимъ давленіемъ будутъ совершаться всѣ эти революціонныя превращенія, если только движущей силой всего революціоннаго процесса будетъ сознательная и планомѣрная работа соціальдемократіи.

Нашей задачей въ данный моментъ является, поэтому, не столько „организовать“ народную революцію, сколько „*развязать*“ ее. Революція уже *существуетъ* потенціально въ мысляхъ и чувствахъ широкихъ народныхъ массъ. Надо дать ей выходъ въ открытомъ движеніи, надо реализовать ее — и эта задача лежитъ цѣликомъ въ *области* агитаціи и организаціи массъ, въ области *политическаго руководства* массами. Никто не сможетъ выполнить *эту* политическую работу лучше, чѣмъ соціальдемократія, связанная своею 20 тилѣтней дѣятельностью съ народными массами. Никто не сможетъ выполнить ее въ интересахъ классовой борьбы пролетаріата, кромѣ той партіи, для которой борьба за освобожденіе Россіи отъ царизма тѣсно сплетается съ процессомъ революціоннаго самоопредѣленія рабочаго класса, съ процессомъ его организаціи *для* своего конечнаго и полнаго освобожденія.

Пусть же девятое января, начавшее новую эру въ жизни Россіи, положитъ начало и непрерывнымъ политическимъ успѣхамъ нашей Партіи, призванной *исторіей* стоять во главѣ національной русской революціи!

РЕВОЛЮЦІЯ ВЪ РОССІИ.

(Переводъ съ нѣмецкаго.)

5 февраля 1904 года была объявлена война между Японіей и правительствомъ русскаго царя, а черезъ годъ, 22 (9) января 1905 года, царь объявилъ войну своему собственному народу. Теперь онъ ведетъ эту внутреннюю войну не только противъ революціонныхъ сообществъ студентовъ и рабочихъ, а противъ всей массы своихъ подданныхъ — войну болѣе жестокую и варварскую, чѣмъ та, въ которой сталкиваются арміи на поляхъ Манчжуріи. Японскіе солдаты не трогаютъ тѣхъ, кто не сражается, щадятъ капитулирующихъ. Царскіе слуги умерщвляютъ безоружныхъ, пришедшихъ съ прошеніемъ, убиваютъ дѣтей и женщинъ. „Отецъ“ народа свирѣпствуетъ въ своей странѣ такъ, какъ когда то свирѣпствовала въ ней орда самыхъ кровожадныхъ и звѣроподобныхъ хищниковъ монголовъ.

Междуусобная война въ Россіи началась и началась она побѣдой вооруженной силы, первой побѣдой, одержанной ею въ этомъ году безпрерывныхъ боевъ. Но эта побѣда обойдется автократамъ Россіи безконечно дороже всѣхъ пораженій въ Манчжуріи. Эта побѣда является могучимъ призывомъ къ цѣлому народу и требуетъ отъ него кроваваго мщенія. Лишь продолжая убивать можетъ поддерживать свое существованіе самодержавіе, но изъ крови каждаго убитаго должны вставать новые и новые мстители. Все безпощаднѣе, все отчаяннѣе, все съ большимъ презрѣніемъ и къ своей, и къ чужой жизни будетъ кипѣть этотъ ужасный междуусобный бой, который не можетъ кончиться прежде, чѣмъ будетъ низвержено въ прахъ самодержавіе, растерзанное тѣмъ самымъ народомъ, которому оно безпрерывно наноситъ тысячи и тысячи ранъ.

Быть можетъ на этотъ разъ царскому правительству удастся еще подавить массовыя стачки и демонстраціи въ провинціи, какъ удалось, повидимому, въ Петербургѣ. Но оно не можетъ же обойтись безъ пролетаріата, трудомъ котораго держится, какъ оно само, такъ и все общество. Не можетъ правительство и удовлетворить пролетаріатъ, изъ лишеній котораго черпаетъ оно свои богатства. Пока длится легкомысленно начатая война, оно будетъ наоборотъ безпрерывно раздражать рабочихъ. Давно уже начались въ Россіи волненія, постоянно подавляемыя и снова возрождающіяся все съ большей и большей силой и смѣлостью.

Но чѣмъ дальше продолжаются эти волненія, тѣмъ съ большей увѣренностью можно предсказать, что они всколыхнутъ, наконецъ, и дремлющія массы крестьянства; что за штурмами городскихъ „бастилій“ послѣдуютъ штурмы дворянскихъ „замковъ“. Россіи грозитъ всеобщій хаосъ — и ради чего? Единственно и исключительно ради благополучія придворной камарильи, высокомѣрно презирающей народъ, инстинктивно ненавидящей его и чующей смертельную опасность для себя въ каждой тѣни народной свободы. Камарилья увѣрена, что ея режимъ привилегій, злоупотребленій, хищеній можетъ безнаказанно продолжаться лишь до тѣхъ поръ, пока она сохраняетъ возможность не допускать ни малѣйшаго контроля надъ своими легкомысленными и преступными дѣйствіями; она одна нуждается въ сохраненіи современнаго режима.

Остальные имущіе классы—капиталисты, мелкая буржуазія, помѣстное дворянство въ немъ вовсе не заинтересованы.

Продленіе современнаго хаоса грозитъ наоборотъ самымъ существеннымъ интересамъ этихъ классовъ, такъ какъ возмущенныя народныя массы могутъ всего легче излить именно на нихъ первыя вспышки своего гнѣва, и никакая въ мірѣ военная сила не оказалась бы достаточной для ихъ охраны. Поэтому, чѣмъ ожесточеннѣе борьба между дворомъ и народными массами, тѣмъ беззащитнѣе чувствуютъ себя имущіе классы, тѣмъ опаснѣе ихъ положеніе, тѣмъ настоятельнѣе чувствуютъ они потребность въ политическихъ уступкахъ, которыя положили бы конецъ революціи, тѣмъ сильнѣе ихъ негодованіе противъ правительства, которое въ своемъ слѣпомъ упорствѣ безсовѣстно подвергаетъ ихъ величайшимъ опасностямъ.

Ко всему этому должно присоединиться наконецъ и возростающее раздраженіе самого войска. Побѣдоносное окончаніе войны съ Японіей съ настоящаго момента становится совершенно невозможнымъ. Мыслима ли теперь, при общенародномъ возмущеніи, дальнѣйшая мобилизація резервовъ, которая уже раньше всюду встрѣчала сильнѣйшее сопротивленіе? И можетъ ли отправлять войска на Дальній Востокъ то царское правительство, которое такъ нуждается въ нихъ противъ собственнаго народа? Война противъ Японіи можетъ еще тянуться нѣкоторое время, но это будетъ совершенно безцѣльная бойня, безцѣльное нагроможденіе жертвъ со стороны правительства, которое, не имѣя ни ума, ни силы для побѣды, обладаетъ достаточной дозой злобнаго упрямства и легковѣсной безсовѣстности, для сопротивленія неизбѣжному миру.

Этотъ миръ придетъ таки и будетъ позорнымъ для самодержавія, но чѣмъ дальше онъ откладывается, чѣмъ дольше водятъ на бойню распорядители судебъ Россіи свое войско въ Манчжуріи, тѣмъ съ большей силой должно будетъ вспыхнуть негодованіе этого войска, когда, побѣжденное, оно вернется домой послѣ всѣхъ принесенныхъ имъ безцѣльныхъ жертвъ. Возвращеніе манчжурской арміи представляетъ величайшую опасность для царизма. Къ могучему броженію громаднаго царства, къ возстаніямъ промышленныхъ рабочихъ и, быть можетъ, крестьянъ, къ недовольству имущихъ классовъ и интеллигенціи, къ покушеніямъ противъ столповъ самодержавія и взрывамъ отчаянной мести, чаша которой переполнена въ настоящій моментъ, — ко всему этому прибавится тогда возмущеніе какъ офицеровъ, такъ и солдатъ лучшей, храбрѣйшей части русскаго войска. Чтобы устоять противъ всего этого колоссъ царизма долженъ бы опираться не на глиняныя ноги, а на желѣзныя скалы. Его единственной лейбъ-гвардіей останутся тогда тѣ воры, которые, грабя теперь безъ помѣхи государство, имѣютъ всѣ причины опасаться народнаго гнѣва.

Паденіе самодержавія стало несомнѣннымъ, когда оказалось, что правительство не въ состояніи справиться съ маленькой Японіей. Кричащее противорѣчіе деспотизма со всѣми жизненными потребностями современнаго общества не могло не становиться все невыносимѣе для Россіи, въ которой современные способы производства пустили такіе глубокіе корни. Вся нація была поставлена предъ *диллемой*, *или* оставаться равнодушной зрительницей своего собственнаго разложенія, или избавиться отъ самодержавнаго полипа, высасывающаго всю ея кровь. Тѣмъ не менѣе оппозиціонные слои городского пролетаріата вмѣстѣ со студенчествомъ не были достаточно сильны, чтобы нанести серьезный ударъ самодержавію. Какъ ни усердно велась словесная и письменная агитація, ея сила не была достаточна для того, чтобы поднять всю массу населенія, большая часть котораго едва поднялась надъ растительнымъ существованіемъ первобытнаго крестьянина. Нужны были болѣе могучія впечатлѣнія, чѣмъ тѣ, которыя могли вызвать агитаціонные листки и рѣчи. Чтобы почувствовать свою силу и понять свои задачи, юный великанъ нуждался въ наглядномъ обученіи, и оно дается ему теперь самое щедрое и настойчивое.

Война противъ Японіи показала ему всю бездонную глубину легкомыслія, неспособности и развращенности существующаго правительства. Битва или вѣрнѣе цѣлый рядъ битвъ 22 (9) января въ Петербургѣ съ ужасающей наглядностью показали, какъ безумно ждать какихъ бы то ни было уступокъ народнымъ потребностямъ отъ милости „миролюбиваго“ царя. Такой урокъ не могъ не проникнуть въ самую глубь сознанія — онъ подѣйствуетъ.

Сохраненіе самодержавія невозможно. Но до сихъ поръ въ широкихъ кругахъ еще надѣялись, что въ послѣдній моментъ правительство опомнится, добровольно отдастъ то, чего нельзя удержать на сколько-нибудь продолжительное время, и такимъ образомъ избѣгнетъ насильственной революціи. Переходя послѣднимъ изъ европейскихъ правительствъ—если не причислять Турціи къ Европѣ — къ конституціоннымъ формамъ, русское правительство, думали многіе, приметъ во вниманіе уроки предшественниковъ; взирая на европейскія монархіи, оно пойметъ, какъ незначительно то уменьшеніе власти, котораго потребуетъ отъ него конституція, на манеръ австрійской или прусской.

Этой грезѣ о „мирной революціи“ положенъ конецъ. Либерализмъ князя Святополка-Мирскаго оказался одной изъ потемкинскихъ деревень, воздвигнутой для облегченія займа. Какъ только заемъ былъ подписанъ, картонная деревня разсыпалась.

9 января стало очевидно, что путь мирныхъ реформъ закрытъ для Россіи, этотъ день рѣшилъ, что ея такъ кроваво начавшаяся революція будетъ идти впередъ тѣмъ же кровавымъ и насильственнымъ путемъ, что для восточной Европы XX-е столѣтіе начинается тѣмъ самымъ, чѣмъ для западной — закончилось XVIII-е.

8 января царь повелѣлъ палить картечью въ своихъ любезныхъ подданныхъ, — заслужившихъ казнь за намѣреніе довѣрчиво приблизиться къ нему съ *прошеніемъ*. Обратилъ ли Николай II вниманіе на *число*, въ которое онъ принялъ свое рѣшеніе? 21 (8) января 1793 г. Людовикъ XVI былъ гильотинированъ за участіе въ заговорѣ, имѣвшемъ цѣлью кровавое подавленіе его возмутившагося народа. А, быть можетъ, именно число это и разстроило царю нервы? Трусливая растерянность могла также точно привести къ кровавой бойнѣ 22 (9) января, какъ и кровожадная рѣшительность.

Безъ радости привѣтствуемъ мы этотъ поворотный пунктъ. Страшная, полная жертвъ борьба предстоитъ народамъ россійскаго царства въ ближайшіе недѣли, мѣсяцы — быть можетъ годы. Но не напрасны будутъ эти жертвы. Свобода, завоеванная самимъ народомъ, дѣйствуетъ совершенно иначе, чѣмъ подаренная. Послѣдняя затрагиваетъ народъ лишь поверхностно и оставляетъ его въ сущности такимъ, какимъ онъ былъ, а первая — переворачиваетъ его до самой глубины, возрождаетъ его внутренне и быстро приводитъ къ зрѣлости, заставляя въ мѣсяцы и годы переживать десятилѣтія. Наименѣе искушеннымъ въ политикѣ, наименѣе знающимъ, болѣе наивнымъ, чѣмъ какой бы то ни было слой борющагося европейскаго пролетаріата, вступаетъ русскій пролетаріатъ въ начавшуюся революцію. И каковъ бы ни былъ ея исходъ, русскій пролетаріатъ выйдетъ изъ катастрофы ровесникомъ европейскаго, быть можетъ, его передовымъ борцомъ въ великой международной борьбѣ противъ всякаго господства и всякой эксплуатаціи. Его побѣда дастъ новыя силы въ борьбѣ пролетаріямъ всѣхъ странъ, она повсюду смутитъ и ослабитъ враговъ пролетарскаго дѣла.

Не для одной только Россіи началась новая историческая эпоха. 22 (9) января нынѣшняго года она началась для цѣлаго міра. Намъ предстоятъ великія событія. Пусть великій моментъ найдетъ достойное его поколѣніе!

К. Каутскій.

РОЗА ЛЮКСЕМБУРГЪ О РУССКОЙ РЕВОЛЮЦІИ.

Въ своей статьѣ „Die Revolution iu Russland“[1]) тов. Р. Люксембургъ, описавъ отличныя отъ западноевропейскихъ въ соотвѣтствующую эпоху соціальныя условія Россіи, говоритъ:

Дѣло просвѣщенія, развитія и организаціи пролетарской массы, выполнявшееся во всѣхъ другихъ странахъ въ предреволюціонную эпоху буржуазными классами, партіями и идеологами, въ Россіи выпало цѣликомъ на долю интеллигенціи, но интеллигенціи, въ идеологическомъ отношеніи, не буржуазной, а

---

[1]) „Neue Zeit“, 1905 № 18.

Итоги и перспективы[1]).

Революція подавлена, но она не побѣждена. Она не побѣждена, а въ самомъ ея паденіи — залогъ ея побѣды. Она показала, что она возможна. А разъ она возможна, то она возобновится и побѣдитъ.

Революція охватила всю страну. Она закрыла фабрики, остановила торговлю, закрыла банки и разогнала биржу, пріостановила движеніе по путямъ сообщенія въ городахъ, остановила печать, удалила студентовъ и профессоровъ изъ университетовъ, заставила закрыть двери судовъ и канцелярій, она пріостановила экономическую жизнь страны, прекратила функціи государства, за исключеніемъ *одной* — полицейской, и двинула стотысячныя массы противъ правительства. Ружейные выстрѣлы ея не задержали, она стала выше смерти и шла впередъ, теряя тысячи жертвъ, но все же она разбилась о преторіанскую гвардію, и волны народныхъ массъ, не охваченныхъ организаціей, не подготовленныхъ къ вооруженной борьбѣ, не разсчитывавшихъ на нее, не ожидавшихъ ея, медленно, со скрежетомъ зубовнымъ, еле подавляя въ себѣ возмущающееся чувство, не подъ вліяніемъ страха, а въ сознаніи своей неподготовленности къ рѣшительной борьбѣ, отхлынули назадъ.

Подведемъ итоги событіямъ.

Стачка началась съ чисто экономическихъ требованій рабочихъ. Но на почвѣ политическихъ условій Россіи давно уже всякая большая стачка неизбѣжно принимаетъ политическій характеръ. Это въ особенности должно было произойти теперь, послѣ того страшнаго возбужденія умовъ, которое создала позорная война. Иниціативу взяли на себя наши соціальдемократическія организаціи — онѣ выставили политическія требованія и съ успѣхомъ собирали вокругъ нихъ массы стачечниковъ. Въ это время выступилъ, въ качествѣ политическаго агитатора, священникъ Гапонъ, который ускорилъ развитіе событій и придалъ имъ своеобразный характеръ. Личность эта еще не вполнѣ опредѣлилась, но роль ея въ событіяхъ послѣднихъ дней вполнѣ ясна. Сознательно ли Георгій Гапонъ пріурочилъ свои взгляды къ воззрѣніямъ и настроеніямъ сѣрой массы, или на самомъ дѣлѣ не шелъ дальше того, что говорилъ, во всякомъ случаѣ онъ несомнѣнно стоялъ *ближе*, чѣмъ мы, къ этой массѣ. Но эта большая близость была достигнута на счетъ ясности политической цѣли и опредѣленности политическихъ средствъ борьбы. Вотъ почему, въ то время какъ мы могли создать только организаціонные пункты, вокругъ которыхъ концентрировались массы, священникъ Гапонъ могъ увлечь эти массы непосредственно. Но вотъ почему вмѣстѣ съ тѣмъ въ этомъ движеніи съ самаго начала таилось внутреннее противорѣчіе. Онъ велъ массы къ царю, а шелъ противъ царя; онъ велъ массы на мирную демонстрацію, а шелъ на революцію. Онъ имѣлъ за собою организацію въ семь тысячъ рабочихъ. Какъ революціонный разсадникъ, эта организація могла объединить вокругъ себя стотысячныя массы. Но она сама не знала своего революціоннаго характера, отъ нея скрытъ былъ ея революціонный смыслъ — вотъ почему эта организація въ нѣсколько тысячъ рабочихъ только ввела священника Гапона въ рабочіе массы, а затѣмъ сама растворилась въ неорганизованной толпѣ, вмѣсто того, чтобы связать ее звеньями своей организаціонной цѣпи. Герой и толпа — вотъ формула 9 января.

Георгій Гапонъ увлекъ за собой рабочіе массы, но онъ ихъ не объединилъ. У него хватило политической проницательности не разрывать съ соціальнореволюціонными организаціями, а, напротивъ, войти въ союзъ съ ними. Онъ, повидимому, заручился также поддержкой либеральныхъ и радикальныхъ элементовъ общества.

Либеральная русская оппозиція — оппозиція изъ среды имущихъ классовъ, оппозиція земствъ, городскихъ представительствъ, разныхъ съѣздовъ, вообще корпорацій людей „съ положеніемъ“ —къ этому времени оказалась на рубежѣ политическаго поворота. До того она не была революціонна. Она надѣялась достичь политическихъ реформъ путемъ давленія общественнаго мнѣнія на правительство. Но надежды эти расплылись. Эра либеральничающаго Святополка-Мирскаго явно приходила къ концу. Правительство круто повернуло назадъ — не оставалось никакого сомнѣнія, что настаетъ новый періодъ реакціи. Что дѣлать? Надо было противопоставить правительству политическую силу, а въ распоряженіи либераловъ были только жалобы и напугиванія. Либералы оказались передъ дилемой: либо сдаться, либо перейти на революціонный путь. Тутъ подоспѣли стачки. Во главѣ массъ оказался священникъ Гапонъ. Именно внѣпартійный, неорганизованный характеръ этого движенія какъ нельзя больше подошелъ къ интересамъ либераловъ. Ихъ классовой инстинктъ подсказывалъ имъ, что эти стотысячныя толпы рабочаго народа могутъ развить громадную политическую силу, могутъ одержать великую политическую побѣду, но, не будучи организованы, не съумѣютъ удержать за собой политическое положеніе, господиномъ котораго окажется „общество“, т. е. либералы. Разсчитывали ли либералы непосредственно на революцію? Врядъ ли, хотя они, конечно, не могли не считаться съ ней. Ихъ главный разсчетъ былъ *на то*, чтобы устрашить правительство. Сломить реакціонную энергію правительства, возстановить и упрочить либеральную эру и заодно съ реформирующимъ правительствомъ задержать революціонное движеніе массъ — вотъ политическія задачи либеральнаго общества.

Итакъ, въ поднявшейся съ стихійной силой революціонной арміи были различныя, смутныя и противорѣчивыя теченія. Сознательно съ политической программой революціи шли только соціалисты и та относительно небольшая, но все же довольно значительная часть рабочихъ, которыхъ имъ удалось сгруппировать вокругъ себя. Массы шли подъ вліяніемъ своего революціоннаго настроенія, увлекаемыя обаяніемъ геройской личности, водушевленныя, вмѣстѣ съ тѣмъ, идеей общенія съ царемъ. Онѣ шли не на борьбу, а на смерть. Либералы шли, готовые предать революцію въ первый же моментъ, когда правительство имъ протянетъ руку. Георгій Гапонъ въ лучшемъ случаѣ надѣялся на то, что событія дадутъ направленіе революціонной энергіи массъ и въ горнилѣ революціонной борьбы отпадутъ шлаки реакціонныхъ воззрѣній. Былъ герой, но не было политическаго руководителя, не было программы дѣйствія, не было организаціи.

Царь не могъ выйти къ рабочимъ массамъ. Если бы онъ къ нимъ вышелъ, то это на моментъ было бы великимъ торжествомъ монархической идеи. Но только на одинъ моментъ. Массы приняли бы это какъ признаніе ихъ силы. Рѣзкій отказъ въ ихъ требованіяхъ вызвалъ бы немедленно возстаніе. Всякій неопредѣленный отвѣтъ былъ бы принятъ какъ обманъ. Массы разошлись бы, но съ растущей увѣренностью въ свои силы — черезъ непродолжительное время онѣ вернулись бы съ большей силой и большей рѣшимостью.

Но царь и не хотѣлъ выйти къ народу. Царское правительство ждало возстанія и готовилось къ нему. Соціалисты и правительство — вотъ тѣ единственныя политическія силы, которыя шли въ борьбу съ ясной политической цѣлью. Соціалисты шли съ тѣмъ, чтобы придать мирной демонстраціи революціонный характеръ, — правительство очень вѣрно разсчитало, что ему выгоднѣе потопить въ крови неподготовленную революцію, чѣмъ ждать, пока она сорганизуется и политически опредѣлится. Правительство къ тому же, чтобы поднять свой политическій престижъ и упрочить свое финансовое положеніе на биржѣ, рѣшило показать Европѣ, что оно твер держитъ власть въ своихъ рукахъ.

Правительство готовило бойню и звало весь цивилизов ный міръ въ свидѣтели своей кровавой расправы. Втече нѣсколькихъ дней газеты и даже оффиціозныя бюро депе сообщали точныя подробности о готовящихся въ Петербу событіяхъ. Заявленія отца Гапона, рѣшенія рабочихъ с ній, интервью литераторовъ и политиковъ были немедлен общаемы по телеграфу во всѣ концы міра. Мы могли с за развивающимся движеніемъ чуть ли не также, какъ в время за массовой стачкой въ Бельгіи. Это было бы можно, если бы оно не было желательно правительству.

---

[1]) Какъ видитъ читатель изъ статьи „Девятое января“, не всѣ мысли, выраженныя тов. Парвусомъ раздѣляются редакціей „Искры“.

революціонной, *соціалистической*, той деклассированной интеллигенціи, которая являлась идеологической выразительницей самаго *рабочаго класса*. Всю сумму классоваго сознанія, политической зрѣлости и идеализма, которая выразилась, воплотилась въ дѣло въ массовомъ возстаніи петербургскаго пролетаріата, слѣдуетъ отнести всецѣло на счетъ десятилѣтій неустанной, упорной работы соціалистической, точнѣе говоря — соціальдемократической агитаціи.

А по ближайшемъ разсмотрѣніи эта сумма оказывается *огромной*. Правда, первое выступленіе петербургской рабочей массы еще выбросило на поверхность различныя постороннія примѣси — царистскія иллюзіи, невѣдомыхъ случайныхъ вожаковъ. Какъ при всѣхъ революціонныхъ взрывахъ, вначалѣ раскаленная лава катитъ предъ собою на края кратера всевозможные осадки, скопившіеся въ глубинѣ. Но сквозь случайности минуты и остатки традиціоннаго міровоззрѣнія, съ головокружительною быстротою тающіе въ огнѣ революціонной обстановки, совершенно отчетливо выступаютъ крѣпкіе, здоровые и сильно развитые зародыши чисто пролетарскаго классоваго сознанія и тотъ простой героическій идеализмъ, *чуждый* позъ и театральныхъ пріемовъ, отличающихъ великіе историческіе моменты въ жизни *буржуазіи*, который является вѣрнымъ и типичнымъ признакомъ всѣхъ классовыхъ движеній современнаго сознательнаго пролетаріата. А между тѣмъ всякому, хоть сколько-нибудь знакомому съ русскими условіями, извѣстно, что — опять таки въ противоположность западной Европѣ — въ *провинціи*, по которой теперь постепенно катится революціонная волна, на югѣ, на западѣ, на Кавказѣ пролетаріатъ, по степени развитія классоваго сознанія и организаціи, стоитъ еще значительно выше, чѣмъ пролетаріатъ царской столицы.

Конечно, это первое массовое возстаніе петербургскихъ рабочихъ было несомнѣнно неожиданнымъ и для самой русской соціальдемократіи, да и внѣшнее *руководство* грандіознымъ политическимъ бунтомъ очевидно не принадлежало соціальдемократіи. Отсюда легко можетъ возникнуть представленіе, что событія „переросли черезъ голову“ русской соціальдемократіи. Если подъ этимъ подразумѣвать стихійное „перерастаніе“ *размѣровъ* и *быстроты* движенія черезъ всѣ наличныя силы и средства для овладѣнія и руководства движеніемъ, то для нынѣшняго момента въ Россіи это будетъ, конечно, вѣрно. Но, горе той соціальдемократіи, которой *не* удается въ соотвѣтствующіе историческіе моменты вызвать на общественную сцену духовъ, *въ этомъ смыслѣ* „перерастающихъ“ черезъ ея голову! Это означало бы лишь, что соціальдемократія не умѣетъ дать толчокъ дѣйствительно революціонному *массовому движенію*, ибо планомѣрно назначенныя, организованныя и въ порядкѣ проводимыя, словомъ „сдѣланныя“ революціи существуютъ только въ богатой фантазіи полицейскихъ головъ или прусскихъ и русскихъ прокуроровъ.

Если же подъ словами „перерастаніе черезъ голову“ понимать, что *направленіе, мощь*, самый *феноменъ* пролетарской революціи является неожиданностью для политическихъ дѣятелей, что въ своемъ бурномъ теченіи революція поставила себѣ *цѣли*, далеко превышающія всѣ предварительные разсчеты, то въ такомъ случаѣ именно соціальдемократія является въ настоящее время въ царской имперіи *единственной* общественной силой, черезъ голову которой *не* „переросли“ петербургскія событія, единственной силой, которая духовно стоитъ вполнѣ на высотѣ положенія.

Молніей изъ яснаго неба было внезапное политическое массовое возстаніе петербургскаго пролетаріата не только для безмозглыхъ кретиновъ господствующей воровской шайки самодержавія, не только для тупоголовой, грубой кучки промышленныхъ денежныхъ мѣшковъ, занимающихъ въ Россіи мѣсто буржуазіи. Оно было тѣмъ же самымъ и для русскихъ либераловъ, для тѣхъ торжественно кушающихъ ad majorem libertatis gloriam (во славу свободы) господъ, которые громкими криками негодованія — „вонъ, долой“ — встрѣчали пролетарскихъ ораторовъ, являвшихся въ Кіевѣ и Одессѣ на ихъ банкеты; оно было тѣмъ же самымъ для господъ Струве и К°, которые еще накануне петербургской революціи считали революціонную борьбу русскаго пролетаріата въ сущности простой „отвлеченной категоріей“ и полагали, что отъ либеральнаго мяуканья и визга „видныхъ лицъ“ скорѣе всего рухнутъ іерихонскія стѣны самодержавія.

Такой же молніей изъ яснаго неба было это возстаніе и для того неоформленнаго текучаго слоя революціонеровъ изъ интеллигенціи, которые, какъ трость, колеблемая вѣтромъ, вѣрили поочередно то въ спасительную силу бомбы и револьвера съ выгравированными на немъ страшными словами, то въ слѣпые порывы крестьянскихъ бунтовъ, то вообще ни во что больше не вѣрили, и перетекали, какъ сыпучій песокъ революціи, въ постоянной смѣнѣ настроеній — то восторженнаго ликованія, то смертной тоски — отъ терроризма къ либерализму и обратно, и только никогда не могли усвоить себѣ настоящей вѣры въ самостоятельную классовую борьбу россійскаго пролетаріата.

И только непреклонные догматики русской соціальдемократіи, эта непріятная и упрямая компанія, пользующаяся въ нѣкоторыхъ кругахъ Интернаціонала такою же почетною нелюбовью, какъ французскіе „гедисты“, только они съ непоколебимымъ спокойствіемъ и увѣренностью, даваемыми научнымъ, цѣлостнымъ міровоззрѣніемъ, втеченіе десятилѣтій *предсказывали* пришествіе петербургскаго 9 января, *подготовляли* и *подготовили* его своею планомѣрною агитаціей.

Марксова „догма“ только и дала русской соціальдемократіи возможность болѣе чѣмъ 20 лѣтъ тому назадъ намѣтить почти съ математическою точностью крупныя линіи капиталистическаго развитія посреди капризнаго своеобразія соціальнаго строенія Россіи, планомѣрною дѣятельностью предвосхитить и реализовать революціонные результаты этого развитія.

Марксова „догма“ только и дала соціальдемократамъ возможность открыть въ самодержавной Россіи въ лицѣ рабочаго класса политическую силу и единственнаго будущаго носителя сначала политическаго освобожденія Россіи отъ самодержавія, а затѣмъ и собственнаго освобожденія отъ господства капитала.

Та же марксова „догма“ позволяла русской соціальдемократіи неуклонно отстаивать противъ всѣхъ и всякихъ поползновеній самостоятельныя классовыя задачи и классовую политику россійскаго пролетаріата: — и тогда, когда самый фактъ *физическаго* существованія рабочаго класса приходилось только еще вычитывать изъ суконнаго языка оффиціальной промысловой статистики, когда приходилось еще разыскивать русскія фабрики и, такъ сказать, отвоевывать чуть не каждую математическую пролетарскую единицу горячей полемикой.

И тогда, когда неустойчивый русскій интеллигентъ мучился новымъ опасеніемъ, что русскій капитализмъ развивается не „вширь“, а „вглубь“, т. е. что промышленность, вооруженная готовой заграничной техникой, занимаетъ *слишкомъ мало* пролетаріевъ, и потому русскій рабочій классъ окажется слишкомъ малочисленнымъ для выполненія предстоящихъ ему задачъ.

И тогда, когда *культурное* существованіе русскаго пролетаріата было впервые открыто „обществомъ“ изъ достопамятныхъ сообщеній о наплывѣ рабочихъ въ публичныя читальни, вродѣ того, какъ открываютъ существованіе новыхъ дикихъ племенъ въ американскихъ первобытныхъ лѣсахъ.

И тогда, когда уже впослѣдствіи, несмотря на существованіе рабочаго класса и несмотря на крупныя стачки, начали вѣрить въ политическую силу только студенческаго террора.

И позавчера, когда, несмотря на громадное соціалистическое движеніе въ Россіи, заграницей — съ чисто доктринерской шаблонностью — вѣрили прежде всего и больше всего только въ существованіе *либеральнаго* движенія въ царской имперіи.

И вчера, когда по случаю войны всѣ надежды возлагались въ сущности опять таки не на классовую борьбу россійскаго пролетаріата, а на борьбу *японцевъ*.

И, наконецъ, въ самое послѣднее время, когда снова и снова выдвигалась вѣра не въ самостоятельную революціонную политику соціальдемократическаго рабочаго класса, а, въ лучшемъ случаѣ, лишь въ смѣсь „революціонныхъ“ и „оппозиціонныхъ“ партій Россіи, въ политическій слоеный пирогъ, въ которомъ „съ болѣе широкой точки зрѣнія“ и „въ виду переживаемаго великаго момента“ будто бы необходимо на скорую руку спечь воедино пролетарскую политику со всякой иной.

Девятое января облекло слово плотью и кровью и показало всему міру русскій пролетаріатъ въ самостоятельной политической революціи. Духомъ *Маркса* вѣяло отъ первой большой битвы за русскую свободу на улицахъ Петербурга, и онъ же рано или поздно, съ необходимостью закона природы, приведетъ къ побѣдѣ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Послѣ кровавой трагедіи 9 января въ Петербургѣ — отвратительная, циничная комедія 19 января въ Царскомъ Селѣ. Послѣ разстрѣла, по приказанію царя, дѣйствительныхъ представителей рабочихъ — пріемъ тѣмъ же царемъ кучки какихъ-то подозрительныхъ людей, собранныхъ полиціей на фабрикахъ и заводахъ Петербурга. Пусть эти люди не переодѣтые шпіоны и дворники, пусть они въ самомъ дѣлѣ принадлежатъ къ петербургскимъ рабочимъ, во всякомъ случаѣ, они не были и не могли быть выразителями нуждъ и желаній петербургскаго пролетаріата, во всякомъ случаѣ, они творили волю только пославшаго ихъ генералъ-губернатора. Среди 34 рабочихъ, представлявшихся царю, ни одинъ не вспомнилъ о тѣхъ требованіяхъ, за которыя положили жизнь тысячи ихъ товарищей, ни одинъ не вспомнилъ и не сказалъ коронованному убійцѣ о насущныхъ нуждахъ рабочаго класса. Они ставили свѣчи передъ иконами царской церкви, ѣли царскій обѣдъ, пили царское вино и кричали ура палачу въ то время, какъ петербургскія тюрьмы и больницы еще полны жертвами самодержавія, но сказали они только одну фразу: здравія желаемъ, ваше императорское величество! Немного желаній у русскихъ рабочихъ, если судить по словамъ депутаціи, представлявшейся царю 18 января!

Но зато кровавый царь, молчавшій и притаившійся отъ народа 9 января, говорилъ много. Царская рѣчь 19 января — самая длинная рѣчь, произнесенная Николаемъ II за все время его десятилѣтняго позорнаго царствованія. Въ ней онъ сказалъ все, что могъ сказать русскій самодержецъ русскимъ рабочимъ. И не для тѣхъ сѣрыхъ людей, которые униженно и безмолвно стояли предъ нимъ, говорилъ верховный палачъ, — онъ говорилъ для всего русскаго пролетаріата, который по всей Россіи честно и смѣло началъ рѣшительную битву за свое политическое и экономическое освобожденіе. Предъ этимъ пролетаріатомъ объяснялся Николай II, ему объяснялъ свои планы и намѣренія. И, если даже послѣ 9 января среди русскихъ рабочихъ оставалась малая доля вѣры въ отеческую заботливость царя, то теперь Николай II раскрылъ свои карты, и пролетаріатъ легко можетъ понять и оцѣнить царскую игру.

Кровавый царь ясно и твердо опровергъ всѣ слухи, будто онъ не зналъ о кровавой расправѣ войскъ съ безоружными рабочими. Онъ призналъ, что пролилась неповинная кровь. Но онъ рѣшительно заявилъ, что стачки и собранія и впредь будутъ заставлять правительство прибѣгать къ военной силѣ, что и впредь императорское войско будетъ разстрѣливать народную толпу, не разбирая праваго и виноватаго. Онъ заявилъ, что подача рабочими прошенія о своихъ нуждахъ является бунтомъ противъ царя и правительства, бунтомъ, который власть всегда будетъ тушить кровью. Такимъ образомъ царь всенародно подтвердилъ, что свобода стачекъ и собраній, необходимая для самыхъ ничтожныхъ улучшеній рабочей жизни, недостижима при абсолютизмѣ, что рабочій классъ для того, чтобы двинуться хотя на шагъ впередъ, долженъ, прежде всего, покончить съ самодержавіемъ. Никакія лживыя обѣщанія царскихъ заботъ о положеніи рабочихъ не могутъ скрыть этого главнаго вывода царской рѣчи.

Вынужденный петербургскимъ возстаніемъ къ объясненію предъ русскимъ пролетаріатомъ, Николай II, разумѣется, не ограничился обѣщаніями новыхъ убійствъ. Великая сила рабочаго движенія слишкомъ мощно потрясаетъ гнилой тронъ, чтобы на рабочія требованія можно было отвѣчать голымъ отказомъ и угрозами пуль и штыковъ. Кромѣ новыхъ убійствъ, царь обѣщаетъ рабочимъ „обезпечить законные пути для выясненія назрѣвшихъ ихъ нуждъ“. Но эти туманныя слова только пустой звукъ, который никого не обманетъ. Самодержавіе сдѣлало для рабочихъ все, что оно могло сдѣлать, но не примирило пролетаріата съ деспотизмомъ. Оно организовало рабочіе союзы подъ управленіемъ полицейскихъ агентовъ, — и сыщикъ Шаевичъ подготовилъ всеобщія стачки на югѣ; оно передало эти союзы подъ руководство церкви, — и священникъ Гапонъ поднялъ знамя рабочаго возстанія, предавъ проклятію царя и все августѣйшее змѣиное отродье. Такъ кончатъ и всѣ рабочія организаціи, которыя можетъ создать полицейское государство. Насущные интересы пролетаріата повелительно толкаютъ его къ сверженію самодержавія, и ничто не остановитъ его наступательнаго движенія на отжившій порядокъ. Всѣ законы въ пользу рабочихъ, которые могутъ быть изданы самодержавіемъ, только обострятъ классовыя противорѣчія, только разожгутъ политическую борьбу, такъ какъ они только тогда будутъ имѣть какое-либо значеніе, когда ихъ подкрѣпитъ могущественная, сплоченная рабочая партія, дѣйствующая въ условіяхъ полной свободы личности, слова, собраній и стачекъ, т. е. въ условіяхъ демократическаго государства. До тѣхъ поръ каждый фабричный законъ, исходящій отъ самодержавія, каждый рабочій союзъ, основанный самодержавіемъ, явятся только новыми поводами къ недовольству рабочихъ массъ, только новыми ударами самодержавію. И едва ли послѣ Зубатова и Гапона правительство Николая II снова прибѣгнетъ къ опытамъ полицейскаго соціализма. Царскія обѣщанія 19 января, вѣрнѣе всего, прямой обманъ, которымъ самодержавіе старается отсрочить неизбѣжный конецъ. „У насъ нѣтъ болѣе царя. Рѣка крови легла между царемъ и народомъ“, писалъ Гапонъ послѣ петербургскихъ разстрѣловъ. Испуганный царь пытается опровергнуть мятежнаго попа и доказать, что онъ еще существуетъ, что онъ заботится о благѣ своихъ „дѣтей“ — подданныхъ. Онъ обѣщаетъ реформы, онъ „прощаетъ“ возстаніе петербургскихъ рабочихъ, онъ бросаетъ семьямъ убитыхъ подачку въ 50 тысячъ рублей. Тщетныя усилія! Пролетаріатъ Россіи не проститъ коронованнаго убійцу и не продастъ великаго дѣла свободы за окровавленныя деньги народнаго палача.

* * *

Царская рѣчь 19 января, очевидно, первый сигналъ, поданный сверху для широкаго и беззастѣнчиваго обмана народа. Вмѣстѣ съ монархомъ на ту же дорогу выступилъ „святѣйшій“ синодъ, министръ финансовъ, петербургскій генералъ-губернаторъ, одесскій градоначальникъ... скоро, несомнѣнно, всѣ попы и урядники начнутъ заниматься высшею политикою и опутывать народъ густою сѣтью наглой лжи и безсмысленныхъ сказокъ. Пять „смиренныхъ“ митрополитовъ пытаются увѣрить

народъ собрался у Зимняго дворца, все уже было приготовлено заботливымъ правительствомъ — и войска и санитарные отряды, и мѣста въ тюрьмахъ, и интернаціональная публика, связанная съ мѣстомъ зрѣлища телеграфными сообщеніями. Кровавая драма разыгралась по программѣ, предусмотрѣнной правительствомъ. Дальнѣйшее развитіе событій, однако, правительствомъ не было предвидѣно.

Царское правительство думало, что ружейными залпами нагонитъ паническій страхъ на народъ, который разбѣжится по домамъ, попрячется по своимъ подваламъ и чердакамъ. Случилось какъ разъ наоборотъ. Ружейные залпы не усмирили, а возбудили народъ. Нѣсколько тысячъ убитыхъ и раненыхъ были снесены съ поля, но этимъ самымъ сотни тысячъ мирныхъ демонстрантовъ были превращены въ революціонную армію. Военное насиліе правительства создало революціонное возстаніе. Съ этого момента оффиціозный телеграфъ начинаетъ дѣйствовать очень вяло, и правительство вскорѣ пріостанавливаетъ всѣ сообщенія изъ Петербурга.

Въ планѣ Георгія Гапона все было разсчитано на одинъ моментъ — на то, что солдаты не будутъ стрѣлять въ безоружную толпу. Если бы солдаты отступили передъ народомъ, то правительство должно было бы пойти на уступки. Еслибы солдаты пристали къ народу, то побѣда революціи была бы обезпечена. Солдатскіе полки, хотя и дрогнули, однако стрѣляли. И планъ священника Гапона рухнулъ. Но не рухнула революціонная энергія рабочихъ массъ. И вотъ оказались трагическія послѣдствія отсутствія организаціи. Массы, не считая жертвъ, мечутся во всѣ стороны. Онѣ готовы на все и не знаютъ, за что взяться. Одни ищутъ оружія, другіе собираются въ Царское Село, третьи строятъ баррикады, [illegible] Невскій проспектъ — массы [illegible]нились, все идетъ въ разбродъ, нѣтъ связывающаго центра, нѣтъ руководящей программы дѣйствія, нѣтъ связи съ провинціей, съ Москвой и даже съ ближайшими заводскими окрестностями. Такъ движеніе раскалывается на отдѣльныя части и мало по малу притихаетъ. Оно пало вслѣдствіе отсутствія связывающей и руководящей организаціи.

Петербургскіе дни показали, что военной силой трудно уже сломить революціонную энергію рабочихъ массъ. Петербургскіе рабочіе по сей моментъ въ своемъ большинствѣ еще не сдались. Они продержались недѣлю цѣлую послѣ воскресной бойни. Несомнѣнно, пока войско не перейдетъ на сторону народа, побѣда революціи невозможна. Однако уже сейчасъ даже Преображенцы, эта спеціально выхоленная и дрессированная вѣрная гвардія, и тѣ отчасти дрогнули — одни стрѣляли не цѣлясь, иные стрѣляли въ воздухъ, а въ отдѣльныхъ случаяхъ отказывались стрѣлять. Если рабочія массы охватитъ организаціей, то онѣ въ революціонные дни разовьютъ неуклонную энергію, которая должна будетъ въ концѣ концовъ сломить моральный противовѣсъ солдатской дисциплины.

Наряду съ революціонной устойчивостью петербургскихъ рабочихъ другая знаменательная черта послѣднихъ событій, это распространеніе движенія по всей странѣ. Это произошло такъ же законосообразно, какъ и превращеніе экономической стачки въ политическую. Съ выступленіемъ Георгія Гапона все вниманіе сконцентрировалось на этой личности — создалась такимъ образомъ ложная политическая перспектива, сводящая всѣ событія къ предпріятію этого полупророка, полуполитика, какъ къ исходному пункту. Петербургская стачка, разростаясь, принимала политическій характеръ и по мѣрѣ того должна была отозваться во всей странѣ. Повторились бы южно русскія событія только на гораздо болѣе широкой базѣ, охвативъ всѣ промышленные центры Россіи, и съ болѣе рѣзко выраженной политической программой. Георгій Гапонъ и здѣсь ускорилъ и расширилъ движеніе, придавъ ему вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе элементарный, вулканическій характеръ

Движеніе въ провинціи все еще разростается. Пусть и оно будетъ въ концѣ концовъ подавлено, но оно все же въ основахъ расшатаетъ государственный механизмъ самодержавія.

Еще разъ царское правительство удержало за собой власть, хотя рука возставшаго народа поднялась уже до самаго царскаго трона. А дальше что?

Событія послѣднихъ дней знаменуютъ поворотъ въ исторіи паденія самодержавія.

Конченъ періодъ либеральныхъ упованій — начинается періодъ революціонной борьбы.

Революціонная борьба до сихъ поръ велась только соціалистическими организаціями — она теперь будетъ вестись всѣмъ русскимъ народомъ.

Помимо соціалистическихъ организацій, борьба до сихъ поръ велась противъ бюрократіи и не затрагивала царя, она носила конституціонный, но не носила республиканскаго характера. Бюрократія теперь сдвинута съ политическаго поля битвы. Положеніе уяснилось и, уяснилось распредѣленіе силъ. Съ одной стороны — домъ Романовыхъ, царь и великіе князья, опирающіеся даже уже не на армію цѣликомъ, а только еще на гвардейскіе полки, а съ другой стороны — весь русскій народъ.

Политическія понятія, которыя внѣ послѣднихъ событій еще много лѣтъ могли бы служить нравственнымъ капиталомъ правительства, стерты, сведены на нѣтъ втеченіе нѣсколькихъ дней. Такова идея о царѣ, стоящемъ внѣ партій. Сотни тысячъ петербургскихъ рабочихъ проникнулись теперь ненавистью къ царю, за ними весь рабочій классъ и все населеніе городовъ и въ дальнѣйшей передачѣ весь русскій народъ. Это неизсякаемый источникъ монархической оппозиціи. Первое слово свободной русской прессы будетъ служить раскрытію событій 9/22 января. Первый день свободнаго русскаго народа будетъ посвященъ памяти убитыхъ въ кровавое Воскресенье. Отнынѣ вся политическая оппозиція Россіи будетъ носить антимонархическій характеръ, и всякая партія, которая въ будущей пролетарской Россіи примкнетъ къ монархіи, должна будетъ порвать съ народомъ.

Переходъ къ революціонной борьбѣ выдвинулъ на политическую авансцену Россіи *рабочихъ*.

Только что либералы со своими протестами, банкетами, резолюціями привлекали къ себѣ всеобщее вниманіе. Рабочихъ не слышно было. Друзья съ сожалѣніемъ, враги съ насмѣшкой спрашивали: гдѣ же рабочіе? Либералы со всей самоувѣренностью представителей имущихъ классовъ взяли на себя политическое руководство націей и легко сроднились съ идеей, что рабочіе только могутъ составить резонаторъ ихъ шумному краснорѣчію или сопровождать его массовыми возгласами. Но вотъ поднялись рабочіе и сразу измѣнили характеръ политической кампаніи и заняли широкій центръ революціонной борьбы; либералы же оказались ея ничтожнымъ придаткомъ.

Это было стихійное движеніе, но все же оно носило ясный пролетарскій характеръ.

Рабочіе не просто выставили политическія требованія либерализма, они развили свою собственную политическую логику. Ея схема проста. Рабочіе борятся противъ экономическаго гнета капиталистическаго класса. Но рабочіе безправны, они въ Россіи политическіе рабы Они требуютъ поэтому политическихъ правъ, чтобы быть въ состояніи бороться за свое экономическое освобожденіе. Но борясь за свои политическія права, рабочіе борятся за политическую свободу вообще и являются въ этой борьбѣ представителями всего русскаго народа.

Программа, выставленная петербургскими рабочими, при всей своей эклектичности, чрезвычайно характерна: это отнюдь не программа *буржуазнаго либерализма*, это программа *рабочей демократіи*. Рабочіе борятся не за свободу частной собственности, а за *свободу классовой борьбы*, и, требуя гарантій свободы личности, они требуютъ вмѣстѣ съ тѣмъ законовъ, ограничивающихъ свободу капиталистической эксплуатаціи.

Такимъ образомъ русскій пролетаріатъ сразу ясно опредѣлилъ свое отношеніе и къ самодержавію и къ либерализму. Въ дальнѣйшемъ ходѣ событій онъ еще только больше разовьетъ свою самостоятельную политику.

Если царь будетъ продолжать упорствовать на своемъ полновластіи, то революція вмѣстѣ съ абсолютизмомъ снесетъ и русскую монархію. Въ этой революціи всѣмъ и вся — боевой силой и руководящимъ центромъ, который объединитъ вокругъ себя русскій народъ, будетъ русскій пролетаріатъ.

Если правительство пойдетъ на уступки, то это достигнуто рабочими массами, то мы имѣемъ за собой политическую побѣду русской революціи, несмотря на физическое превосходство солдатскихъ ружей и несмотря на временное торжество революціонной, *соціалистической*, той деклассированной интеллигенціи, которая являлась идеологической выразительницей самаго *рабочаго класса*. Всю сумму классоваго сознанія, политической зрѣлости и идеализма, которая выразилась, воплотилась въ дѣло въ массовомъ возстаніи петербургскаго пролетаріата, слѣдуетъ отнести всецѣло на счетъ десятилѣтій неустанной, упорной работы соціалистической, точнѣе говоря — соціальдемократической агитаціи.

А по ближайшемъ разсмотрѣніи эта сумма оказывается *огромной*. Правда, первое выступленіе петербургской рабочей массы еще выбросило на поверхность различныя постороннія примѣси — царистскія иллюзіи, невѣдомыхъ случайныхъ вожаковъ. Какъ при всѣхъ революціонныхъ взрывахъ, вначалѣ раскаленная лава катитъ предъ собою на край кратера всевозможные осадки, скопившіеся въ глубинѣ. Но сквозь случайности минуты и остатки традиціоннаго міровоззрѣнія, съ головокружительною быстротою тающіе въ огнѣ революціонной обстановки, совершенно отчетливо выступаютъ крѣпкіе, здоровые и сильно развитые зародыши чисто пролетарскаго классоваго сознанія и тотъ простой героическій идеализмъ, *чуждый* позъ и театральныхъ пріемовъ, отличающихъ великіе историческіе моменты въ жизни *буржуазіи*, который является вѣрнымъ и типичнымъ признакомъ всѣхъ классовыхъ движеній современнаго сознательнаго пролетаріата. А между тѣмъ всякому, хоть сколько-нибудь знакомому съ русскими условіями, извѣстно, что — опять таки въ противоположность западной Европѣ — въ *провинціи*, по которой теперь постепенно катится революціонная волна, на югѣ, на западѣ, на Кавказѣ пролетаріатъ, по степени развитія классоваго сознанія и организаціи, стоитъ еще значительно выше, чѣмъ пролетаріатъ царской столицы.

Конечно, это первое массовое возстаніе петербургскихъ рабочихъ было несомнѣнно неожиданнымъ и для самой русской соціальдемократіи, да и внѣшнее *руководство* грандіознымъ политическимъ бунтомъ очевидно не принадлежало соціальдемократіи. Отсюда легко можетъ возникнуть представленіе, что событія „переросли черезъ голову" русской соціальдемократіи. Если подъ этимъ подразумѣвать стихійное „перерастаніе" *размѣровъ* и *быстроты* движенія черезъ всѣ наличныя силы и средства для овладѣнія и руководства движеніемъ, то для нынѣшняго момента въ Россіи это будетъ, конечно, вѣрно. Но горе той соціальдемократіи, которой *не* удается въ соотвѣтствующіе историческіе моменты вызвать на общественную сцену духовъ, *въ этомъ смыслѣ* „перерастающихъ" черезъ ея голову! Это означало бы лишь, что соціальдемократія не умѣетъ дать толчокъ дѣйствительно революціонному *массовому движенію*, ибо планомѣрно назначенныя, организованныя и въ порядкѣ проводимыя, словомъ, „сдѣланныя" революціи существуютъ только въ богатой фантазіи полицейскихъ головъ или прусскихъ и русскихъ прокуроровъ.

Если же подъ словами „перерастаніе черезъ голову" понимать, что *направленіе*, [illegible] самый *феноменъ* пролетарской революціи является неожиданностью для политическихъ дѣятелей, что въ своемъ бурномъ теченіи революція поставила себѣ *цѣли*, далеко превышающія всѣ предварительные расчеты, то въ такомъ случаѣ именно соціальдемократія является въ настоящее время въ царской имперіи *единственной* общественной силой, черезъ голову которой *не* „переросли" петербургскія событія, единственной силой, которая духовно стоитъ вполнѣ на высотѣ положенія.

Молніей изъ яснаго неба было внезапное политическое массовое возстаніе петербургскаго пролетаріата не только для безмозглыхъ кретиновъ господствующей воровской шайки самодержавія, не только для тупоголовой, грубой кучки промышленныхъ денежныхъ мѣшковъ, занимающихъ въ Россіи мѣсто буржуазіи. Оно было тѣмъ же самымъ и для русскихъ либераловъ, для тѣхъ торжественно кушающихъ ad majorem libertatis gloriam во славу свободы господъ, которые громкими криками негодованія — „вонъ, долой" — встрѣчали пролетарскихъ ораторовъ, являвшихся въ Кіевѣ и Одессѣ на ихъ банкеты, оно было тѣмъ же самымъ для господъ Струве и К°, которые еще наканунѣ петербургской революціи считали революціонную борьбу русскаго пролетаріата въ сущности простой „отвлеченной категоріей" и полагали, что отъ либеральнаго мяуканья и визга „видныхъ лицъ" скорѣе всего рухнутъ іерихонскія стѣны самодержавія.

Такой же молніей изъ яснаго неба было это возстаніе и для того неоформленнаго текучаго слоя революціонеровъ изъ интеллигенціи, которые, какъ трость, колеблемая вѣтромъ, вѣрили поочередно то въ спасительную силу бомбы и револьвера съ выгравированными на немъ страшными словами, то въ [illegible] взрывы крестьянскихъ бунтовъ, то вообще ни во что больше не вѣрили, и перетекали, какъ сыпучій песокъ революціи, въ постоянной смѣнѣ настроеній — то восторженнаго ликованія, то смертной тоски — отъ терроризма къ либерализму и обратно, и только никогда не могли усвоить себѣ настоящей вѣры въ самостоятельную классовую борьбу россійскаго пролетаріата.

И только непреклонные догматики русской соціальдемократіи и эта непріятная и упрямая компанія пользовалась въ нѣкоторыхъ кругахъ Интернаціонала такою же почетною нелюбовью какъ французскіе „гедисты", только они съ непоколебимымъ спокойствіемъ и увѣренностью, даваемыми научнымъ, цѣлостнымъ міровоззрѣніемъ, втеченіе десятилѣтій *предсказывали* пришествіе петербургскаго 9 января, *подготовляли* и *подготовили* его своею планомѣрною агитаціей.

Марксова „догма" только и дала русской соціальдемократіи возможность болѣе чѣмъ 20 лѣтъ тому назадъ намѣтить почти съ математическою точностью крупныя линіи капиталистическаго развитія посреди капризнаго своеобразія соціальнаго строенія Россіи, планомѣрною дѣятельностью предвосхитить и реализовать революціонные результаты этого развитія.

Марксова „догма" только и дала соціальдемократамъ возможность открыть въ самодержавной Россіи въ лицѣ рабочаго класса политическую силу и единственнаго будущаго носителя сначала политическаго освобожденія Россіи отъ самодержавія, а затѣмъ и собственнаго освобожденія отъ господства капитала.

Та же марксова „догма" позволяла русской соціальдемократіи неуклонно отстаивать противъ всѣхъ и всякихъ поползновеній самостоятельныя классовыя задачи и классовую политику россійскаго пролетаріата: — и тогда, когда самый фактъ *физическаго* существованія рабочаго класса приходилось только еще вычитывать изъ суконнаго языка оффиціальной промысловой статистики, когда приходилось еще разыскивать русскія фабрики и, такъ сказать, отвоевывать чуть не каждую математическую пролетарскую единицу горячей полемикой.

И тогда, когда неустойчивый русскій интеллигентъ мучился новымъ опасеніемъ, что русскій капитализмъ развивается не „вширь", а „вглубь", т. е. что промышленность, вооруженная готовой заграничной техникой, занимаетъ *слишкомъ мало* пролетаріевъ, и потому русскій рабочій классъ окажется слишкомъ малочисленнымъ для выполненія предстоящихъ ему задачъ.

И тогда, когда *культурное* существованіе русскаго пролетаріата было впервые открыто „обществомъ" изъ достопамятныхъ сообщеній о наплывѣ рабочихъ въ публичныя читальни, вродѣ того, какъ открываютъ существованіе новыхъ дикихъ племенъ въ американскихъ первобытныхъ лѣсахъ.

И тогда, когда уже впослѣдствіи, несмотря на существованіе рабочаго класса и несмотря на крупныя стачки, начали вѣрить въ политическую силу только студенческаго террора.

И позавчера, когда, несмотря на громадное соціалистическое движеніе въ Россіи, заграницей — съ чисто доктринерской шаблонностью — видѣли прежде всего и больше всего только существованіе *либеральнаго* движенія въ царской имперіи.

И вчера, когда по случаю войны всѣ надежды возлагались въ сущности опять таки не на классовую борьбу россійскаго пролетаріата, а на борьбу *японцевъ*.

И, наконецъ, въ самое послѣднее время, когда снова и снова выдвигалась вѣра не въ самостоятельную революціонную политику соціальдемократическаго рабочаго класса, а, въ лучшемъ случаѣ, лишь въ смѣсь „революціонныхъ" и „оппозиціонныхъ" партій Россіи въ политическій слоеный пирогъ, въ которомъ „съ болѣе широкой точки зрѣнія" и „въ виду переживаемаго великаго момента" будто бы необходимо на скорую руку спечь воедино пролетарскую политику со всякой иной.

Девятое января облекло слово плотью и кровью и показало всему міру русскій пролетаріатъ въ самостоятельной политической революціи. Духомъ *Маркса* вѣяло отъ первой большой битвы за русскую свободу на улицахъ Петербурга, и онъ же рано или поздно съ необходимостью закона природы приведетъ къ побѣдѣ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

Послѣ кровавой трагедіи 9 января въ Петербургѣ — отвратительная циничная комедія 19 января въ Царскомъ Селѣ. Послѣ разстрѣла, по приказанію царя, дѣйствительныхъ представителей рабочихъ — пріемъ тѣмъ же царемъ кучки какихъ-то подозрительныхъ людей, собранныхъ полиціей на фабрикахъ и заводахъ Петербурга. Пусть эти люди не переодѣтые шпіоны и дворники, пусть они въ самомъ дѣлѣ принадлежатъ къ петербургскимъ рабочимъ, во всякомъ случаѣ, они не были и не могли быть выразителями нуждъ и желаній петербургскаго пролетаріата, во всякомъ случаѣ, они творили волю только пославшаго ихъ генералъ-губернатора. Среди [illegible] рабочихъ, представлявшихся царю, ни одинъ не вспомнилъ о тѣхъ требованіяхъ, за которыя положили жизнь тысячи ихъ товарищей, ни одинъ не вспомнилъ и не сказалъ коронованному убійцѣ о насущныхъ нуждахъ рабочаго класса. Они ставили свѣчи передъ иконами царской церкви, ѣли царскій обѣдъ, пили царское вино и кричали ура палачу въ то время, какъ петербургскія тюрьмы и больницы еще полны жертвами самодержавія, но сказали они только одну фразу „здравія желаемъ, ваше императорское величество". Немного желаній у русскихъ рабочихъ, если судить по словамъ депутаціи, представлявшейся царю 18 января.

Но зато кровавый царь, молчавшій и прятавшійся отъ народа 9 января, говорилъ много. Царская рѣчь 19 января — самая длинная рѣчь, произнесенная Николаемъ II за все время его десятилѣтняго позорнаго царствованія. Въ ней онъ сказалъ все, что могъ сказать русскій самодержецъ русскимъ рабочимъ. И не для тѣхъ сѣрыхъ людей, которые униженно и безмолвно стояли предъ нимъ, говорилъ верховный палачъ, — онъ говорилъ для всего русскаго пролетаріата, который по всей Россіи честно и смѣло началъ рѣшительную битву за свое политическое и экономическое освобожденіе. Предъ этимъ пролетаріатомъ объяснялся Николай II, ему объяснялъ свои планы и намѣренія. И, если даже послѣ 9 января среди русскихъ рабочихъ оставалась малая доля вѣры въ отеческую заботливость царя, то теперь Николай II раскрылъ свои карты, и пролетаріатъ легко можетъ понять и оцѣнить царскую игру.

Кровавый царь ясно и твердо опровергъ всѣ слухи, будто онъ не зналъ о кровавой расправѣ войскъ съ безоружными рабочими. Онъ призналъ, что пролилась неповинная кровь. Но онъ рѣшительно заявилъ, что стачки и собранія и впредь будутъ заставлять правительство прибѣгать къ военной силѣ, что и впредь императорское войско будетъ разстрѣливать народную толпу, не разбирая праваго и виноватаго. Онъ заявилъ, что подача рабочими прошенія о своихъ нуждахъ является бунтомъ противъ царя и правительства, бунтомъ, который власть всегда будетъ тушить кровью. Такимъ образомъ царь всенародно подтвердилъ, что свобода стачекъ и собраній, необходимая для самыхъ ничтожныхъ улучшеній рабочей жизни, недостижима при абсолютизмѣ, что рабочій классъ для того, чтобы двинуться хотя на шагъ впередъ, долженъ, прежде всего, покончить съ самодержавіемъ. Никакія лживыя обѣщанія царскихъ заботъ о положеніи рабочихъ не могутъ скрыть этого главнаго вывода царской рѣчи.

Вынужденный петербургскимъ возстаніемъ къ объясненію предъ русскимъ пролетаріатомъ, Николай II, разумѣется, не ограничился обѣщаніями новыхъ убійствъ. Великая сила рабочаго движенія слишкомъ мощно потрясаетъ гнилой тронъ, чтобы на рабочія требованія можно было отвѣчать голымъ отказомъ и угрозами пуль и штыковъ. Кромѣ новыхъ убійствъ, царь обѣщаетъ рабочимъ „обезпечить законные пути для выясненія назрѣвшихъ ихъ нуждъ". Но эти туманныя слова только пустой звукъ, который никого не обманетъ. Самодержавіе сдѣлало для рабочихъ все, что оно могло сдѣлать, но не примирило пролетаріата съ деспотизмомъ. Оно организовало рабочіе союзы подъ управленіемъ полицейскихъ агентовъ, — и сыщикъ Шаевичъ подготовилъ всеобщія стачки на югѣ; оно передало эти союзы подъ руководство церкви, — и священникъ Гапонъ поднялъ знамя рабочаго возстанія, предавъ проклятію царя и все августѣйшее змѣиное отродье. Такъ кончатъ и всѣ рабочія организаціи, которыя можетъ создать полицейское государство. Насущные интересы пролетаріата повелительно толкаютъ его къ сверженію самодержавія, и ничто не остановитъ его наступательнаго движенія на отжившій порядокъ. Всѣ законы въ пользу рабочихъ, которые могутъ быть изданы самодержавіемъ, только обострятъ классовыя противорѣчія, только разожгутъ политическую борьбу, такъ какъ они только тогда будутъ имѣть какое-либо значеніе, когда ихъ подкрѣпитъ могущественная сплоченная рабочая партія, дѣйствующая въ условіяхъ полной свободы личности, слова, собраній и стачекъ, т. е. въ условіяхъ демократическаго государства. До тѣхъ поръ каждый фабричный законъ, исходящій отъ самодержавія, каждый рабочій союзъ, основанный самодержавіемъ, явится только новыми поводами къ недовольству рабочихъ массъ, только новыми ударами самодержавію. И едва ли послѣ Зубатова и Гапона правительство Николая II снова прибѣгнетъ къ опытамъ полицейскаго соціализма. Царскія обѣщанія 19 января, вѣрнѣе всего, прямой обманъ, которымъ самодержавіе старается отсрочить неизбѣжный конецъ. „У насъ нѣтъ болѣе царя. Рѣка крови легла между царемъ и народомъ", писалъ Гапонъ послѣ петербургскихъ разстрѣловъ. Испуганный царь пытается опровергнуть мятежнаго попа и доказать, что онъ еще существуетъ, что онъ заботится о благѣ своихъ „дѣтей" — подданныхъ. Онъ обѣщаетъ реформы, онъ „прощаетъ" возстаніе петербургскихъ рабочихъ, онъ бросаетъ семьямъ убитыхъ подачку въ 50 тысячъ рублей. Тщетныя усилія! Пролетаріатъ Россіи не проститъ коронованнаго убійцу и не продастъ великаго дѣла свободы за окровавленныя деньги народнаго палача.

* * *

Царская рѣчь 19 января очевидно, первый сигналъ, поданный сверху для широкаго и беззастѣнчиваго обмана народа. Вмѣстѣ съ монархомъ на ту же дорогу выступилъ „святѣйшій" синодъ, министръ финансовъ, петербургскій генералъ-губернаторъ, одесскій градоначальникъ. Скоро, несомнѣнно, всѣ попы и урядники начнутъ заниматься высшею политикою и опутывать народъ густою сѣтью наглой лжи и безсмысленныхъ сказокъ. Пять „смиренныхъ" митрополитовъ пытаются увѣрить

народъ собрался у Зимняго дворца, все уже было приготовлено заботливымъ правительствомъ — и войска и санитарные отряды, и мѣста въ тюрьмахъ, и интернаціональная публика, связанная съ мѣстомъ зрѣлища телеграфными сообщеніями. Кровавая драма разыгралась по программѣ, предусмотрѣнной правительствомъ. Дальнѣйшее развитіе событій, однако, правительствомъ не было предвидѣно.

Царское правительство думало, что ружейными залпами нагонитъ паническій страхъ на народъ, который разбѣжится по домамъ, попрячется по своимъ подваламъ и чердакамъ. Случилось какъ разъ наоборотъ. Ружейные залпы не усмирили, а возбудили народъ. Нѣсколько тысячъ убитыхъ и раненыхъ были снесены съ поля, но этимъ самымъ сотни тысячъ мирныхъ демонстрантовъ были превращены въ революціонную армію. Военное насиліе правительства создало революціонное возстаніе. Съ этого момента оффиціальный телеграфъ начинаетъ дѣйствовать очень вяло, и правительство вскорѣ просто замалчиваетъ всѣ сообщенія изъ Петербурга.

Въ планѣ Георгія Гапона все было разсчитано на одинъ моментъ — на то, что солдаты не будутъ стрѣлять въ безоружную толпу. Если бы солдаты отступили передъ народомъ, то правительство должно было бы пойти на уступки. Если бы солдаты пристали къ народу, то побѣда революціи была бы обезпечена. Солдатскіе полки, хотя и дрогнули, однако стрѣляли, и планъ священника Гапона рухнулъ. Но не рухнула революціонная энергія рабочихъ массъ. И вотъ сказались [illegible] послѣдствія отсутствія организаціи. Массы [illegible] мечутся во всѣ стороны. Онѣ готовы на [illegible] и не знаютъ, за что взяться. Одни ищутъ оружія, другіе [illegible] въ Царское Село, третьи строятъ баррикады [illegible] Невскій проспектъ — [illegible] всѣ [illegible] разбродъ, нѣтъ связывающаго центра, нѣтъ руководящей программы дѣйствія, нѣтъ связи съ провинціей, съ Москвой и даже съ ближайшими заводскими окрестностями. Все движеніе распадается на отдѣльныя части и мало по малу притихаетъ. Оно пало вслѣдствіе отсутствія связывающей и руководящей организаціи.

Петербургскіе дни показали, что военной силой [illegible] уже сломить революціонную энергію рабочихъ массъ. Петербургскіе рабочіе по сей моментъ [illegible] не сдались. Они продержались [illegible] бойни. Несомнѣнно, пока войско не перейдетъ на сторону народа, побѣда революціи невозможна. Однако уже сейчасъ даже Преображенцы, эта спеціально выдѣленная и дрессированная царская гвардія, и тѣ отчасти дрогнули [illegible], иные стрѣляли въ воздухъ, а въ отдѣльныхъ случаяхъ отказывались стрѣлять. Если рабочія массы охватить организаціей, то онѣ въ революціонные дни разовьютъ [illegible] энергію, которая должна будетъ въ концѣ концовъ сломить моральный противовѣсъ солдатской дисциплины.

Наряду съ революціонной устойчивостью петербургскихъ рабочихъ другая знаменательная черта послѣднихъ событій, это распространеніе движенія по всей странѣ. Это произошло такъ же законосообразно, какъ и превращеніе экономической стачки въ политическую. Съ выступленіемъ Георгія Гапона все вниманіе сконцентрировалось на этой личности, и создалась такимъ образомъ ложная политическая перспектива, сводящая всѣ событія къ предпріятію этого полупопа, полуполитика, какъ къ исходному пункту. Петербургская стачка, разростаясь, принимала политическій характеръ и по мѣрѣ того должна была отозваться во всей странѣ. [illegible] русскія событія только на [illegible] болѣе широкой базѣ, охвативъ всѣ промышленные центры Россіи и съ болѣе рѣзко выраженной политической программой. Георгій Гапонъ и здѣсь ускорилъ и расширилъ движеніе, придавъ ему вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе элементарный, вулканическій характеръ.

Движеніе въ провинціи все еще разростается. Пусть и оно будетъ въ концѣ концовъ подавлено, но оно все же въ [illegible] расшатаетъ [illegible] механизмъ самодержавія.

Еще разъ царское правительство удержало за собой [illegible], хотя руки возставшаго народа поднялись уже до самаго царскаго трона. А дальше что?

[illegible] послѣднихъ дней [illegible] въ исторіи паденія самодержавія.

[illegible] либеральныхъ [illegible] борьбы.

Революціонная борьба [illegible] теперь будетъ [illegible] народомъ.

[illegible] борьба [illegible] и не затрагивала царя, она носила конституціонный [illegible] республиканскаго характера. [illegible] теперь сдвинута [illegible] политическаго поля битвы. Положеніе [illegible] распредѣленіе силъ. [illegible] уже не [illegible] — весь русскій народъ.

Политическій [illegible] событій [illegible] могли [illegible] служить нравственнымъ капиталомъ [illegible] втеченіе нѣсколькихъ дней. [illegible] партій [illegible] петербургскихъ рабочихъ [illegible] проникнулись теперь ненавистью къ царю, за ними весь рабочій классъ и все населеніе городовъ, а въ дальнѣйшей [illegible] весь русскій народъ. [illegible] неизсякаемый источникъ монархической оппозиціи. Первое слово свободной русской прессы будетъ служить раскрытію событій 22 января. Первый день свободнаго русскаго народа будетъ посвященъ памяти убитыхъ въ кровавое Воскресенье. Отнынѣ вся политическая оппозиція Россіи будетъ носить антимонархическій характеръ, и всякая партія, которая въ будущей пролетарской Россіи примкнетъ къ монархіи, должна будетъ порвать съ народомъ.

Переходъ къ революціонной борьбѣ выдвинулъ на политическую авансцену Россіи *рабочихъ*.

Только что либералы со своими протестами, банкетами, резолюціями привлекали къ себѣ всеобщее вниманіе. Рабочихъ не слышно было. Друзья съ сожалѣніемъ, враги съ насмѣшкой спрашивали: гдѣ же рабочіе? Либералы со всей самоувѣренностью представителей имущихъ классовъ взяли на себя политическое руководство націей и легко сроднились съ идеей, что рабочіе только могутъ составить резонаторъ ихъ шумному краснорѣчію или сопровождать его массовыми возгласами. Но вотъ поднялись рабочіе и сразу измѣнили характеръ политической кампаніи и заняли широкій центръ революціонной борьбы; либералы же оказались ея ничтожнымъ придаткомъ.

Это было стихійное движеніе, но все же оно носило ясный пролетарскій характеръ.

Рабочіе не просто выставили политическія требованія либерализма, они развили всю объективную политическую логику. [illegible] рабочіе борятся противъ экономическаго гнета капиталистическаго класса. Но рабочіе безправны, они въ Россіи политическіе рабы. Они требуютъ поэтому политическихъ правъ, чтобы быть въ состояніи бороться за свое экономическое освобожденіе. Но борясь за свои политическія права, рабочіе борятся за политическую свободу вообще и являются въ этой борьбѣ представителями всего русскаго народа.

Программа, выставленная петербургскими рабочими, при всей своей эклектичности чрезвычайно характерна. Это отнюдь не программа *буржуазнаго либерализма*, это программа *рабочей демократіи*. Рабочіе борятся не за свободу частной собственности, а за *свободу классовой борьбы*, и, требуя гарантій свободы личности, они требуютъ вмѣстѣ съ тѣмъ законовъ, ограничивающихъ свободу капиталистической эксплуатаціи.

Такимъ образомъ русскій пролетаріатъ сразу ясно опредѣлилъ свое отношеніе и къ монархіи и къ либерализму. Въ дальнѣйшемъ ходѣ событій онъ [illegible] еще больше разовьетъ [illegible] самостоятельную политику.

Если царь будетъ продолжать упорствовать на своемъ полновластіи, то революція вмѣстѣ съ абсолютизмомъ снесетъ и русскую монархію. Въ этой революціи всѣмъ и вся боевой силой и руководящимъ центромъ, который объединитъ вокругъ себя русскій народъ, будетъ русскій пролетаріатъ.

Если правительство пойдетъ на уступки, то это достигнуто рабочими массами, и мы имѣемъ за собой политическую побѣду русской революціи, несмотря на физическое превосходство солдатскихъ ружей и несмотря на временное торжество русскій народъ, что всеобщая стачка, охватившая Россію, вызвана усиліемъ англичанъ и японцевъ и ведется на деньги враговъ Россіи. Высшая духовная власть бросаетъ голоднымъ, изстрадавшимся труженикамъ подлое обвиненіе, будто они пользуются японскими средствами. Разжирѣвшіе паразиты-архіерев осмѣливаются говорить пролетаріату, что тотъ, кто не работаетъ, не достоинъ и пропитанія. Бездѣльники, обирающіе народъ, осмѣливаются клеветать на тѣхъ, кто желаетъ свободы и счастья Россіи, стремятся посѣять вражду и ненависть къ революціонерамъ въ темныхъ народныхъ массахъ. Тѣ же обвиненія повторяетъ одесскій градоначальникъ въ своей прокламаціи „Къ рабочему люду“! А петербургскій генералъ-губернаторъ идетъ прямо къ цѣли и подстрекаетъ рабочихъ къ избіенію революціонеровъ. Агенты тайной полиціи распускаютъ въ рабочей средѣ слухи, будто бы царь охотно принялъ бы петицію рабочихъ, если бы въ толпѣ не было студентовъ, составившихъ заговоръ противъ жизни царя. Эти заговорщики будто бы хотѣли воспользоваться стачкою для своихъ цѣлей; они поэтому, и виновны во всемъ, что произошло на улицахъ Петербурга, имъ рабочіе должны отомстить за смерть своихъ товарищей. Эта политика царскаго правительства не является новостью. Въ то время, когда революціонное движеніе ограничивалось преимущественно кругомъ интеллигенціи, правительство распространяло въ народѣ слухи, что господа бунтуютъ для того, чтобы снова обратить крестьянъ въ крѣпостную зависимость; теперь, когда революціонное движеніе стало народнымъ, правительство увѣряетъ, что народъ обманутъ злоумышленниками, подкупленными иностранцами. Наглая ложь, распространяемая попами и сыщиками, несомнѣнно, не встрѣтитъ никакого сочувствія среди фабричныхъ и заводскихъ рабочихъ, но она можетъ найти нѣкоторую почву въ крестьянской массѣ, забитой, темной, полной предразсудковъ. Поэтому, мы должны обратить особенное вниманіе на ту сѣть лжи, которой царь старается опутать народъ. Клеветнической литературѣ самодержавія должно быть противопоставлено честное и прямое революціонное слово. Города и деревни Россіи должны быть наполнены милліонами листковъ, изъ которыхъ народъ получилъ бы вѣрныя свѣдѣнія о рабочемъ движеніи и его цѣляхъ. Отсутствіе въ деревняхъ революціонныхъ организацій не можетъ служить непреодолимымъ препятствіемъ къ освѣдомленію крестьянства о политической борьбѣ, начатой рабочимъ классомъ. Лично, черезъ знакомыхъ, по почтѣ рабочіе-соціальдемократы могутъ пересылать и передавать революціонные листки въ глухія деревни и, такимъ образомъ, распространять тамъ пониманіе дѣйствительнаго политическаго положенія. Распространеніе свѣдѣній о политическихъ событіяхъ, распространеніе революціонныхъ идей является одной изъ самыхъ настоятельныхъ задачъ переживаемаго момента. Гибель стараго порядка приближается. Народное возстаніе назрѣваетъ съ стихійною быстротою и неизбѣжностью. И соціальдемократія, какъ единственная народная партія современной Россіи, обязана расширить и усилить свою агитацію, чтобы распространить въ глубинѣ народныхъ массъ демократическія требованія своей программы и тѣмъ обезпечить себѣ политическое руководство въ предстоящей послѣдней битвѣ между самодержавіемъ и народомъ.

ВСЕРОССІЙСКАЯ РЕВОЛЮЦІОННАЯ СТАЧКА.

Вслѣдъ за затопленнымъ въ крови возстаніемъ петербургскаго пролетаріата, стачечное движеніе облетѣло всю Россію, превращаясь мѣстами въ прямую гражданскую войну. Въ Варшавѣ, Ригѣ уже пали сотни жертвъ, въ Лодзи войска также стрѣляли. Движеніе въ моментъ, когда мы выпускаемъ этотъ №, еще далеко не закончилось. Насколько позволяютъ судить имѣющіяся въ нашемъ распоряженіи данныя, по настоящій моментъ оно, кромѣ Петербурга, затронуло слѣдующія мѣста (вопросительные знаки мы ставимъ въ тѣхъ случаяхъ, о которыхъ не имѣется достовѣрныхъ данныхъ): Москва, Тверь (?), Коломна (?) Рига, Ревель, Юрьевъ (Дерптъ), Нарва, Либава, Митава, Виндава, Ковно, Шавли, Вильна, Сморгонь, Гродно(?), Бѣлостокъ, Могилевъ губ., Гомель, Минскъ, Борисовъ, Крынки, Двинскъ, Тула (?) Брянскъ (?), Мальцевскій районъ (?), Кіевъ, Екатеринославъ, Юзовка, Тифлисъ, Баку (?), Батумъ, Саратовъ, Слоб. Покровская, Самара, Варшава, Лодзь, Сосновицы, Домброво, Ченстоховъ, Пабіаницы, Згержъ, Люблинъ, Сувалки, Калишъ, Кутно, Сѣдлецъ, Кѣльцы(?), Здунская Воля, Сельце, Красноярскъ (?), Өеодосія, Маріуполь (?) Поти, Казань, Радомъ, Смоленскъ, Полтава (?), Кутаисъ, Елисаветполь.

Петербургъ. Суббота 8 января (изъ письма члена мѣстной группы Ц. К.). Времени совершенно нѣтъ, чтобы писать. Завтра утромъ я со своимъ райономъ, гдѣ я состою агитаторомъ, идемъ на вооруженную демонстрацію и, быть можетъ, не вернусь. Работаю въ Невскомъ районѣ. Насъ, агитаторовъ-интеллигентовъ трое, все примыкающіе къ нашей группѣ. Весь день мы говоримъ на собраніяхъ въ 300—1000 человѣкъ, гдѣ каждый часъ мѣняется публика. У насъ стоятъ 50000 рабочихъ, приходится говорить по нѣскольку разъ на день. Впечатлѣніе огромное. Въ 3 дня мы превратили гапоновскія собранія въ политическіе митинги. Отсѣвали залъ и предсѣдательствуемъ на собраніяхъ. Гапоновцы всѣ — и главари и масса — стали въ нашемъ районѣ на нашу сторону. Завтра идемъ съ петиціей въ одно время изъ всѣхъ районовъ сплошной толпой. Войска наготовѣ, по улицамъ везутъ пушки. Сегодня во всѣхъ „отдѣлахъ“ Русскаго Общества собранія. Всюду наша публика. Въ городѣ паника. Три ночи не спали. Завтра — конецъ. Врядъ-ли уцѣлѣю. Наши агитаторы (и я въ томъ числѣ) ведутъ толпу и будутъ говорить на улицѣ. Прощайте, если уцѣлѣю, сейчасъ напишу.

Петербургъ. (Отъ члена мѣстной группы при Ц. К.).

Среда 12-го. Какъ извѣстно, сначала во главѣ движенія на Путиловскомъ заводѣ стоялъ Гапонъ, который и велъ переговоры съ администраціей завода отъ имени рабочихъ. Послѣ неудачи этихъ переговоровъ рѣшено было забастовать, и въ депутацію, отправившуюся снова къ директору, проникли уже соціальдемократы, проведшіе въ число требованій 8-часовой рабочій день и рядъ другихъ экономическихъ требованій, а также и нѣкоторыя политическія, кромѣ учредительнаго собранія. Съ понедѣльника 3 января, за Нарвской заставой, въ клубѣ „Общества“ пошли массовыя собранія, чисто зубатовскія: вѣрноподданическія чувства къ царю; экономическія требованія; царь ихъ самъ удовлетворитъ. Соціальдемократы, которые тамъ пробовали выступать, не встрѣтили сочувствія. За то очень хорошо обстояло дѣло въ Невскомъ районѣ, гдѣ работали члены нашей группы. Во вторникъ 4-го забастовали на Шлиссельбургскомъ тракту четыре завода, и пошли собранія въ клубѣ. Тамъ предсѣдательствовалъ зубатовецъ Ц., вначалѣ бывшій чистымъ зубатовцемъ, потомъ сдѣлавшійся гапоновцемъ, т. е. примкнувшій ко всѣмъ требованіямъ Гапона плюсъ учредительное собраніе и отдѣленіе церкви, но продолжавшій отрицать вредъ самодержавія.

Итакъ, во вторникъ уже забастовало за Невскимъ около 20.000. У соціальдемократовъ дѣло было поставлено тамъ прекрасно: работали — одинъ организаторъ, два помощника его, два агитатора и одинъ опытный агитаторъ-организаторъ, хорошо знающій толпу. Кромѣ того еще два рабочихъ, рѣдко выступавшихъ. Это ядро районной организаціи усиленно работало всю недѣлю. Агитаторъ-организаторъ выступилъ на собраніи зубатовцевъ; сначала ему не давали говорить, такъ какъ онъ говорилъ рѣзко и ему противодѣйствовалъ упомянутый зубатовецъ. Но затѣмъ онъ завладѣлъ аудиторіей, его выбрали предсѣдателемъ. Послѣ этого, уже на слѣдующій день, или въ четвергъ, зубатовецъ сразу повернулъ и всѣмъ давалъ говорить. Лейтъ-мотивомъ у него было: всѣ революціонныя партіи — ваши друзья, безъ различія, не надо только соціальдемократіи, а пусть будетъ одна партія — всеобщая (!!). Свободой слова воспользовались наши агитаторы, которые выступали и все время вели соціальдемократическую агитацію. Въ среду забастовали еще 2-3 завода. Въ четвергъ 6-го былъ праздникъ. Въ этотъ день шла усиленная агитація. Гапонъ пріѣзжалъ въ районъ (онъ ѣздилъ изъ одного района въ другой) и, благодаря своей огромной популярности, симпатичной наружности, сану и кресту, лично вліялъ на рабочихъ. До пятницы онъ уже выставилъ всю соціальдемократическую программу, кромѣ отдѣленія церкви и учредительнаго собранія. Такія же требованія были выработаны соц.-дем. на отдѣльныхъ заводахъ, а когда въ пятницу забастовали всѣ заводы (соціальдемократы ходили изъ завода въ заводъ), каждый изъ нихъ выставилъ тѣ же требованія, помимо чисто экономическихъ и мѣстныхъ заводскихъ. Съ пятницы стояло уже около 150.000 раб., и вотъ у Гапона явилась мысль, которую онъ уже высказывалъ въ среду: написать петицію, подать царю; если приметъ — хорошо, если нѣтъ — всѣмъ умереть. За три дня онъ сдѣлался революціонеромъ и подъ вліяніемъ соціальдемократіи включилъ въ петицію отдѣленіе церкви и учредительное собраніе (голосованіе прямое, тайное и т. д.). Еще въ четвергъ онъ посылаетъ сказать соціальдемократамъ, что желаетъ вступить въ переговоры и, такъ какъ Невскій районъ наиболѣе дѣятеленъ, то онъ туда и пріѣзжаетъ.

Замѣчу сейчасъ же, что, лишь только стало извѣстно о затѣваемой Гапономъ демонстраціи, наша группа рѣшила по возможности использовать ее и, за недостаткомъ времени для болѣе сложной подготовки, остановилась на слѣдующемъ:

1) Все время до демонстраціи вести усиленную политическую агитацію;

2) Если демонстрантовъ пропустятъ на площадь Зимняго дворца, устроить тамъ рядъ митинговъ;

3) Если въ городъ не пропустятъ, устроить митинги въ каждомъ районѣ;

4) Въ случаѣ избіенія организовать сопротивленіе, выкинуть красныя знамена и произносить агитаціонныя рѣчи.

По этому плану мы и дѣйствовали. Вернусь, однако, къ прерванному разсказу.

Съ утра пятницы 7-го Гапонъ разъѣзжалъ по районамъ, читалъ рабочимъ петицію, приглашалъ идти въ воскресенье подать петицію царю, причемъ рекомендовалъ не трогать никого, вооружаться для обороны, быть готовымъ и умереть. „Царь васъ приметъ, я увѣренъ“, говорилъ онъ. Оставался одинъ день, суббота, на разъясненіе петиціи! Страшно мало. Отложить же Гапонъ не хотѣлъ; да и многіе изъ насъ считали, что необходимо торопиться. Въ пятницу ночью Гапонъ сидѣлъ съ нашей организаціей Невскаго района и обсуждалъ положеніе дѣлъ. Гапонъ заявилъ: „у меня сто тысячъ рабочихъ. Всѣ пойдутъ на площадь со мной во главѣ. Если пропустятъ меня и депутацію рабочихъ къ царю, мы все изложимъ и попросимъ свободы. Если онъ испугается и захочетъ обмануть, клятву съ него возьмемъ передъ всѣмъ народомъ и потребуемъ въ видѣ гарантіи 8-часоваго рабочаго дня съ той же платой, какъ за 10“. Гапонъ произвелъ впечатлѣніе симпатичнаго, но малосознательнаго человѣка, не вполнѣ понимающаго, куда и на что идетъ. Если, говорилъ онъ, не допустятъ въ городъ, то прорвемъ заставы и идемъ дальше мирно. Если въ городѣ будутъ стрѣлять, разобьемъ оружейные магазины, займемъ телефонъ, телеграфъ и тюрьмы (я забылъ сказать, что первое его требованіе — амнистія) и т. д.

Дѣло было уже пущено въ ходъ. Удержать все это соц.-дем. не было смысла, да и невозможно было бы. Оставалось использовать какъ можно больше. Разговоръ съ Гапономъ продолжался долго. Рѣшили дѣйствовать дружно, мирно. Идти сперва безъ пѣсенъ, безъ знаменъ, безъ рѣчей, но послѣ перваго же нападенія всѣмъ развязывались руки — рѣчи, знамена, сопротивленіе. Итакъ, до субботы шла агитація и пропаганда соц.-дем. Говорили до хрипоты. Бесѣдовали съ толпой, спрашивали, получали отвѣты. Объясняли что такое партія, соціальдемократія, рабочій классъ, самодержавіе, война и т. д. Къ предмету агитаціи подходили постепенно. И, доказавъ, напримѣръ, безцѣльность войны, заставляли толпу самое кричать: „долой самодержавіе“. Говорили постоянно. Одна партія смѣняла другую. Говорили въ клубѣ (каждые полчаса 800 чел.) и во дворѣ, гдѣ скоплялось 1000—2000—3000 человѣкъ.

Съ субботы же пошло усиленное разъясненіе пунктовъ петиціи и бѣшеная агитація за то, чтобы *всѣ* пошли. Говорили весь день, разъ двадцать. Разъяснялась петиція, ставились вопросы, затѣмъ говорилась горячая рѣчь и призывались всѣ быть на слѣдующій день въ 9 час. въ одномъ мѣстѣ. Соціальдемократы требовали солидарности, единства рабочихъ, указывали на ихъ интересы и неустанно агитировали. Одного дня было мало, но больше не было времени. Во всѣхъ районахъ происходило въ тотъ день то же самое.

На слѣдующій день произошло слѣдующее. Пришли всѣ (30—40.000), но безъ оружія. Растянулись на полторы версты, но *сплошной массой* двинулись лишь 5—6000. Пошли. Недалеко отъ церкви Скорбящихъ—застава изъ 120 казаковъ (лейбъ гвардія). Выступили рабочіе и начали умолять, прося пропустить. Ничто не помогло. Офицера уговаривали, одинъ старикъ на колѣни упалъ, но не помогло. Однако, три залпа были холостые или въ воздухъ. Послѣ этого разбрелись и черезъ Неву и Охту пробрались въ городъ. Было только три раненыхъ саблями (случайные удары). За Нарвской заставой, между тѣмъ, толпу рабочихъ (10.000 чел.) съ Гапономъ во главѣ также встрѣтили солдаты (пѣхота и казаки): были рѣчи, просьбы: одинъ гимназистъ, обнявшись съ рабочимъ, просилъ, говорилъ, но не помогло; одинъ холостой залпъ, а затѣмъ пять залповъ боевыхъ — убито много народу. Гимназистъ и рабочій пали первыми, а Гапонъ спасся, остался живъ и невредимъ; очевидно, солдаты не посмѣли стрѣлять въ него. За Московской заставой, на Каменноостровскомъ проспектѣ (Петербургская сторона), на Выборгской, вездѣ, было то же самое; толпа молила пропустить ее къ царю, а въ нее стрѣляли и массами убивали и ранили.

Тѣмъ не менѣе, въ городѣ собрались огромныя толпы. Вся площадь Зимняго дворца, Мойка, Невскій до Конюшенной, Казанская площадь были запружены. Конки не ѣздили, казаки тысячами разъѣзжали и, благодаря этому, всѣ стояли и ходили по тротуарамъ. Всѣ углы Садовой, Литейной, Михайловской были запружены, по тротуарамъ нельзя было двигаться. Отъ времени до времени наѣзжали казачьи сотни на тротуары и разгоняли всѣхъ, но никто не уходилъ, всѣ снова собирались. Чѣмъ ближе къ Адмиралтейству, тѣмъ меньше было интеллигенціи. Почти все — рабочіе. Никакихъ криковъ, все было мирно.

Убѣдившись въ своемъ безсиліи отогнать толпу, которая „ждала своего царя“, начали разстрѣливать народъ. Командовалъ всѣми войсками генералъ и отдавалъ приказанія адъютантамъ. Въ два часа дня начались залпы. Сразу упали всѣ, а когда народъ всталъ, многіе лежали. Первый залпъ убилъ много дѣтей, сидѣвшихъ на деревьяхъ Александровскаго сада!! Эти залпы повторялись нѣсколько разъ. Толпа отвѣчала нѣсколькими револьверными выстрѣлами, камнями, но это мало помогало. Послѣ этого военщина точно обезумѣла. Рота солдатъ шла отъ мѣста къ мѣсту и стрѣляла. На углу Гороховой и Адмиралтейскаго проспекта рабочіе избили генерала и офицера. Немедленно туда пошла рота, взяла на плечо и дала залпъ. Затѣмъ стояла *мирно* толпа на углу Морской и Невскаго, и сейчасъ же рота дала три залпа. Дальше, по Невскому у Полицейскаго моста три залпа по толпѣ стоявшей, по Мойкѣ. Убивали женщинъ, работницъ и дамъ, стариковъ, многихъ студентовъ; убили студентку Цюрихскаго Университета Бердичевскую; стрѣляли въ догонку бѣжавшимъ, стрѣляли безъ предупрежденія, точно на ученіи. Потомъ на Казанской площади, на Апраксиномъ пер., на Сѣнной. Пересказать всѣ ужасы нѣтъ возможности. Толпа пришла въ неистовство, но ничѣмъ не могла отвѣтить. Между Морской и адмиралтействомъ была брошена бомба въ казаковъ, но никого не ранила, казаки удрали. Толпа перебила всѣ окна въ Аничковскомъ дворцѣ и у Сергѣя. Всю ночь на всѣхъ улицахъ стояли лагери. На Пескахъ, на Лиговкѣ, повсюду. На Петербургской сторонѣ начали грабить лавки. На Васильевскомъ Островѣ соціальдемократы, взявшись за руки, пошли съ флагомъ. Когда ихъ разогнали, они мигомъ разбили оружейный магазинъ и построили баррикаду, сорвавъ телеграфные столбы устроили загражденія изъ проволокъ. Казаки не посмѣли напасть, и лишь вечеромъ, когда никого не было, взяли баррикаду.

На утро городъ имѣлъ видъ военнаго лагеря. Была ужасная паника. Всѣ магазины заколачивали свои окна досками. Весь день понедѣльникъ—опять огромныя толпы народа, хотя и меньше, чѣмъ наканунѣ; ихъ снова разгоняли. Начали бить лавки, разбили массу зеркальныхъ оконъ; разгромили водочный магазинъ Шитта. Къ вечеру потухло электричество на Невскомъ, и вездѣ были толпы рабочихъ. Казаки гнали и били, но уже не стрѣляли. Во вторникъ было еще тише, повсюду толпы, кучки, всюду войска. Сегодня гораздо спокойнѣе, но всѣ магазины все еще заколочены. Что касается настроенія рабочихъ, то оно падаетъ. Убитыхъ и раненыхъ масса.

Интеллигенція (писатели, адвокаты и т. д.) устроила безъ разрѣшенія политическій митингъ въ воскресенье же вечеромъ въ Вольно-Экономическомъ Обществѣ. Говорили не очень умно; одинъ даже сказалъ: „я могу протестовать лишь отъѣздомъ заграницу!“ Нѣкоторые даютъ деньги рабочимъ и обѣщаютъ еще кое-что (оружіе, мимеогр.). Наконецъ, депутація интеллигенціи отправилась 8 янв. къ Витте просить, чтобы не было кровопролитія; Витте сказалъ, что ничего не знаетъ. Рыдзевскій принялъ ихъ стоя и повернулся спиной, не говоря ни слова, а вчера почти всю депутацію посадили въ Петропавловскую крѣпость (Гессенъ, Мякотинъ, Анненскій, Пѣшехоновъ, Иванчинъ-Писаревъ и др., кромѣ того, Кедринъ и Шнитниковъ за подписаніе воззванія о сборѣ денегъ для рабочихъ). Всего взято десять человѣкъ. Гессена обвиняютъ въ сношеніяхъ съ Гапономъ... Совѣты Технологическаго, Гражданскаго, Лѣсного и Горнаго сложили полномочія (мотивированно) и объявили институты закрытыми. Редакторы газеты постановили не подчиняться Гл. Управл., но на слѣдующій день Нотовичъ, Суворинъ, Худековъ и Комаровъ отказались. Ждутъ обысковъ и арестовъ массовыхъ.

Что касается Петербургскаго Комитета, то, наконецъ по настоянію Ц. К., образовалась на время стачки коммиссія: три члена отъ нашей группы, три члена отъ Петербургскаго Ком. и два члена отъ Ц. К.; эта коммиссія будетъ вести всѣ дѣла.

Настоящая стачка и движеніе показали еще разъ необходимость работать такъ, чтобы сознательные рабочіе сами дѣятельно работали. Вчерашній и позавчерашній день дали массу агитаціоннаго матеріала; будь больше сознательныхъ и подготовленныхъ къ агитаціонной работѣ пролетаріевъ, многое можно было бы сдѣлать.

Петербургъ. (Изъ письма члена мѣстной группы при Ц. К.).

Какъ подготовлялись событія, вы уже знаете. Многіе находятъ, что все сдѣлано Гапономъ. Это, невѣрно. Во время стачки авторитетъ Гапона поддерживался только тѣмъ, что онъ ежедневно, или скорѣй ежечасно, эволюціонировалъ подъ вліяніемъ агитаціи с.-д. влѣво.

Начавъ съ самыхъ незначительныхъ требованій, онъ закончилъ тѣмъ, что выставилъ чуть не всю программу минимумъ с.-д., вплоть до отдѣленія церкви отъ государства. Болѣе сознательные рабочіе обвиняютъ его въ томъ, что онъ такъ долго указывалъ имъ совсѣмъ другіе пути борьбы, что онъ всегда критически относился къ революціоннымъ партіямъ, и лишь теперь вдругъ объявилъ, что истинные друзья рабочихъ — это только *революціонеры*.

Такъ или иначе, но было дѣло... Описать все это невозможно — столько красоты и величія во всемъ происходившемъ, несмотря на печальный исходъ. Каждый день здѣсь имѣетъ свою индивидуальную физіономію, каждый часъ чувствуешь, что живешь...

Надо перейти къ событіямъ. Началась стачка (я говорю о прошломъ). Одинъ заводъ за другимъ началъ примыкать къ ней. Та внутренняя красота, та величественная мощь, которая заключается въ этомъ фактѣ, понятны только, когда находишься вблизи этого. Какъ ничтожны и мизерны кажутся всѣ либеральныя движенія, всѣ ихъ банкеты и резолюціи передъ лицомъ пролетарской солидарности. Подумайте только, всѣ рабочіе — старики и молодые, мужчины и женщины, развитые соціальдемократы и безграмотные, сѣряки — всѣ бросали работу по первому кличу. Это тѣ рабочіе, которыхъ еще недѣлю тому назадъ казалось такъ трудно поднять...

Черезъ нѣсколько дней послѣ начала стачки Гапонъ началъ организовывать на 9 января депутацію къ царю. Весь городъ заговорилъ объ этомъ. Не смотря на вліяніе с.-д. на весь ходъ событій, помѣшать организаціи депутаціи не удалось. Въ концѣ концовъ с.-д. рѣшили не противиться этому, такъ какъ мы видѣли, что какъ бы дѣло ни кончилось, въ выигрышѣ останется соціальдемократія. Могло ли быть иначе, когда въ петиціи къ царю была выставлена почти вся программа минимумъ с.-д. съ требованіемъ *немедленнаго* ея осуществленія и когда рабочіе рѣшили въ случаѣ, если царь ихъ не приметъ, или начнетъ уговаривать, пока разойтись, (онъ-де потомъ все разсмотритъ — затѣмъ перейти къ агрессивнымъ дѣйствіямъ?...

реакціи. А разъ будетъ дана возможность широкой политической организаціи, то сотни тысячъ рабочихъ, шедшія на смерть за политическую свободу въ интересахъ своей классовой борьбы, составятъ готовые кадры русской соціальдемократіи.

Либо революція уже побѣдила, хотя бы отчасти, принудивъ правительство къ уступкамъ, либо она возобновится и побѣдитъ. Но что бы одержать рѣшительную побѣду, нужно, чтобы революція была *организована*.

Нужно, чтобы возстаніе охватило всю страну и въ одинъ общій моментъ достигло во всей странѣ своего наивысшаго напряженія. Какъ быстро ни передалось движеніе изъ Петербурга, провинція на этотъ разъ все же опоздала. Болѣе чѣмъ милліонная масса готова къ возстанію во всей странѣ — это показываетъ все еще разворачивающаяся передъ нами картина послѣдняго массового движенія — но для единовременности необходима организація.

Мы не можемъ при настоящихъ политическихъ условіяхъ организовать эти сотни тысячъ. Но мы можемъ создать организацію, которая являлась бы связующимъ ферментомъ, а въ моментъ революціи объединила бы *вокругъ себя* эти сотни тысячъ.

Мы должны —*организовать революцію*.

Мы до сихъ поръ организовывали рабочихъ въ интересахъ ихъ классовой борьбы. Теперь у насъ спеціальная задача, разумѣется, не расходящаяся съ первой, а вытекающая изъ нея: организовать революціонные кадры рабочихъ. Должны быть организованы рабочіе кружки съ ясно очерченной задачей: подготовлять массы къ возстанію, собирать ихъ вокругъ себя во время возстанія, поднять возстаніе по данному лозунгу.

Но чтобы совершить эту работу организаціи, русская соціальдемократія должна прежде всего — организовать самое себя, а слѣдовательно покончить со своими внутренними распрями.

Можно и даже полезно спорить о наилучшей формѣ организаціи — но нельзя на этомъ основаніи дезорганизовывать партію. А въ революціонный моментъ, какой переживаетъ Россія, надо выбросить за бортъ и споры, и самихъ спорщиковъ, разъ они не могутъ подчиниться партійной дисциплинѣ.

Политическая роль пролетаріата въ Россіи опредѣлилась. Сумѣетъ ли существующая соціальдемократическая партія руководить пролетаріатомъ въ его исторической борьбѣ, или ему придется *возсоздать* партію по собственной иниціативѣ, зависитъ, къ сожалѣнію, отъ политическаго такта нѣсколькихъ интеллигентовъ.

Парвусъ.

Одно, что могли сдѣлать с.-д. — это предсказать рабочимъ возможный исходъ, что они и сдѣлали.

Настало воскресенье. Само собою у всѣхъ было внутреннее опасеніе: а вдругъ рабочіе испугаются и не пойдутъ... Но они пошли. Еще въ субботу вечеромъ всѣ агитаторы с.-д. ушли по раіонамъ и тамъ ночевали, такъ какъ нужно было пойти въ воскресенье рано утромъ, чтобы поспѣть къ двумъ часамъ ко дворцу, гдѣ всѣ должны были сойтись. Я выше не прибавила, что хотя къ царю рѣшили послать небольшую депутацію, но ко дворцу рѣшили пойти всѣ рабочіе. Въ воскресенье утромъ со всѣхъ пригородныхъ мѣстъ двинулись рабочіе, во главѣ съ с.-д. При переходѣ въ городъ ихъ вездѣ встрѣчали войска. Они имъ преграждали путь и такъ какъ рабочіе не возвращались, то стрѣляли по нимъ. Больше всѣхъ вели себя агрессивно рабочіе Васильевскаго острова. Они разграбили складъ съ холоднымъ оружіемъ, подпиливали телеграфные столбы, строя изъ нихъ баррикады, овладѣли одной типографіей и напечатали маленькое воззваніе... Но и они были сломлены, такъ какъ были безоружны. Нельзя же назвать вооруженіемъ нѣсколько заржавленныхъ шашекъ, которыми имъ удалось овладѣть.

Рабочіе Путиловскаго завода, наиболѣе преданные Гапону въ средѣ которыхъ с. д. пользовались наименьшимъ успѣхомъ, пошли во главѣ съ крестнымъ ходомъ. Когда они встрѣтились съ войсками и послѣдніе начали стрѣлять, раздалась команда среди рабочихъ: „ложись“! Всѣ легли, за исключеніемъ хоругвеносцевъ. Раздалась команда и начали стрѣлять по лежавшимъ. Хоругвеносцы держались, пока всѣ не пали отъ выстрѣловъ. Были разстрѣляны хоругви, кресты, иконы... „Православіе разстрѣляли“, говорила одна старуха.

Хотя рабочихъ изъ окраинъ не пустили въ городъ, но въ самомъ Питерѣ ихъ довольно много. Съ утра они начали собираться на Невскій и ко дворцу. На Дворцовой площади былъ положительно военный лагерь. Все время публика безпрепятственно собиралась на Невскій, только близко ко дворцу не давали подходить. Вдругъ, въ 2 часа, безъ всякаго предупрежденія, раздаются выстрѣлы у Дворцовой площади и валится на землю цѣлая масса убитыхъ. Тоже самое произошло въ нѣсколькихъ мѣстахъ на Невскомъ. Офицеры и солдаты неистовствовали. Въ одномъ мѣстѣ перебита кучка въ нѣсколько человѣкъ, прижавшихся къ стѣнѣ. Одинъ уцѣлѣлъ. Онъ выходитъ впередъ, разстегиваетъ пальто, подставляетъ грудь и говоритъ демонстративно: „Вотъ, стрѣляйте!“ Въ это время раздается выстрѣлъ и онъ падаетъ мертвымъ, пораженный въ грудь. Пристрѣливали падавшихъ. Но не смотря на всѣ ужасы, паники среди публики, а въ особенности среди рабочихъ, не было. Въ одномъ мѣстѣ разстрѣливали, а въ десяти шагахъ отъ него собирался народъ и говорились рѣчи. Когда проѣзжаютъ солдаты, то раздаются крики отовсюду: „Убійцы, палачи, опричники, воронье“! Революціонизирующее значеніе этого событія не имѣетъ предѣловъ. О первомъ днѣ и говорить нечего. Тогда на каждомъ перекресткѣ только и говорилось: „нѣтъ у насъ царя, что это за царь!“ По Невскому, при видѣ войска, простыя женщины кричали: „Отъ японцевъ побѣжали, а на насъ свою храбрость показываете“... и все въ такомъ же родѣ. Проходишь по улицѣ и видишь кучку людей. Въ центрѣ стоитъ чуйка и, размахивая руками, кричитъ: „Какъ царь съ нами, такъ и мы съ царемъ! Онъ хочетъ, чтобъ мы за него умирали въ Манчжуріи... пускай теперь дожидается“... Два человѣка, незнакомыхъ, не могутъ теперь пойти рядомъ, чтобы не заговорить. А рѣчи все какія!... О царѣ всѣ говорятъ со страшной ненавистью, нисколько не стѣсняясь, что передъ ними стоятъ совершенно незнакомые люди.

Въ первый день ночью рабочіе метались, спрашивая, „что же намъ теперь дѣлать“? И, дѣйствительно, было что то ужасное видѣть такую энергичную толпу, и въ тоже время столь безсильную. *Оружіе!* Вотъ чего не доставало массѣ.

Массѣ, конечно, очень трудно учесть результаты своего выступленія. Ей кажется, что все это были безцѣльно, а вслѣдствіе этого большой упадокъ духа. Дѣло с.-д. разъяснить передъ ней смыслъ событій. Во всякомъ случаѣ, стачка послѣ разстрѣловъ продолжалась, даже примкнулъ еще кое кто изъ не бастовавшихъ раньше. Теперь уже начинаютъ браться за работу. Да и нѣтъ смысла бастовать дальше, разъ не предполагаются никакія выступленія сейчасъ. Дума ассигновала 25 тысячъ рублей на стачечниковъ, къ сожалѣнію, слишкомъ поздно. Рабочіе сильно истощены. Послѣ демонстраціи начались сборы въ пользу стачечниковъ въ обществѣ. — Безусловно 9-е января былъ первый революціонный день въ Петербургѣ, всѣ это такъ и понимаютъ. Всѣ гапоновскія общества закрыты, а предсѣдатели ихъ арестованы. Всѣ рабочіе теперь понимаютъ и говорятъ о томъ, на сколько были правы с.-д. Бываютъ, однако, единичныя исключенія, которыя находятъ, что не вмѣшайся революціонеры, они бы больше выиграли.

Полный итогъ событію пока трудно подвести.

Петербургъ. (Изъ письма участника движенія). На Шлиссельбургскомъ тракту часть обуховцевъ прошла рѣкой черезъ Охту. Очевидцы говорили, что стройное, спокойное шествіе рабочихъ представляло величавую картину. Большая часть населенія Шлис. тракта хотѣла прорваться черезъ блокаду, но на это войско отвѣтило имъ залпами. Только небольшая часть дѣйствительно прорвалась („мы три Портъ-Артура прошли“, говорили они потомъ на Невскомъ около Дворцовой площади) остальные же съ проклятіями должны были вернуться, убравъ раненыхъ и убитыхъ. Солдаты на всѣхъ пунктахъ расположились, какъ на бивуакахъ: разложили костеръ, варили пищу, разставляли ружья. Интересное зрѣлище представлялъ собою Василевскій Островъ, тамъ, гдѣ населенія отличается вообще крайностью своего направленія и стойкостью своихъ убѣжденій. На четвертой линіи были устроены баррикады, на которыхъ огромная, горячая, страстная толпа готова была умереть. Ихъ тоже не пускали въ городъ, такъ они у себя на островѣ говорили о своихъ требованіяхъ и пожеланіяхъ. Видя, что количество и настроеніе толпы все растетъ, офицеръ велѣлъ солдатамъ выстроиться въ ряды. Онъ скомандовалъ; толпа тѣснѣе сомкнулась и выступила впередъ. Ружья засверкали въ одномъ стройномъ движеніи; толпа замерла; раздалось: пли! и... и ни одного выстрѣла, во второй и третій разъ командовалъ офицеръ „пли“! и опять не раздалось ни одного выстрѣла. Тогда казаки стали напирать на толпу, но безъ употребленія нагаекъ, ибо они думали, что солдаты будутъ стрѣлять имъ въ спину. Роту эту увели, а на ея мѣсто привели другую. Отказались также стрѣлять офицера Семеновскаго гвардейскаго полка, тѣ самые, которые послѣ казанской бойни 1901 года послали казачьимъ офицерамъ телеграмму: поздравляемъ со славной побѣдой. Этотъ полкъ теперь находится подъ арестомъ). Одинъ студентъ, недавно выпущенный на волю, стоя въ первыхъ рядахъ, высоко поднялъ знамя, въ него раздались выстрѣлы, но мимо, тогда онъ былъ поднятъ на штыки и тутъ же умеръ, затѣмъ, началась пальба, пока врагъ не отступилъ. Очевидцы говорятъ, что никогда не забудутъ той стойкости, съ которой второй рядъ выступалъ на мѣсто павшаго перваго; толпа была доведена до высшей точки гражданскаго мужества, болѣе прекрасной, болѣе ужасной картины нельзя себѣ представить, когда самыя лучшія, благороднѣйшія сердца бились за лучшіе человѣческіе идеалы и были пронзены шальной пулей, пущенной въ нихъ грубой силой.

Хотя до многихъ дошли вѣсти о кровавыхъ столкновеніяхъ съ войскомъ на окраинахъ города, но этому не вѣрили. Толпа группировалась маленькими группами около ораторовъ, подчасъ импровизованныхъ. Тѣснимая сзади какъ нарядомъ казаковъ, [illegible] съ прибывающей публикой толпа все ближе подступала [illegible]ирующимъ дворцовую площадь кирасирамъ. Вдругъ [illegible] звукъ, вслѣдъ за нимъ — залпъ, люди начали падать, [illegible]ченные, затѣмъ другой залпъ, черезъ нѣсколько секундъ еще одинъ, и побѣда была рѣшена. Толпа заволновалась, забушевала, занегодовала, какъ море, послышались крики, стоны, плачъ, проклятія, возгласы; начали носить раненыхъ, убитыхъ; за ними бѣжала гнѣвная, рыдающая, проклинающая толпа, имъ кричали: „вѣчная слава товарищамъ“, но, Боже мой! какая ужасная процессія! Эти окровавленныя лица, руки, ноги. Какой безконечный, смертельный крикъ ужаса вырывался изъ тысячей грудей, когда мимо провозили убитыхъ. Большой процентъ сравнительно съ присутствующими составляютъ убитые студенты, но абсолютно, конечно, рабочіе. Много было ранено дѣвушекъ, нѣсколько убито. Вблизи находился врачебный пунктъ (ихъ было много по всему городу назначено) тамъ же кто-то произнесъ рѣчь. Такія же картины повторились и на полицейскомъ мосту, гдѣ опять было скопленіе народу, убитыхъ на Полицейскомъ мосту товарищей взяли и съ пѣніемъ: „Вы жертвою пали въ борьбѣ роковой“ понесли по всему Невскому. Конные наряды врѣзывались въ печальную процессію, давили людей, но разстроить ее они не могли. Когда крикнула вся находящаяся на Невскомъ публика: „шапки долой“, то даже офицера, даже городовые стали подъ козырекъ.

Вечеромъ опять стрѣляли около Казанскаго собора (на завтра, какъ разсказываютъ, мальчики-газетчики бѣжали и кричали: „свѣжая телеграмма! Наши побѣдили русскихъ! Казанскій соборъ взятъ въ 7 час. 15 мин.) за достовѣрность не ручаюсь. До поздней ночи Невскій и всѣ прилегающія къ нему улицы были запружены народомъ, который то и дѣло нарушалъ общественную тишину и спокойствіе возгласами, пѣніемъ и т. д. Въ Аничковомъ дворцѣ всѣ стекла были выбиты, хотя справедливость требуетъ сказать, что дворники и люди, находящіеся на государственной службѣ усиленно старались провоцировать движеніе и обратить его въ битье стеколъ. Къ нимъ присоединилась кучка хулигановъ, которымъ это занятіе очень понравились. Они держали весь Питеръ въ теченіе трехъ дней въ страхѣ, всѣ главные магазины и дома были заколочены наглухо до среды. Полиція вообще усиленно старалась придать движенію характеръ буйства, безчинства, посягательства на жизнь и имущества обывателей. Гостинный дворъ былъ наглухо три дня закрытъ и открытъ утромъ на пару часовъ. Ненависть къ офицерамъ была до того сильна, что ихъ толпа останавливала на извозчикахъ, кидала въ слѣдъ нелестные эпитеты, срывала эполеты. Вечеромъ въ воскресенье въ публичной библіотекѣ и въ Вольно-Экономическомъ обществѣ состоялись громадные митинги, на которыхъ лучшіе русскіе общественные дѣятели и литераторы выступали съ пламенными рѣчами. „Къ оружію, граждане! взывали они къ аудиторіи, подобно тому, какъ въ воскресенье рабочіе Васильевскаго Острова овладѣли легальной типографіей и отпечатали на ней листки съ возгласомъ: „Къ оружію, товарищи!“ Въ понедѣльникъ Коммиссаржевская и Яворская предоставили свои театры подъ народныя собранія, но къ вечеру всѣ четыре зданія были оцѣплены, и публика туда не пускалась. Библіотека до сихъ поръ закрыта.

Рабочіе подняли тяжело раненую дѣвушку, они бережно понесли ее и говорили ей: „Товарищъ! умрите спокойно, мы за васъ отомстимъ, за каждую каплю вашей крови мы заплатимъ сторицей“.

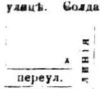
Петербургъ. Записки участника. (Студ. соцдем.) 7-го января.

Трудно теперь писать, — перо нервно дрожитъ въ рукѣ, но я заставляю себя.

Возлѣ фабрики Лаферма я замѣшался въ толпу рабочихъ. Они требовали прекращенія занятій въ канцеляріи фабрики. Кто-то посовѣтовалъ идти на электрическую станцію остановить машину. Двинулись по среднему проспекту. Свернули на 12 линію. По дорогѣ зашли въ какую-то водопроводную мастерскую, убѣдиться — не работаютъ ли? Осмотръ произвели тихо, чинно и, не найдя работающихъ, продолжали свой путь. Возлѣ электрической станціи (Смирновой ?) изъ воротъ вышли солдаты, цѣпью стали поперекъ улицы, заигралъ рожокъ. Рабочіе вполнѣ основательно замѣтили, что съ голыми руками противъ вооруженныхъ не пойдешь, и рѣшили идти на 4 линію, гдѣ въ отдѣленіи „Общества фабрично-заводскихъ рабочихъ“ происходитъ собраніе. Отправились туда. По дорогѣ меня поразило совершенное отсутствіе „блюстителей порядка“, — ихъ благоразумно убрали... На 4 линіи передъ домомъ, гдѣ происходило собраніе (сквозь запотѣвшія оконныя стекла виднѣлись туманныя силуэты и было видно — биткомъ набитъ весь этажъ) вся улица чернѣла рабочимъ людомъ и эта черная туча людскихъ головъ уходила далеко между перспективой двухъ уходящихъ вдаль рядовъ фонарей... Было въ этомъ зрѣлищѣ что-то могучее величественное, вдохновляющее... Возвышался духъ, закипала энергія... Я освѣдомился у дверей, „можно ли мнѣ, какъ студенту, войти?“ Симпатичный бѣлокурый рабочій любезно предложилъ мнѣ подождать пока кончится происходящее сейчасъ собраніе и войти къ началу другого (собранія и совѣщанія шли цѣлый день одно за другимъ безостановочно). Но подъ давленіемъ сзаду по лѣстницѣ я попалъ въ переднюю все же ранѣе конца собранія. Я прислушался. Говорилъ симпатичный сильный голосъ. Такія слова запечатлѣлись въ моей памяти: „Пойдемъ къ зимнему дворцу, вызовемъ государя, скажемъ ему о нашихъ нуждахъ, если же онъ насъ не выслушаетъ, не нужно тогда его намъ.“ Прокатился гулъ дружнаго „ура!“ „Это священникъ, отецъ Георгій говоритъ“ сказалъ кто-то вблизи. Собраніе прекратилось. Стали расходиться. Вышелъ и отецъ Георгій. Я подошелъ къ нему и съ чувствомъ пожалъ его благородную руку. „Пока я не услышалъ того, что вы говорили только что — сказалъ я — мнѣ не вѣрилось, что среди духовенства есть такія люди, какъ вы. Мнѣ вспоминается Филиппъ—митрополитъ. — „Я теперь уже не священникъ, я борецъ за свободу“ было мнѣ отвѣтомъ. „Вамъ должно быть грозятъ всѣми муками земли и ада?“ — „Меня хотятъ выслать, я уже нѣсколько ночей не ночевалъ дома.“ Я поспѣшилъ предложить свои услуги. „Благодарю васъ, у меня есть пріютъ.“ Много мозолистыхъ рукъ потянулось къ нему онъ отвѣтилъ рукопожатіемъ. Ему принесли шубу и помогли одѣться. Какъ я потомъ узналъ рабочіе давали ему квартиры для ночевокъ и охраняли отъ шпіоновъ и полиціи. Въ столовой лежали листы для подписей къ петиціи. Два юркихъ мальчика весело, какъ зазывающіе прикащики, предлагали проходящимъ подписываться. Зала была уже биткомъ набита вновь пришедшими. Мнѣ удалось протиснуться довольно близко къ эстрадѣ. Рабочій — предсѣдатель сказалъ приблизительно слѣдующее: „Теперь настала великая историческая минута. Теперь мы можемъ и мы должны потребовать правъ и свободы“, и прочиталъ петицію. Эту петицію рѣшено лично непосредственно передать государю. Если же онъ не выйдетъ по требованію народа или откажется ее принять, то „не нужно намъ царя, который глухъ къ горю народа, мы себя погубимъ но и его мы убьемъ!“ Клянитесь, что всѣ придете на дворцовую площадь въ воскресенье въ 12 часовъ. Вся многосотенная масса наполнявшая залу подымаетъ руки. Собраніе закрылось. Стали выходить. На лѣстницѣ встрѣтилось два теченія выходящихъ и входящихъ, оба шли гуськомъ и не мѣшали другъ другу. На улицѣ толпились ожидающіе своей очереди и уже побывавшіе на собраніи. Происходилъ оживленный обмѣнъ впечатлѣній. Я и одна барышня (съ которой я еще до собранія познакомился въ толпѣ и которая все время не покидала меня) подошли къ одной группѣ рабочихъ и вмѣшались въ разговоръ. Мало по малу насъ окружила нарядная толпа. Я говорилъ о войнѣ, о стачкѣ, о необходимости правъ и всѣхъ видовъ свободы, о паспортахъ, потребовали и необходимости ихъ уничтоженія, о [illegible] студенческаго движенія съ рабочимъ. „Товарищъ [illegible] общая борьба за общее дѣло, за свободу!“ Меня подхватили на руки и стали качать. Едва я коснулся ногами земли, мои губы, щеки, лобъ стали покрываться поцѣлуями. [illegible] была самая высшая награда, какую только можно себѣ представить. „Это васъ [illegible]ками-то“ причитывала подлѣ меня какая-то старуха работница. Къ намъ приблизился какой-то благочестивый старецъ съ окладистой бородой. „Какіе вы ужасы говорите, молодой человѣкъ, Я русскій...“ (Я тоже русскій, крикнулъ я“). Онъ снялъ шапку и перекрестился „Молиться нужно“. Я тутъ же, обратившись къ толпѣ, сказалъ: „Передъ вами гнилой трухлявый обломокъ прошлыхъ временъ. Онъ хочетъ, какъ попы, наобѣщать вамъ пряниковъ медовыхъ, если будете молиться. А я васъ спрашиваю помогъ бы вамъ Святитель Николай, если бы вы слезно молили его: „пошли, чудотворче, 8-ми часовый рабочій день“ Хохотъ и крики заглушаютъ мои слова, меня опять подымаютъ на руки. Старикъ ретировался. Рабочіе предложили, проводить меня т. к. говорили они, за мной непремѣнно пойдетъ шпикъ. Они любезно провели меня черезъ систему проходныхъ дворовъ (что было очень важно при моемъ слабомъ знаніи Питера) и, когда убѣдились, что никого за нами нѣтъ, распрощались со мной.

На другой день 8-го января утромъ, когда я вышелъ изъ дому, на углахъ висѣли объявленія градоначальника, воспрещающія всякія сборища и скопища. Часамъ къ одиннадцати на В. О. ихъ уже не было — сорвали. Въ „Собраніи рабочихъ“ и около него толпился рабочій людъ. Внутри происходило засѣданіе. Я слышалъ, какъ одинъ рабочій рекомендовалъ своимъ товарищамъ не срывать объявленій градоначальника, говоря, что это было бы „неделикатно“, убѣждалъ всѣхъ держаться твердо, вести себя мирно, тихо, но неуклонно идти („иттить“ онъ выражался) къ намѣченной цѣли. Потомъ опять читали петиціи на имя царя, и тотъ же ораторъ комментировалъ почти каждый пунктъ. Между прочимъ мнѣ понравилось то, что въ подтвержденіе пункта объ отдѣленіи церкви отъ государства онъ приводилъ евангельскія слова: „воздадите кесарево — кесареви, а божіе — богу“...

9 января. Ночевалъ я на Петербургской сторонѣ. Въ Геслеровскомъ переулкѣ, гдѣ находится отдѣленіе „Собранія фабрично-заводскихъ рабочихъ“ стояли массы народа. Тутъ же ѣздило нѣсколько солдатъ-улановъ. Они, видимо, мирно были настроены. Рабочіе говорили съ ними и закуривали папиросы съ одной спички. Съ Геслеровскаго я направился на четвертую линію В. О. Передъ собраніемъ стояла толпа. Собирались идти къ дворцу, но тутъ же говорили, что это совершенно невозможно, такъ какъ войска загораживаютъ путь. Одну женщину, которая хотѣла пройти, казакъ зарубилъ шашкой, а одного рабочаго ранили. Толпа стояла въ нерѣшительности. Одинъ товарищъ сказалъ рѣчь. Сущность та, что соц.-дем. и соц.-рев. тоже наши товарищи и нельзя ихъ считать какими-то врагами, какъ это дѣлаютъ нѣкоторые „сѣрые“. Изъ окна собранія высунулся кто то и громко крикнулъ: „отецъ Гапонъ раненъ и кажется арестованъ“. „Долой царя!“ Вся улица отвѣтила дружнымъ „ура“! Долой, долой! Изъ того же окна посыпались прокламаціи „СПБ. Комитета партіи соц.-рев“. Ихъ быстро расхватали. Но, ознакомившись, многіе говорили: „да все уже это извѣстно“. Полетѣли и соціальдемократическія, напечатанныя на папиросной бумагѣ. Нѣсколько экземпляровъ, какъ пухъ поднялись кверху — понеслись подъ крышами домовъ. Имъ кричали въ догонку: „Летите въ зимній дворецъ къ царю“. Я предложилъ захватить типографію и печатать въ ней бюллетени о ходѣ освободительной борьбы. Еще одинъ ораторъ началъ рѣчь такими словами: „Въ то время, какъ мы тутъ стоимъ и разговариваемъ, тамъ на Дворцовой площади быть можетъ уже льется кровь нашихъ братьевъ... Онъ кажется приглашалъ идти на проломъ, но толпу удержали рѣчи другихъ. Возбужденная, готовая идти куда угодно, толпа стояла. Но вотъ привезли на извозчикѣ окровавленнаго мальчика и разсказали о массовыхъ разстрѣлахъ около дворца. Я взобрался на сидѣнье извозчичьихъ саней и сказалъ приблизительно такъ: „Теперь ко дворцу намъ нечего ходить; вы убѣдились, что царь хочетъ сосать только народную кровь, а выслушать народъ о нуждахъ — онъ не желаетъ. Въ безоружныхъ людей онъ велѣлъ стрѣлять. Съ голыми руками мы ничего не добьемся. Намъ нужно оружіе! За оружіе, товарищи!!“ „За оружіе“! подхватила толпа. Всѣ двинулись. Своротили на Малый проспектъ. По дорогѣ обезоруживали городовыхъ. Нѣсколько человѣкъ хотѣло остановить конку, но ихъ уговаривали оставить. По дорогѣ прикащики поспѣшно старались запирать лавки. „Не безпокойтесь, не безпокойтесь, говорили имъ, лавокъ трогать не будемъ“. Пошли по 14 линіи, растянулись почти на цѣлый кварталъ, передніе не шли, а бѣжали. Я, помню, кричалъ отстававшимъ: „товарищи, скорѣе бѣгомъ вы губите рабочее дѣло!“ Наконецъ, сворачиваемъ въ переулокъ, „вотъ мастерская!“ воскликнулъ рабочій-проводникъ; „дворникъ, открывай!“ Дворникъ что-то бормочетъ, дрожащими руками еле вставляетъ ключъ въ замочную скважину и открываетъ желѣзную калитку. Другой дворникъ на вопросъ: гдѣ мастерская, не можетъ произнесть ни слова, онъ только указываетъ рукой на подвальный этажъ. Основательная дверь мастерской не поддается нѣсколькимъ дружнымъ натискамъ; дворникъ побѣжалъ за ключами на второй этажъ, я послѣдовалъ за нимъ; онъ ткнулся въ дверь, ему не открыли. Окна мастерской находятся на уровнѣ земли. Не осиливъ дверь, принялись за окно; выбили ногами и локтями стекла, переплетъ вышибли, кажется, оглоблей, ее примѣнили, какъ таранъ. Сабли, шашки, старинные ятаганы, клинки безъ ручекъ — хватали цѣлыми снопами и выкидывали на улицу черезъ окна. Брали ключи для отвинчиванія гаекъ, напильники и просто подходящіе, увѣсистые куски желѣза. Когда мастерская уже была очищена, съ улицы крикнули: „солдаты“! Однимъ прыжкомъ я очутился на улицѣ. Солдаты выстроились на 14 линіи при началѣ переулка (AB), на которомъ находится мастерская, и кажется готовились стрѣлять или наступать. Потомъ я слыхалъ, что офицеръ, увидя оружіе въ рукахъ народа, растерялся и не рѣшился сразу броситься на мастерскую. Мы, экспропріаторы, успѣли улизнуть за уголъ (C). Тутъ лежалъ ворохъ оружія, и всякій, кому нужно было, вооружался. Мнѣ достался старинный ятаганъ, я храню его, какъ святыню. Насъ не преслѣдовали. Я порекомендовалъ товарищамъ спрятать оружіе подъ пальто и разсыпаться среди прохожихъ, и идти обратно на четвертую линію. Мы по дорогѣ занялись офицерами. Еще до экспропріаціи, кромѣ городовыхъ, обезоружили юнкера, и отняли штыкъ у солдата. Первый попавшій подъ руку офицеръ никакъ не могъ понять (онъ былъ блѣденъ и несвязно бормоталъ), почему у него берутъ шашку, онъ-де никогда не стрѣлялъ въ народъ. Ему отвѣтили, что насъ безоружныхъ бьютъ, и намъ нужно оружіе для самозащиты.



Другой ѣхалъ на извозчикѣ съ барышней. Извозчика остановили. Именемъ народа потребовали оружіе; офицеръ самъ отцѣпилъ портупею. Я пожалъ ему руку и сказалъ на ухо: „вы купите себѣ другую, а намъ негдѣ достать“. Третій — казацкій полковникъ въ папахѣ величиною съ цѣлаго барана и въ казацкой буркѣ. Онъ хотѣлъ было защищаться, но ему къ груди приставили шашку; сняли кинжалъ въ серебрянной оправѣ, шашку, потомъ помогли одѣть бурку. У меня въ памяти отъ этого полковника остались только рыжеватые длинные усы a la запорожскіе, которые торчали изъ подъ надвинутой на глаза папахи. Попались намъ на пути еще два офицера. Они стояли у воротъ; увидя приближающуюся толпу и сообразивъ въ чемъ дѣло, они опрометью (какъ и подобаетъ храбрымъ воинамъ!) бросились во дворъ и спрятались въ какой-то квартирѣ. Ихъ не преслѣдовали. На среднемъ проспектѣ поймали юнкера, но при немъ почему-то не нашли оружія. Съ поднятыми надъ головами шашками экспропріаторы врѣзались въ толпу на углу средняго проспекта и четвертой линіи. Насъ встрѣтило дружное „ура!“ Въ это время уже началась постройка баррикады и проволочныхъ загражденій, которыми предполагалось заградить улицу передъ „Собраніемъ фабричныхъ рабочихъ“ отъ внезапнаго нападенія казаковъ со сто-

Одно, что могли сдѣлать с.-д. — это предсказать рабочимъ возможный исходъ, что они и сдѣлали.

Настало воскресенье. Само собою у всѣхъ было внутреннее опасеніе: а вдругъ рабочіе испугаются и не пойдутъ... Но они пошли. Еще въ субботу вечеромъ всѣ агитаторы с.-д. пошли по раіонамъ и тамъ ночевали, такъ какъ нужно было выйти въ воскресенье рано утромъ, чтобы поспѣть къ двумъ часамъ ко дворцу, гдѣ всѣ должны были сойтись. Я выше не прибавила, что хотя къ царю рѣшили послать небольшую депутацію, но ко дворцу рѣшили пойти всѣ рабочіе. Въ воскресенье утромъ со всѣхъ пригородныхъ мѣстъ двинулись рабочіе, во главѣ съ с.-д. При переходѣ въ городъ ихъ вездѣ встрѣчали войска. Они имъ преграждали путь и такъ какъ рабочіе не возвращались, то стрѣляли по нимъ. Больше всѣхъ вели себя агрессивно рабочіе Васильевскаго острова. Они разграбили складъ съ холоднымъ оружіемъ, подпиливали телеграфные столбы, строя изъ нихъ баррикады, овладѣли одной типографіей и напечатали маленькое воззваніе.. Но и они были сломлены, такъ какъ были безоружны. Нельзя же назвать вооруженіемъ нѣсколько заржавленныхъ шашекъ, которыми имъ удалось овладѣть.

Рабочіе Путиловскаго завода, наиболѣе преданные Гапону и среди которыхъ с.-д. пользовались наименьшимъ успѣхомъ, пошли во главѣ съ крестнымъ ходомъ. Когда они встрѣтились съ войсками и послѣдніе начали стрѣлять, раздалась команда среди рабочихъ: „ложись“! Всѣ легли, за исключеніемъ хоругвеносцевъ. Раздалась команда и начали стрѣлять по лежавшимъ. Хоругвеносцы держались, пока всѣ не пали отъ выстрѣловъ. Были разстрѣляны хоругви, кресты, иконы... „Православіе разстрѣляли“, говорила одна старуха.

Хотя рабочихъ изъ окраинъ не пустили въ городъ, но въ самомъ Питерѣ ихъ довольно много. Съ утра они начали собираться на Невскій и ко дворцу. На Дворцовой площади былъ положительно военный лагерь. Все время публика безпрепятственно собиралась на Невскій, только близко ко дворцу не давали подходить. Вдругъ, въ 2 часа, безъ всякаго предупрежденія, раздаются выстрѣлы у Дворцовой площади и валится на землю цѣлая масса убитыхъ. Тоже самое произошло въ нѣсколькихъ мѣстахъ на Невскомъ. Офицеры и солдаты неистовствовали. Въ одномъ мѣстѣ перебита кучка въ нѣсколько человѣкъ, прижавшихся къ стѣнѣ. Одинъ уцѣлѣлъ. Онъ выходитъ впередъ, разстегиваетъ пальто, подставляетъ грудь и говоритъ демонстративно: „Вотъ, стрѣляйте!“ Въ это время раздается выстрѣлъ и онъ падаетъ мертвымъ, пораженный въ грудь. Пристрѣливали падавшихъ. Но не смотря на всѣ ужасы, паники среди публики, а въ особенности среди рабочихъ, не было. Въ одномъ мѣстѣ разстрѣливали, а въ десяти шагахъ отъ него собирался народъ и говорились рѣчи. Когда проѣзжаютъ солдаты, то раздаются крики отовсюду: „Убійцы, палачи, опричники, воронье“! Революціонизирующее значеніе этого событія не имѣетъ предѣловъ. О первомъ днѣ и говорить нечего. Тогда на каждомъ перекресткѣ только и говорилось: „нѣтъ у насъ царя, что это за царь!“ По Невскому, при видѣ войска, простыя женщины кричали: „Отъ японцевъ побѣжали, а на насъ свою храбрость показываете“... и все въ такомъ же родѣ. Проходишь по улицѣ и видишь кучку людей. Въ центрѣ стоитъ чуйка и, размахивая руками, кричитъ: „Како царь съ нами, такъ и мы съ царемъ! Онъ хочетъ, чтобъ мы за него умирали въ Манчжуріи... пускай теперь дожидается“. Два человѣка, незнакомыхъ, не могутъ теперь пойти рядомъ, чтобы не заговорить. А рѣчи все какія!... О царѣ всѣ говорятъ со страшной ненавистью, нисколько не стѣсняясь, что передъ ними стоятъ совершенно незнакомые люди.

Въ первый день ночью рабочіе метались, спрашивая, „что же намъ теперь дѣлать“? И, дѣйствительно, было что-то ужасное видѣть такую энергичную толпу, и въ тоже время столь безсильную. *Оружіе!* Вотъ чего не доставало массѣ.

Массѣ, конечно, очень трудно учесть результаты своего выступленія. Ей кажется, что все это были безцѣльно, а вслѣдствіе этого большой упадокъ духа. Дѣло с.-д. разъяснить передъ ней смыслъ событій. Во всякомъ случаѣ, стачка послѣ разстрѣловъ продолжалась, даже примкнулъ еще кое-кто изъ не бастовавшихъ раньше. Теперь уже начинаютъ браться за работу. Да и нѣтъ смысла бастовать дальше, разъ не предполагаются никакія выступленія сейчасъ. Дума ассигновала 25 тысячъ рублей на стачечниковъ, къ сожалѣнію, слишкомъ поздно. Рабочіе сильно истощены. Послѣ демонстраціи начались сборы въ пользу стачечниковъ въ обществѣ. — Безусловно 9-е января былъ первый революціонный день въ Петербургѣ, всѣ это такъ и понимаютъ. Всѣ гапоновскія общества закрыты, а предсѣдатели ихъ арестованы. Всѣ рабочіе теперь понимаютъ и говорятъ о томъ, на сколько были правы с.-д. Бываютъ, однако, единичныя исключенія, которыя находятъ, что не вмѣшайся революціонеры, они бы больше выиграли.

Полный итогъ событію пока трудно подвести.

Петербургъ. (Изъ письма участника движенія). На Шлиссельбургскомъ тракту часть обуховцевъ прошла рѣкой черезъ Охту. Очевидцы говорили, что стройное, спокойное шествіе рабочихъ представляло величавую картину. Большая часть населенія Шлис. тракта хотѣла прорваться черезъ блокаду, но на это войско отвѣтило имъ залпами. Только небольшая часть дѣйствительно прорвалась („мы три Портъ-Артура прошли“, говорили они потомъ на Невскомъ около Дворцовой площади), остальные же съ проклятіями должны были вернуться, убравъ раненыхъ и убитыхъ. Солдаты на всѣхъ пунктахъ расположились, какъ на бивуакахъ: разложили костеръ, варили пищу, разставили ружья. Интересное зрѣлище представлялъ собою Васильевскій Островъ, тамъ, гдѣ населеніе отличается вообще крайностью своего направленія и стойкостью своихъ убѣжденій. На четвертой линіи были устроены баррикады, за которыхъ огромная, горячая, страстная толпа готова была умереть. Ихъ тоже не пускали въ городъ, такъ они у себя на островѣ говорили о своихъ требованіяхъ и пожеланіяхъ. Видя, что количество и настроеніе толпы все растетъ, офицеръ велѣлъ солдатамъ выстроиться въ ряды. Онъ скомандовалъ, толпа тѣснѣе сомкнулась и выступила впередъ. Ружья засверкали въ одномъ стройномъ движеніи, толпа замерла, раздалось пли! и... и ни одного выстрѣла, во второй и третій разъ командовалъ офицеръ „пли“ и опять не раздалось ни одного выстрѣла. Тогда казаки стали напирать на толпу, но безъ употребленія нагаекъ, ибо они думали, что солдаты будутъ стрѣлять имъ въ спину. Роту эту увели и на ея мѣсто привели другую. Отказались также стрѣлять офицера Семеновскаго гвардейскаго полка, тѣ самые, которые послѣ казанской бойни 1901 года послали казачьимъ офицерамъ телеграмму: поздравляемъ со славной побѣдой. Этотъ полкъ теперь находится подъ арестомъ. Одинъ студентъ, недавно выпущенный на волю, стоя въ первыхъ рядахъ, высоко поднялъ знамя, въ него раздались выстрѣлы, но мимо, толпа [illegible] онъ былъ поднятъ на штыки и тутъ же умеръ, затѣмъ началась пальба, пока врагъ не отступилъ. Очевидцы говорятъ, что никогда не забудутъ той стойкости, съ которой второй рядъ выступалъ на мѣсто павшаго перваго, толпа была доведена до высшей точки гражданскаго мужества, болѣе прекрасной, болѣе ужасной картины нельзя себѣ представить, когда самыя лучшія, благороднѣйшія сердца бились за лучшіе человѣческіе идеалы и были пронзены шальной пулей, пущенной въ нихъ грубой силой.

Хотя до многихъ дошли вѣсти о кровавыхъ столкновеніяхъ съ войскомъ на окраинахъ города, но этому не вѣрили. Толпа группировалась маленькими группами около ораторовъ, по [illegible] [illegible]визованныхъ. Тѣснимая сзади какъ нарядомъ казаковъ, такъ и прибывающей публикой толпа все ближе подступала къ [illegible]ирующимъ дворцовую площадь кирасирамъ. Вдругъ [illegible] звукъ, вслѣдъ за нимъ — залпъ, люди начали падать, [illegible] ченные, затѣмъ другой залпъ, черезъ нѣсколько секундъ еще одинъ, и побѣда была рѣшена. Толпа заволновалась, забушевала, занегодовала, какъ море, послышались крики, стоны, плачъ, проклятія, возгласы; начали носить раненыхъ, убитыхъ; за ними бѣжала гнѣвная, рыдающая, проклинающая толпа, имъ кричали: „вѣчная слава товарищамъ“, но, Боже мой! какая ужасная процессія! Эти окровавленныя лица, руки, ноги. Какой безконечный, смертельный крикъ ужаса вырывался изъ тысячей грудей, когда мимо проносили убитыхъ. Большой процентъ сравнительно съ присутствующими составляютъ убитые студенты, но абсолютно, конечно, рабочіе. Много было ранено дѣвушекъ, нѣсколько убито. Вблизи находился врачебный пунктъ (ихъ было много по всему городу назначено) тамъ же кто-то произнесъ рѣчь. Такія же картины повторились и на полицейскомъ мосту, гдѣ опять было скопленіе народу, убитыхъ на Полицейскомъ мосту товарищей взяли и съ пѣніемъ: „Вы жертвою пали въ борьбѣ роковой“ понесли по всему Невскому. Конные наряды врѣзывались въ печальную процессію, давили людей, но разстроить ее они не могли. Когда крикнула вся находящаяся на Невскомъ публика: „шапки долой“, то даже офицера, даже городовые стали подъ козырекъ.

Вечеромъ опять стрѣляли около Казанскаго собора на завтра, какъ разсказываютъ, мальчики-газетчики бѣжали и кричали „свѣжая телеграмма! Наши побѣдили русскихъ! Казанскій соборъ взятъ въ 7 час. 15 мин.) за достовѣрность не ручаюсь. До поздней ночи Невскій и всѣ прилегающія къ нему улицы были запружены народомъ, который то и дѣло нарушалъ общественную тишину и спокойствіе возгласами, пѣніемъ и т. д. Въ Аничковомъ дворцѣ всѣ стекла были выбиты, хотя справедливость требуетъ сказать, что дворники и люди, находящіеся на государственной службѣ усиленно старались провоцировать движеніе и обратить его въ битье стеколъ. Къ нимъ присоединилась кучка хулигановъ, которымъ это занятіе очень понравилось. Они держали весь Питеръ въ теченіе трехъ дней въ страхѣ, всѣ главные магазины и дома были заколочены наглухо до среды. Полиція вообще усиленно старалась придать движенію характеръ буйства, безчинства, посягательства на жизнь и имущества обывателей. Гостинный дворъ былъ наглухо три дня закрытъ и открытъ утромъ на пару часовъ. Ненависть къ офицерамъ была до того сильна, что ихъ толпа останавливала на извозчикахъ, кидала въ слѣдъ нелестные эпитеты, срывала эполеты. Вечеромъ въ воскресенье въ публичной библіотекѣ и въ Вольно-Экономическомъ обществѣ состоялись громадные митинги, на которыхъ лучшіе русскіе общественные дѣятели и литераторы выступали съ пламенными рѣчами. „Къ оружію, граждане! взывали они къ аудиторіи, подобно тому, какъ въ воскресенье рабочіе Васильевскаго Острова овладѣли легальной типографіей и отпечатали на ней листки съ возгласомъ: „Къ оружію, товарищи!“ Въ понедѣльникъ Коммисаржевская и Яворская предоставили свои театры подъ народныя собранія, но къ вечеру всѣ четыре зданія были оцѣплены, и публика туда не пускалась. Библіотека до сихъ поръ закрыта.

Рабочіе подняли тяжело раненную дѣвушку, они бережно понесли ее и говорили ей: „Товарищъ! умрите спокойно, мы за васъ отомстимъ, за каждую каплю вашей крови мы заплатимъ сторицей“.

Петербургъ. Записки участника. (Студ. соціалдем. [illegible]-го января.

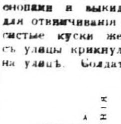
Трудно теперь писать... перо нервно дрожитъ въ рукѣ, но я заставляю себя.

Возлѣ фабрики Лаферма я замѣшался въ толпу рабочихъ. Они требовали прекращенія занятій въ канцеляріи фабрики. Кто-то посовѣтовалъ идти на электрическую станцію остановить машины. Двинулись по среднему проспекту. Свернули на 12 линію. По дорогѣ зашли въ какую-то водопроводную мастерскую, убѣдиться — не работаютъ ли? Осмотръ произвели тихо, чинно и, не найдя работающихъ, продолжали свой путь. Возлѣ электрической станціи (Смирновой?) изъ воротъ вышли солдаты, цѣпью стали поперекъ улицы, заигралъ рожокъ. Рабочіе вполнѣ основательно замѣтили, что съ голыми руками противъ вооруженныхъ не пойдешь, и рѣшили идти на 4 линію, гдѣ въ отдѣленіи „Общества фабрично-заводскихъ рабочихъ“ происходитъ собраніе. Отправились туда. По дорогѣ меня поразило совершенное отсутствіе „блюстителей порядка“, — ихъ благоразумно убрали. На 4 линіи передъ домомъ, гдѣ происходило собраніе (сквозь запотѣвшія оконныя стекла виднѣлись туманныя силуэты и было видно, что биткомъ набитъ весь этажъ) вся улица чернѣла рабочимъ людомъ и эта черная туча людскихъ головъ уходила далеко между перспективой двухъ уходящихъ вдаль рядовъ фонарей... Было въ этомъ зрѣлищѣ что-то могучее величественное, вдохновляющее... Возвышался духъ, закипала энергія... Я освѣдомился у дверей, „можно ли мнѣ, какъ студенту, войти?“ Симпатичный бѣлокурый рабочій любезно предложилъ мнѣ подождать пока кончится происходящее сейчасъ собраніе и войти къ началу другого (собранія и совѣщанія шли цѣлый день одно за другимъ безостановочно). Но подъ давленіемъ снизу по лѣстницѣ я попалъ въ переднюю все же раньше конца собранія. Я прислушался. Говорилъ симпатичный сильный голосъ. Такія слова запечатлѣлись въ моей памяти: „Пойдемъ къ зимнему дворцу, вызовемъ государя, скажемъ ему о нашихъ нуждахъ, если же онъ насъ не выслушаетъ, не нужно тогда его намъ.“ Прокатился гулъ дружнаго „ура“! „Это священникъ, отецъ Георгій говоритъ“ сказалъ кто-то вблизи. Собраніе прекратилось. Стали расходиться. Вышелъ и отецъ Георгій. Я подошелъ къ нему и съ чувствомъ пожалъ его благородную руку. „Пока я не услышалъ того, что вы говорили только что — сказалъ я — мнѣ не вѣрилось, что среди духовенства есть такія люди, какъ вы. Мнѣ вспоминается Филиппъ—митрополитъ.“ „Я теперь уже не священникъ, я борецъ за свободу“ было мнѣ отвѣтомъ. „Вамъ должно быть грозятъ всѣми муками земли и ада?“ — „Меня хотятъ выслать, я уже нѣсколько ночей не ночевалъ дома.“ Я поспѣшилъ предложить свои услуги. „Благодарю васъ, у меня есть пріютъ.“ Много мозолистыхъ рукъ потянулось къ нему, онъ отвѣтилъ рукопожатіемъ. Ему принесли шубу и помогли одѣться. Какъ я потомъ узналъ рабочіе давали ему квартиры для ночевокъ и охраняли отъ шпіоновъ и полиціи. Въ столовой лежали листы для подписей къ петиціи. Два юркихъ мальчика весело, какъ зазывающіе приказчики, предлагали проходящимъ подписываться. Зала была уже биткомъ набита вновь пришедшими. Мнѣ удалось протиснуться довольно близко къ эстрадѣ. Рабочій предсѣдатель сказалъ приблизительно слѣдующее: „Теперь настала великая историческая минута. Теперь мы можемъ и мы должны потребовать правъ и свободы“ и прочиталъ петицію. Эту петицію рѣшено лично непосредственно передать государю. Если же онъ не выйдетъ по требованію народа или откажется ее принять, то „не нужно намъ царя, который глухъ къ горю народа, мы себя погубимъ, но и его мы убьемъ!“ Клянитесь, что всѣ придете на дворцовую площадь въ воскресенье въ 12 часовъ. Вся многотысячная масса наполнившая залу подымаетъ руки. Собраніе закрылось. Стали выходить. На лѣстницѣ встрѣтилось два теченія выходящихъ и входящихъ, оба шли гуськомъ и не мѣшали другъ другу. На улицѣ толпились ожидающіе своей очереди и уже побывавшіе на собраніи. Происходилъ оживленный обмѣнъ впечатлѣній. Я и одна барышня (съ которой я еще до собранія познакомился въ толпѣ и которая все время не покидала меня) подошли къ одной группѣ рабочихъ и вмѣшались въ разговоръ. Мало по малу насъ окружила народная толпа. Я говорилъ о войнѣ, о стачкѣ, о необходимости правъ и всѣхъ видовъ свободы, [illegible] требовали и необходимости ихъ уничто[illegible] движенія съ рабочимъ [illegible] дѣло за свободу [illegible] Едва я кончилъ [illegible] покрываться [illegible] была [illegible] высшая награда, [illegible] только можно себѣ представить. [illegible] ками-то“ причитывала подлѣ меня какая-то [illegible] да.

Къ намъ приближался какой-то благочестивый старецъ съ окладистой бородой. „Какіе вы ужасы говорите, молодой человѣкъ, Я русскій...“ (Я тоже русскій, крикнулъ я“). Онъ снялъ шапку и перекрестился „Молиться нужно“. Я тутъ же, обратившись къ толпѣ, сказалъ: „Передъ вами гнилой трухлявый обломокъ прошлыхъ временъ. Онъ хочетъ, какъ попы, наобѣщать вамъ пряниковъ медовыхъ, если будете молиться. А я васъ спрашиваю помогъ бы вамъ Святитель Николай, если бы вы слезно молили его: „пошли, чудотворче, 8-ми часовый рабочій день“ Хохотъ и крики заглушаютъ мои слова, меня опять подымаютъ на руки. Старикъ ретировался. Рабочіе предложили проводить меня т. к. говорили они, за мной непремѣнно пойдетъ шпикъ. Они любезно провели меня черезъ систему проходныхъ дворовъ (что было очень важно при моемъ слабомъ знаніи Питера) и, когда убѣдились, что никого за нами нѣтъ, распрощались со мной.

На другой день [illegible] января утромъ, когда я вышелъ изъ дому, на углахъ висѣли объявленія градоначальника, воспрещающія всякія сборища и скопища. Часамъ къ одиннадцати на В. О. ихъ уже не было — сорвали. Въ „Собраніи рабочихъ“ и около него толпился рабочій людъ. Внутри происходило засѣданіе. Я слышалъ, какъ одинъ рабочій рекомендовалъ своимъ товарищамъ не срывать объявленій градоначальника, говоря, что это было бы „неделикатно“, убѣждалъ всѣхъ держаться твердо, вести себя мирно, тихо, но неуклонно идти („иттить“ онъ выражался) къ намѣченной цѣли. Потомъ опять читали петицію на имя царя, и тотъ же ораторъ комментировалъ почти каждый пунктъ. Между прочимъ мнѣ понравилось то, что въ подтвержденіе пункта объ отдѣленіи церкви отъ государства онъ приводилъ евангельскія слова: „воздадите кесарево — кесареви, а божіе — богу“...

9 января. Ночевалъ я на Петербургской сторонѣ. Въ Геслеровскомъ переулкѣ, гдѣ находится отдѣленіе „Собранія фабрично-заводскихъ рабочихъ“ стояли массы народа. Тутъ же ѣздило нѣсколько солдатъ-улановъ. Они, видимо, мирно были настроены. Рабочіе говорили съ ними и закуривали папиросы съ одной спички. Съ Геслеровскаго я направился на четвертую линію В. О. Передъ собраніемъ стояла толпа. Собирались идти къ дворцу, но тутъ же говорили, что это совершенно невозможно, такъ какъ войска загораживаютъ путь. Одну женщину, которая хотѣла пройти, казакъ зарубилъ шашкой, а одного рабочаго ранили. Толпа стояла въ нерѣшительности. Одинъ товарищъ сказалъ рѣчь. Сущность та, что соц.-дем. и соц.-рев. тоже наши товарищи и нельзя ихъ считать какими-то врагами, какъ это дѣлаютъ нѣкоторые „сѣрые“. Изъ окна собранія высунулся кто-то и громко крикнулъ: „отецъ Гапонъ раненъ и кажется арестованъ“ „Долой царя!“ Вся улица отвѣтила дружнымъ „ура“! Долой, долой! Изъ того же окна посыпались прокламаціи „СПБ. Комитета партіи соц.-рев“. Ихъ быстро расхватали. Но, ознакомившись, многіе говорили: „да все уже это извѣстно“. Полетѣли и соціальдемократическія, напечатанныя на папиросной бумагѣ. Нѣсколько экземпляровъ, какъ пухъ поднялись кверху — понеслись подъ крышами домовъ. Имъ кричали въ догонку: „Летите въ зимній дворецъ къ царю“. Я предложилъ захватить типографію и печатать въ ней бюллетени о ходѣ освободительной борьбы. Еще одинъ ораторъ началъ рѣчь такими словами: „Въ то время, какъ мы тутъ стоимъ и разговариваемъ, тамъ на Дворцовой площади быть можетъ уже льется кровь нашихъ братьевъ...“ Онъ кажется приглашалъ идти на проломъ, но толпу удержали рѣчи другихъ. Возбужденная, готовая идти куда угодно, толпа стояла. Но вотъ привезли на извозчикѣ окровавленнаго мальчика и разсказали о массовыхъ разстрѣлахъ около дворца. Я взобрался на сидѣнье извозчичьихъ саней и сказалъ приблизительно такъ: „Теперь ко дворцу намъ нечего ходить; вы убѣдились, что царь хочетъ сосать только народную кровь, а выслушать народъ о нуждахъ — онъ не желаетъ. Въ безоружныхъ людей онъ велѣлъ стрѣлять. Съ голыми руками мы ничего не добьемся. Намъ нужно оружіе! За оружіе, товарищи!!“ „За оружіе“! подхватила толпа. Всѣ двинулись. Своротили на Малый проспектъ. По дорогѣ обезоруживали городовыхъ. Нѣсколько человѣкъ хотѣло остановить конку, но ихъ уговаривали оставить. По дорогѣ приказчики поспѣшно старались запирать лавки. „Не безпокойтесь, не безпокойтесь, говорили имъ, лавокъ трогать не будемъ“. Пошли по 14 линіи, растянулись почти на цѣлый кварталъ, передніе не шли, а бѣжали. Я, помню, кричалъ отстававшимъ: „товарищи, скорѣе бѣгомъ вы губите рабочее дѣло!“ Наконецъ, сворачиваемъ въ переулокъ, „вотъ мастерская!“ воскликнулъ рабочій-проводникъ; „дворникъ, открывай!“ Дворникъ что-то бормочетъ, дрожащими руками еле вставляетъ ключъ въ замочную скважину и открываетъ желѣзную калитку. Другой дворникъ на вопросъ: гдѣ мастерская, не можетъ произнесть ни слова, онъ только указываетъ рукой на подвальный этажъ. Основательная дверь мастерской не поддается нѣсколькимъ дружнымъ натискамъ; дворникъ побѣжалъ за ключами на второй этажъ, я послѣдовалъ за нимъ; онъ ткнулся въ дверь, ему не открыли. Окна мастерской находятся на уровнѣ земли. Не осиливъ дверь, принялись за окно: выбили ногами и локтями стекла, переплетъ вышибли, кажется, оглоблей, ее примѣнили, какъ таранъ. Сабли, шашки, старинные ятаганы, клинки безъ ручекъ — хватали цѣлыми снопами и выкидывали на улицу черезъ окна. Брали ключи для отвинчиванія саекъ, напильники и просто подходящіе, увѣсистые куски желѣза. Когда мастерская уже была очищена, съ улицы крикнули „солдаты“! Однимъ прыжкомъ я очутился на улицѣ. Солдаты выстроились на 14 линіи при началѣ переулка АВ), на которомъ находится мастерская, и кажется готовились стрѣлять или наступать. Потомъ я слыхалъ, что офицеръ, увидя оружіе въ рукахъ народа, растерялся и не рѣшился сразу броситься на мастерскую. Мы, экспропріаторы, успѣли улизнуть за уголъ С). Тутъ лежалъ ворохъ оружія, и всякій, кому нужно было, вооружался. Мнѣ достался старинный ятаганъ, я храню его, какъ святыню. Насъ не преслѣдовали. Я порекомендовалъ товарищамъ припрятать оружіе подъ пальто и разсыпаться среди прохожихъ, и идти обратно на четвертую линію. Мы по дорогѣ занялись офицерами. Еще до экспропріаціи, кромѣ городовыхъ, обезоружили юнкера, и отняли штыкъ у солдата. Первый попавшій подъ руку офицеръ никакъ не могъ понять (онъ былъ блѣденъ и несвязно бормоталъ), почему у него берутъ шашку, онъ-де никогда не стрѣлялъ въ народъ. Ему отвѣтили, что насъ безоружныхъ бьютъ, и намъ нужно оружіе для самозащиты.



Другой ѣхалъ на извозчикѣ съ барышней. Извозчика остановили. Именемъ народа потребовали оружіе, офицеръ самъ отцѣпилъ портупею. Я пожалъ ему руку и сказалъ на ухо: „вы купите себѣ другую, а намъ негдѣ достать“. Третій — казацкій полковникъ въ папахѣ величиною съ цѣлаго барана и въ казацкой буркѣ. Онъ хотѣлъ было защищаться, но ему къ груди приставили шашку, сняли кинжалъ въ серебрянной оправѣ, шашку, потомъ помогли одѣть бурку. У меня въ памяти отъ этого полковника остались только рыжеватые длинные усы а la запорожскіе, которые торчали изъ подъ надвинутой на глаза папахи. Попались намъ на пути еще два офицера. Они стояли у воротъ, увидя приближающуюся толпу и сообразивъ въ чемъ дѣло, они опрометью (какъ и подобаетъ храбрымъ воинамъ!) бросились во дворъ и спрятались въ какой-то квартирѣ. Ихъ не преслѣдовали. На среднемъ проспектѣ поймали юнкера, но при немъ почему-то не нашли оружія. Съ поднятыми [illegible]ловами шашками экспропріаторы врѣзались въ толпу на углу средняго проспекта и четвертой линіи. Насъ встрѣтило дружное „ура!“ Въ это время уже началась постройка баррикады и проволочныхъ загражденій, которыми предполагалось заградить улицу передъ „Собраніемъ фабричныхъ рабочихъ“ отъ внезапнаго нападенія казаковъ со стороны Средняго и Малаго проспектовъ. Чтобы открыть путь къ отступленію всѣ ворота распахнулись настежъ. Нѣкоторыя пришлось выломать, нѣкоторыя были открыты дворниками по добру по здорову.

Баррикады строились съ рѣдкимъ воодушевленіемъ. Хотя первоначальнаго плана не было, а пришедшая каждому въ голову мысль сейчасъ же обсуждалась и приводилась въ исполненіе, постройка шла удивительно хорошо. Большая часть строительнаго матеріала для баррикадъ была взята со двора строющагося дома противъ „рабочаго собранія“: шкафы, лѣстницы, дрова, доски, кирпичи — все это быстро выносилось на улицу и баррикады росли все выше и выше. Кто-то предложилъ перерѣзать телефонныя проволоки, такъ какъ телефонъ служитъ незамѣнимымъ вспомогательнымъ средствомъ въ рукахъ правительства. Притащили лѣстницу, полѣзли на столбъ, и въ короткое время, подъ несмолкаемые возгласы снизу: „скорѣе, скорѣй!“ -- всѣ проволоки были перерѣзаны, за свѣсившіеся концы ухватились и стали раскачивать столбы, но они долго не поддавались. Достали пилу и, перебивая одинъ у другого, принялись пилить. Столбъ рухнулъ — его уложили на баррикаду. Опрокидываніе телефонныхъ столбовъ очень нравилось и вдохновляло публику. Паденіе каждаго изъ нихъ привѣтствовалось громкимъ „ура“! Столбы повалили не только на 4 линіи, но и на Маломъ и 6 линіи. Посовѣтовали было перерѣзать провода электрическаго освѣщенія, но, находящіеся тутъ же, электротехники убѣдили публику, что 200-вольтовый токъ можетъ надѣлать много бѣдъ въ нашихъ рядахъ. Я принималъ горячее участіе во всей этой лихорадочной работѣ. Ко мнѣ подошелъ товарищъ рабочій. Крикнули наборщиковъ, они сейчасъ же появились изъ точны. Я съ ними пошелъ въ типографію. Мы позвонили. подождали — не отпираютъ; встряхнули дверь. „Что вамъ угодно“? спросилъ кто то черезъ форточку. Я отвѣтилъ; „намъ нужно напечатать воззваніе. Именемъ народа я требую открыть типографію“. (Тутъ я по кой-какимъ соображеніямъ опускаю подробности). Мы вошли въ просторное помѣщеніе, уставленное кассами и печатными машинами. Пахло типографской краской. Я положилъ мой ятаганъ на кассу, взялъ на окнѣ листъ бумаги и быстро сталъ писать. „Нѣсколько фразъ“! — кричали мнѣ. Карандашъ заскакалъ по бумагѣ, оставляя за собой слѣдъ въ видѣ ужасныхъ каракуль. „Не спѣшите! успѣете“! Написанное я сейчасъ же прочелъ всѣмъ бывшимъ въ типографіи. Вотъ копія этого воззванія: „Товарищи! на 4 и 5 линіяхъ Васильевскаго острова уже устроены баррикады. Мы готовы положить жизнь за свободу, бороться до конца — до побѣды! Намъ нужно только огнестрѣльное оружіе. Съ вооруженной силой царя — мы можемъ бороться только съ оружіемъ въ рукахъ. За оружіе, товарищи-граждане! Мы ждемъ, что всѣ товарищи-рабочіе присоединятся къ намъ. Мы уже захватили нѣсколько шашекъ у офецеровъ и разобрали одну мастерскую оружія“! Чтобъ дѣло шло быстрѣе, рѣшили сдѣлать два набора. Одинъ изъ присутствующихъ, который видимо былъ не причастенъ къ типографскому искусству, взялся переписать, написанное мною. Работа закипѣла въ рукахъ наборщиковъ. Вскорѣ былъ готовъ одинъ наборъ. Пришлось печатать на тискальномъ станкѣ, такъ какъ валики американки и большихъ машинъ замерали. Печаталъ сначала одинъ наборщикъ, потомъ я, взявъ валикъ, сталъ накатывать краску. Вслѣдствіе раздѣленія труда дѣло пошло быстрѣе. Насъ безпрестанно торопили прибѣгавшіе съ улицы: „что готово? уже отпечатали“? Вдругъ вбѣжалъ кто-то, крикнулъ: „казаки!“ Товарищъ видимо боясь за насъ, работавшихъ въ типографіи, произвелъ ложную тревогу. Казаки потомъ дѣйствительно явились, но тогда были еще далеко и горячиться не слѣдовало. Эта ложная тревога надѣлала большихъ бѣдъ: уходя, мы разсыпали наборъ, но напечатанные нѣсколько десятковъ экземпляровъ припрятали въ типографіи. Убѣдясь на улицѣ, что опасность еще не такъ близка, я съ однимъ товарищемъ вернулись обратно, взяли отпечатанные экземпляры и на улицѣ раздали народу. Когда мы оставляли типографію, раздался первый залпъ. Мы затерялись среди публики. Я свернулъ на Малый проспектъ и увидѣлъ цѣлую перспективу баррикадъ. Одна была особенно оригинальна. Она представляла изъ себя рядъ саней съ бочками, поставленныхъ одни за другими, цугомъ. Телефонные столбы и здѣсь были повалены. Черезъ улицу перетянуты проволочныя загражденія. Публика уничтожала газовые фонари...

Дальше сообщаю факты, свидѣтелями которыхъ я не былъ. На баррикадахъ 4 линіи умирали мужественно безоружны бойцы за свободу. Послѣ перваго (холостого) залпа одинъ рабочій взобрался на баррикаду и съ краснымъ знаменемъ въ рукѣ сказалъ солдатамъ: „если не совѣстно — стрѣляйте“! Раздался залпъ и, сраженный нѣсколькими пулями онъ палъ, этотъ истинный народный герой. Онъ показалъ, какъ нужно и, какъ умѣютъ русскіе люди умирать за свободу. Къ несчастью до сихъ поръ я не слыхалъ его фамиліи. Товарищи должны непремѣнно узнать имя этого святого человѣка, онъ не долженъ остаться анонимнымъ героемъ. Его имя золотыми буквами впишется въ великую книгу исторіи и изъ поколѣнія въ поколѣніе будетъ передаваться въ народѣ, будя въ сердцахъ самыя святыя, благородныя чувства... — О залпахъ съ полицейскаго моста вотъ что разсказывалъ очевидецъ, который смотрѣлъ на эту бойню изъ окна Благороднаго Собранія. Солдаты, человѣкъ 24, выстроились треугольникомъ (какъ летаютъ журавли), чтобъ удобнѣе было обстрѣливать тротуары. Взводъ, обращенный фронтомъ къ Строгановскому дому, уложилъ человѣкъ 12—16, только двѣ пули отбили штукатурку выше роста человѣческаго, всѣ остальныя, пронизавъ, повидимому, по нѣсколько человѣкъ попали въ фундаментъ на разстояніи 1½—2 аршина отъ земли. На другой день мѣста, выбитыя пулями, уже были замазаны известкой, — публика отковыривала ее пальцами. Залпъ другого взвода былъ менѣе губителенъ: пули пробили двѣ витрины въ магазинѣ, упалъ одинъ человѣкъ, но и онъ поднялся и ушелъ. Стрѣляли на разстояніи 25—28 шаговъ. Послѣ залповъ толпа ожесточилась. По Морской въ это время проѣзжалъ генералъ. Ему дали по шеѣ, сорвали погоны и они, эти атрибуты генеральскаго величія, нѣкоторое время подкидывались вверхъ, а самъ генералъ, обнявъ извозчика и прижавшись къ его спинѣ, еле удралъ подъ арку на Дворцовую площадь. Фамилія генерала Рудановскій. Когда въ собраніи одного офицера спросили, какъ поступятъ съ тѣми офицерами, которые были обезоружены на улицѣ? — Онъ отвѣтилъ шутя: „вслѣдствіе исключительныхъ обстоятельствъ — простятъ“.

Во дворѣ главнаго штаба, какъ дрова, по словамъ очевидца, были сложены трупы убитыхъ возлѣ Александровскаго сада. Въ ночь съ 9 на 10 изъ этого двора вывезли 9 фургоновъ труповъ. Эти трупы видимо нигдѣ не были зарегистрованы.

Петербургъ. (Изъ частнаго письма). На заставахъ велись разговоры съ солдатами, которыхъ усовѣщевали; это было въ нашей заводской части на Торговой, Офицерской, Екатерингофскомъ проспектѣ и такъ далѣе). На Невскомъ же проспектѣ и прилегающихъ къ нему улицахъ молодежь изъ ремесленниковъ начала „играть“ съ конными разъѣздами, ругать ихъ, смѣяться надъ ними, сравнивать храбрость воинства здѣсь и трусость передъ японцами. Закричатъ въ одномъ мѣстѣ ура, конница (все время съ шашками на голо) бросится къ нимъ, въ это время сзади начинаютъ бить фонари и стекла въ окнахъ. Во дворцѣ Сергѣя Александровича почти всѣ стекла въ первомъ этажѣ были выбиты. Заставы на улицахъ заночевали и Дворцовая площадь походила на военный лагерь. На другой день, 10-го, среди рабочихъ (нашего завода) господствовало настроеніе держаться и продолжать бастовать, но настроенія для активныхъ дѣйствій не было, руководители не знали, что дѣлать. Совѣщаться рабочимъ можно было только на улицѣ кучками, съ оглядкой. Помѣщенія ихняго союза были закрыты. Бороться за право собираться (они не подумали, а это навѣрно увѣнчалось бы успѣхомъ. Мирные обыватели забезпокоились за свое имущество и приготовлялись защищать его и себя; такъ какъ ходили нелѣпые слухи, что ночью ихъ будутъ бить и грабить. Среднее сословіе распространяло слухи, что студенты помѣшали рабочимъ и что стрѣляли потому, что въ толпѣ были студенты! Правительство подхватило эту ложь и сегодня вывѣшено объявленіе Трепова и Коковцева. На мой взглядъ, стачка уже проиграна. Конечно, это не значитъ, что она останется безъ результатовъ.

Петербургъ. Въ числѣ жертвъ 9 января находится тов. Вѣра Георгіевна Щедровичъ, тяжело раненая пулей. Бывшая слушательница курсовъ Лесгафта. Щедровичъ въ 1903 году привлекалась по обвиненію въ пропагандѣ среди рабочихъ Обуховскаго завода.

Петербургъ. Намъ сообщаютъ отъ 17 января. На Троицкое кладбище отправлено 30 вагоновъ труповъ, всего 1080 чел., убитыхъ и умершихъ отъ ранъ. Гораздо болѣе этого числа, конечно, лежитъ на излѣченіи и не зарегистрованныхъ по домамъ.

Некрологъ.

9-го января на петербургскихъ баррикадахъ погибъ отъ пули царскихъ палачей нашъ товарищъ, *Марья Львовна Бердичевская*, сестра народовольца, застрѣлившагося во время неудавшагося ограбленія харьковской почты въ 1885 г. Покойной было 26 лѣтъ. Окончивъ фельдшерскую и акушерскую школу, она съ ранней молодости отдалась революціонной дѣятельности и послѣдніе годы всецѣло посвятила себя ей. Марія Львовна не однократно привлекалась по соціальдемократическимъ дѣламъ и нѣсколько разъ была арестована въ Казани и Саратовѣ. Горячо преданная революціи, Марья Львовна поражала окружающихъ своей необычайной энергіей и пользовалась всеобщимъ уваженіемъ не только со стороны друзей, но и враговъ. И въ моментъ вспыхнувшей революціи она была на своемъ посту въ рядахъ борцовъ за свободу, проливая свою кровь за народное дѣло.

Русскій пролетаріатъ не забудетъ именъ своихъ героевъ и не проститъ ихъ преждевременной смерти своимъ врагамъ.

Миръ праху твоему, дорогой товарищъ! Вѣчная память мученицѣ русской революціи!

Бердичевская была ранена четырьмя пулями. Три въ ноги и одна въ область живота. Ей была сдѣлана операція, но неудачно. Умерла она десятого а не девятого января въ больницѣ, при чемъ безпрестанно повторяла слѣдующія слова: „Я ни на минуту не раскаиваюсь, что пошла на баррикады“. Предъ кончиной она впала въ безпамятство, а за тѣмъ очнулась опять, повторивъ тѣ же слова.

Письмо Г. Гапона къ рабочимъ.

Родные! Братья товарищи-рабочіе!

Мы мирно шли 9 января къ царю за правдой, мы предупредили объ этомъ его опричниковъ-министровъ, просили убрать войска, не мѣшать намъ итти къ царю. Самому царю я послалъ 8 января письмо въ Царское Село, просилъ его выйти къ своему народу съ благороднымъ сердцемъ, съ мужественной душой. Цѣною собственной жизни мы гарантировали ему неприкосновенность его личности. И что же? Невинная кровь все-таки пролилась...

Звѣрь-царь, его чиновники, казнокрады и грабители русскаго народа, сознательно захотѣли быть и сдѣлались убійцами нашихъ братьевъ, женъ и дѣтей. Пули царскихъ солдатъ, убившихъ за Нарвской заставой рабочихъ, несшихъ царскій портретъ, прострѣлили этотъ портретъ и убили нашу вѣру въ царя.

Такъ отомстимъ же, братья, проклятому народомъ царю и всему его змѣиному отродью, министрамъ, всѣмъ грабителямъ несчастной русской земли. Смерть имъ всѣмъ, вредите всѣмъ, кто чѣмъ и какъ можетъ. Я призываю всѣхъ, кто искренно хочетъ помочь русскому народу свободно жить и дышать — на помощь! Всѣхъ интеллигентовъ, студентовъ, всѣ революціонныя организаціи (соціальдемократовъ, соціалистовъ-революціонеровъ) — всѣхъ! Кто не съ народомъ, тотъ противъ народа!

Братья-товарищи, рабочіе всей Россіи! Вы не станете на работу, пока не добьетесь свободы. Пищу, чтобы накормить себя, и оружіе разрѣшаю вамъ брать, гдѣ и какъ сможете. Бомбы, динамитъ — все разрѣшаю. Не грабьте только частныхъ жилищъ и лавокъ, гдѣ нѣтъ ни ѣды, ни оружія. Не грабьте бѣдняковъ, избѣгайте насилія надъ невинными. Лучше оставить девять сомнительныхъ негодяевъ, чѣмъ уничтожить одного невиннаго. Стройте баррикады, громите царскіе дворцы и палаты. Уничтожайте ненавистную народу полицію!..

Солдатамъ и офицерамъ, убивающимъ невинныхъ братьевъ, ихъ женъ и дѣтей, всѣмъ угнетателямъ народа — мое пастырское проклятіе! Солдатамъ, которые будутъ помогать народу добиваться свободы — мое благословеніе! Ихъ солдатскую клятву измѣннику царю, приказавшему пролить невинную кровь, разрѣшаю.

Дорогіе товарищи-герои! Не падайте духомъ! Вѣрьте, скоро добьемся свободы и правды: неповинно пролитая кровь тому порукой. Перепечатывайте, переписывайте всѣ, кто можетъ, и распространяйте между собой и по всей Россіи это мое посланіе и завѣщаніе, зовущее всѣхъ угнетенныхъ, обездоленныхъ на Руси возстать на защиту своихъ правъ. Если меня возьмутъ или разстрѣляютъ, продолжайте борьбу за свободу. Помните всегда данную мнѣ вами — сотнями тысячъ — клятву. Боритесь пока не будетъ созвано *Учредительное Собраніе* на основѣ всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго избирательнаго права, гдѣ будутъ избраны вами самими защитники вашихъ правъ и интересовъ, выставленныхъ въ вашей петиціи измѣннику-царю.

Да здравствуетъ грядущая свобода русскаго народа!

Священникъ Георгій Гапонъ.

9 января 1905 года. 12 часовъ ночи.

14 января.

Москва. Стачка охватила все Замоскворѣчье. Около Прохоровской мануфактуры—пушки. Газеты не выходятъ. На стачку собрано болѣе 5.000 руб. Повсюду расклеены властями телеграммы „латинскаго“ агентства (о томъ, что стачки вызваны Англіей и Японіей). Въ отвѣтъ на эти телеграммы выпущенъ листокъ Комитета подъ названіемъ „Кто предатель?“ Призывъ къ забастовкѣ изданъ Комитетомъ, выпущенъ въ количествѣ 10.000 экземпляровъ. Листокъ къ солдатамъ въ 5000 экз. Въ хорошо написанномъ листкѣ „Къ гражданамъ“ Комитетъ призываетъ общество поддержать стачку, какъ актъ политической борьбы съ самодержавіемъ.

Въ Твери забастовка.

Москва. 11 января было столкновеніе между рабочими и казаками. Два оратора-соціальдемократа выступили передъ толпой и имѣли успѣхъ. Настроеніе у рабочихъ боевое. Организованные товарищи вооружаются. Власти перевезли все оружіе изъ магазиновъ въ арсеналъ.

Рига, 14 января. (Изъ частнаго письма).

... Что вчера было у насъ — не поддается описанію. Нельзя сидѣть на мѣстѣ, хочется мстить, видѣть ихъ кровь, какъ мы вчера видѣли нашу братскую кровь... И сколько крови! Боже мой! Вѣдь еще сегодня кровь громадными красными пятнами разстилается по всей набережной, какъ красный коверъ, а надо замѣтить, что всю ночь шелъ густой снѣгъ, и не могъ онъ покрыть или смыть эту горячую кровь. Снѣгъ таялъ, дѣлалъ ее болѣе блѣдной, но не уничтожилъ. Да, никогда не смыть имъ этой крови! Попытаюсь кое-что разсказать.

Въ среду забастовали почти всѣ фабрики. На улицахъ было громадное оживленіе. Толпы рабочихъ шли въ 100-200 человѣкъ и останавливали работы на тѣхъ фабрикахъ, гдѣ сами рабочіе не прекращали работать. По временамъ они останавливались на улицахъ, ораторъ какой-нибудь произносилъ рѣчи. Жаль, что не понималъ я ихъ языка: душа рвалась къ нимъ, хотѣлось сказать имъ, что и мы съ ними. Но мы понимали ихъ рѣчи по оживленнымъ лицамъ, пылающимъ глазамъ, и они понимали наши нѣмыя рѣчи и все кричали: „Товарищи, съ нами!“ Такъ прошелъ первый день. Были столкновенія съ полиціей, стрѣляли, но жертвъ не было. Магазины заколочены; учебныя заведенія закрыты на недѣлю; трамвай остановился; товарная желѣзнодорожная станція тоже перестала работать. Ходили по улицамъ до поздней ночи... Наступилъ вчерашній день. Казалось, все спокойно. Изъ заводовъ работалъ одинъ Кузнецова. Рабочій элементъ здѣсь самый консервативный, но значительная толпа рабочихъ заставила прекратить работы, хотя для этого имъ пришлось вступить въ рукопашную. Газеты не вышли — и мы оказались оторванными отъ всего міра. 13 января часа въ четыре пополудни десятитысячная толпа направилась съ Московской улицы по направленію къ желѣзнодорожному мосту. До моста никакихъ препятствій не было, но тутъ конная полиція и двѣ роты солдатъ отрѣзали толпѣ путь. Толпа остановилась, но разсѣяться не хотѣла. Раздалась команда „пли“, и одинъ залпъ послѣдовалъ за другимъ...; толпа разсѣялась, оставивъ на мѣстѣ 40 убитыхъ и около 100 раненыхъ... Трудно представить себѣ, что было... Кто въ силахъ былъ стоять и слушать стоны раненыхъ и умирающихъ?... А толпу все гоняли, грозили опять стрѣлять, но никто не трогался съ мѣста. Мы бросились къ раненымъ. Въ одной кучкѣ мы насчитали 33 убитыхъ и раненыхъ. Масса тыловыхъ ранъ: стрѣляли въ бѣгущихъ... Раненыхъ понесли къ доктору, живущему на углу Мельничной и Маріинской. Здѣсь снова собралась тысячная толпа, полиція не мѣшала. Раненыхъ выносили и мы всѣ отвозили ихъ на извозчикахъ и просто на рукахъ относили на частныя квартиры или въ больницы. Эта картина электризовала толпу. Ораторъ все время говорилъ по латышски. Оглушительные крики: „Не бусь царь! Не вайкъ царь!“ (Не будетъ царя! Не надо царя!) раздавались повсюду...

Такъ продолжалось до 10 часовъ вечера, когда толпа понемногу стала расходиться. Имена убитыхъ еще точно не опредѣлены. Убитъ студентъ Печуркинъ. Завтра въ часъ похороны. На студенческой сходкѣ было рѣшено превратить похороны въ демонстрацію. Вывѣсили красный флагъ съ надписью: „Слава павшимъ, проклятье убійцамъ!“ Кругомъ стояла громадная толпа. Послѣ сходки стали пѣть „вѣчную память“. Весь народъ стоялъ безъ шапокъ; когда раздавались возгласы, толпа поддерживала криками „ура“. Полиція привела роту солдатъ — и толпу разсѣяли.

Сегодня прибыли казаки. Въѣхали они торжественно: пики на перевѣсъ.

Настроеніе пока бодрое, но кто знаетъ, сколько времени это продолжится.

Варшава (Письмо очевидца Изъ матеріаловъ „Czerw. Sztand.“. Писано въ ночь съ субботы на воскресенье 15/28 — 16/29 января.

Въ среду и четвергъ распространено 6.000 листковъ о „Всеобщей забастовкѣ и революціи въ Петербургѣ“; въ субботу и воскресенье — 2000 тѣхъ же листковъ. Въ среду распространенъ листокъ Главнаго Правленія Соц. Дем. Польши и Литвы о „Пролетаріатѣ“ въ количествѣ 9000 экземпляровъ (листокъ призываетъ къ чествованію посредствомъ демонстраціи памяти казненныхъ 19 лѣтъ тому назадъ героевъ „Пролетаріата“); въ пятницу и субботу распространены были въ количествѣ 9000 экз. пригласительные билеты, изданные Варшавскимъ Комитетомъ Партіи по тому же поводу; въ субботу распространено воззваніе къ молодежи (1000 экз., и „Съ театра борьбы“ („Z pola walki“), приложеніе къ № 23 „Краснаго Знамени“ о событіяхъ въ Петербургѣ (400 экз.).

Подъ вліяніемъ всего этого, въ четвергъ забастовали многія фабрики, а въ пятницу къ нимъ присоединились всѣ остальныя. Рабочіе ходили отъ фабрики къ фабрикѣ и останавливали работу, причемъ всѣ охотно присоединялись къ стачкѣ. Въ субботу пополудни всѣ фабрики уже бездѣйствовали; бросили работу и булочники, извощики и служащіе на конкѣ; всѣ газеты перестали появляться. Въ тотъ же день рабочіе потребовали закрытія всѣхъ лавокъ, что и было исполнено; у нежелающихъ били стекла; всѣ кондитерскія тоже закрылись. Одной кондитерской (Завистовскаго) не желали добровольно закрыть и сейчасъ же стекла разлетѣлись въ дребезги. Публика въ ужасѣ разбѣжалась, а рабочіе напутствовали ее назидательными возгласами: „нечего вамъ лакомиться, когда народъ голодаетъ!“ Въ пятницу забастовали телефонистки на главной станціи, которую тутъ же предупредительно заняли полиція и войско; въ субботу однако, бастующимъ удалось перервать проволоки.

На газовомъ заводѣ тоже забастовали въ пятницу, и на работу туда нагнали солдатъ. Печальные результаты этого мѣропріятія не замедлили проявиться въ видѣ многочисленныхъ обжоговъ, такъ что пришлось призывать карету скорой помощи. Впрочемъ, рабочіе свели на нѣтъ эти благія мѣры, разбивъ почти всѣ уличные фонари.

Сценка. Проходя сегодня вечеромъ по улицѣ Багно, я встрѣчаю группу рабочихъ, которые спрашиваютъ меня: „не находите ли вы, что фонарь слишкомъ ярко свѣтитъ?“ Я соглашаюсь — и стекла фонаря летятъ въ дребезги подъ ударами снѣжныхъ комьевъ.

Булочныя уже въ пятницу бастовали, хлѣба вовсе нѣтъ. Цѣна керосина повысилась съ 10 до 30 коп. за литръ (кварту). Сначало не хотѣли бастовать, извощики а также возницы, развозящіе уголь и всякаго рода товары. До 12 час. въ субботу имъ не мѣшали, но послѣ полудня ихъ заставили прекратить работу.

Сценка: ѣдетъ извощикъ, на углу группа бастующихъ навливаетъ его, заставляетъ сѣдока сойти и расплатит извощику приказываютъ отправляться домой. И это с рядомъ.

Такимъ же образомъ расправлялись и съ конками, которыя, въ случаѣ сопротивленія, стачечники опрокидывали; такъ случилось на Маршалковской, гдѣ рабочіе свалили три конки.

Водопроводъ охранялся солдатами.

Училища забастовали, или же начальство само распускало учениковъ.

Мелкія ремесленныя мастерскія тоже бастуютъ. Всѣ улицы кишатъ массами рабочихъ, которые прогуливаются или стоятъ кучками, оживленно бесѣдуя о текущихъ событіяхъ; всѣ лица выражаютъ бодрость и готовность къ борьбѣ. Слышны разговоры о борьбѣ, стачкѣ, свободѣ; тамъ и сямъ читаютъ листки. Предмѣстье Воля и близъ лежащія улицы уже съ самаго утра въ субботу переполнены народомъ, и это оживленіе переносится въ центръ города. Въ 11 час. уже громадныя толпы появляются на Гржибовской площади, на ул. Граничной, Твердой и Банкѣ. Въ 4 час. Маршалковская ул. такъ и роится. Христіане и евреи держатся вмѣстѣ (полиція старалась, сообща съ хулиганами, вызвать антиеврейскій безпорядки). Кто то спрашиваетъ: бастуютъ ли и евреи? — „Конечно“, отвѣчаетъ еврей, „мы заодно, вѣдь и намъ не лучше“. На улицахъ свободно разсуждаютъ обо всемъ.

Полиція совершенно стушевалась; съ полудня уже появлются солдатскіе патрули, но весьма малочисленные; такъ, часа въ 3 я въ первый разъ съ утра встрѣчаю патруль, состоящій изъ 15—20 солдатъ пѣхотинцевъ, рядомъ съ ними двѣ шеренги городовыхъ съ помощникомъ пристава и квартальнымъ во главѣ. „Разойтись!“ кричатъ они нетвердымъ голосомъ. Патруль продолжаетъ путь, а рабочіе опять собираются.

По временамъ проѣзжаетъ телѣга съ хлѣбомъ, конвоируемая казаками или конными жандармами.

Телефонное сообщеніе съ Лодзью прервано

Встрѣчаются господа въ лоснящихся шляпахъ и нарядныя дамы съ хлѣбомъ подъ мышкой, который они достали за 70—80 копѣекъ.

Наступаетъ вечеръ: городъ утопаетъ во мракѣ, лишь кое-гдѣ мерцаютъ фонари. Въ атмосферѣ чувствуется что то зловѣщее. Люди среди тьмы перекликаются, повсюду мелькаютъ силуэты, всѣ ворота переполнены народомъ.

Воротъ не закрываютъ; полиціи нѣтъ. Рабочіе громятъ монопольныя лавки, разливаютъ вино, бьютъ бутылки: слышны голоса, что вино надо уничтожить, чтобы люди не пили, когда станутъ голодать. Этимъ пользуются хулиганы и поджигаютъ винныя лавки. Вспыхиваютъ пожары. — Съ улицы Вроньей слышны выстрѣлы, стихающіе лишь около 11 часовъ. По ул. Сѣнной около винной лавки завязалась стычка. Солдаты въ числѣ пяти заперлись и стрѣляютъ; одинъ рабочій убитъ наповалъ, другой смертельно раненъ, у третьяго плечо пробито насквозь: рабочіе пытались поджечь лавку вмѣстѣ съ солдатами. — Я иду дальше. Спустя нѣкоторое время, слышится пальба рядомъ, на площади Витковскаго: трахъ трахъ (отдѣльные выстрѣлы и залпы); рабочіе отвѣчаютъ револьверными выстрѣлами

Спустя минуту, опять то же, а потомъ на нѣкоторое время наступаетъ тишина и тьма, въ которой ничего нельзя разглядѣть. Спустя минуту, слышатся голоса рабочихъ, солдатъ уже нѣтъ. Былъ ли кто нибудь убитъ, не знаю. Вдругъ крикъ — квартальный вышелъ изъ воротъ своего дома, у него отняли шашку, разрубили голову и закололи его кинжаломъ.

Слышно, что кое гдѣ громятъ лавки — это хулиганы пользуются темнотой: днемъ рабочіе не позволяли имъ грабить телѣгъ съ углемъ и лавокъ. Полиція блещетъ отсутствіемъ. Солдаты не смѣютъ сунуться дальше Желѣзной ул. Патрули слабые: по 15-20 чел.. Иногда проскачутъ казаки патрулями въ 8—10 чел.

Я на Великой ул. Огонь уже потушенъ пожарными. Здѣсь стоитъ сильный отрядъ пѣхоты. Я принужденъ обойти кругомъ. Толпы уже нѣтъ. Вдругъ кричатъ (10 час. веч., ворота запираютъ къ 11). „Ворота всѣ закрыть!“ Вскорѣ вбѣгаетъ въ ворота помощникъ пристава XIII участка въ сопровожденіи двухъ квартальныхъ и отряда пѣхоты, бьетъ по лицу дворника и еще какого то рабочаго (насъ въ воротахъ было 4 мужчины и 2 женщины) и оретъ: „убью!“ Они пошли дальше: полиція явилась, когда никого уже не было.

На улицѣ Вроньей изрѣдка палятъ изъ револьверовъ — рабочіе не теряютъ даромъ зарядовъ. Ждутъ утра. А съ Желѣзной и Теплой улицъ слышатся звуки солдатскихъ рожковъ. На углу Гржибовской и Вроньей стоятъ баррикады изъ саней, винныхъ ящиковъ. Въ половинѣ 11-го все стихаетъ, но тишина эта лишь кажущаяся.

Ворота здѣсь открыты, потому что рабочіе приказали такъ дворникамъ, чтобы имѣть убѣжище отъ ружейныхъ пуль. Возвращаясь въ половинѣ 12-го, я встрѣчаю на Теплой ул. окровавленнаго рабочаго — полицейскіе встрѣтили его одного и ударили шашкой по лицу. Слышится отчаянный вопль: полицейскіе встрѣтили опять одинокую женщину и потащили куда-то. Солдатскіе же патрули никогда не трогали одинокихъ прохожихъ. Все это факты, которыхъ я былъ очевидцемъ.

На завтра назначены демонстрація Соц.-Дем., Бунда и П. П. С. Ожидаютъ ужасныхъ событій. По всему поведенію полиціи видно, что завтра выступитъ войско.

Дворники не получили еще никакихъ предписаній со стороны полиціи. По Маршалковской въ семь часовъ гусары съ обнаженными саблями бросались на тротуары. Изъ другихъ частей города извѣстій еще нѣтъ, такъ что нельзя составить законченный очеркъ событій.

П. П. С. издала листокъ съ требованіями исключительно экономическими. Позже вышелъ листокъ, заключающій „Политическую декларацію П. П. С.“, въ которой однако нѣтъ рѣчи ни о независимости, ни о самоуправленіи Польши. С. Д. выступила съ цѣлымъ рядомъ требованій экономическаго характера, присоединяя къ нимъ политическіе лозунги: созывъ Учредительнаго Собранія, введеніе демократической республики съ автономіей для Польши и Литвы и прекращеніе войны.

Вильно. 11 января началась всеобщая забастовка. Газеты не выходятъ. Полиція и охранка рветъ и мечетъ. Дворники, городовые, шпіоны, казаки — всѣ на ногахъ цѣлый день. Но и этого мало — приходится по вечерамъ вызывать и резервъ — пѣхоту. Не помогаетъ. Настроеніе у рабочихъ приподнятое. Собранія, устраиваемыя группой партіи, проходятъ оживленно, и можно надѣяться, что если въ Петербургѣ событія не пойдутъ на убыль, забастовка продержится долго. Были аресты и обыски, но, пока что, это не повліяло на рабочихъ. Настроеніе въ обществѣ, хотя и приподнятое, но замѣчается слабый притокъ средствъ на поддержку забастовки. Всѣ организаціи дѣйствуютъ совмѣстно.

Сморгонь. Началась стачка, распространены листки Вил. группы партіи. Вызваны войска. Туда же поѣхали губернаторъ и фабричное начальство.

Ковно 16 января. Со вторника 11-го бастуютъ рабочіе всѣхъ фабрикъ, заводовъ, монополіи, желѣзнодорожной конки, а также всѣ ремесленники. Рабочіе спокойны, такъ что магазины все время оставались открытыми. У губернатора уже было нѣсколько собраній фабрикантовъ съ представителями рабочихъ, но сдѣланныя на немъ кое-какія уступки не удовлетворили рабочихъ фабрики Тильманъ, пользующихся большимъ вліяніемъ на остальныхъ рабочихъ, почему соглашеніе и не состоялось.

Екатеринославъ. (17 января. Волна стачечно-демонстраціоннаго движенія достигло и до насъ. Сегодня уже забастовали типографіи обѣихъ газетъ „Вѣстника Юга“ и „Приднѣпровскаго Края“ и „Губернскаго Правленія“, и частныя тоже. Днѣпровскій заводъ въ с. Каменскомъ тоже забастовалъ. Бастуютъ всѣ заводы на Амурѣ и Нижнеднѣпровскѣ, а въ городѣ заводъ Константинова. Завтра, вѣроятно, присоединятся Брянскій, [illegible], Шодуара, гвоздильный Гантке, желѣзнодорожныя мастерскія. Настроеніе боевое, бодрое.

Работающіе въ организаціи „меньшевики“ обратились къ комитету съ слѣдующимъ письмомъ:

„Товарищи! Моментъ чрезвычайно важный. Всѣ работники, мы и районные въ томъ числѣ, живемъ грядущей забастовкой, которая можетъ, и вы это сами великолѣпно знаете, вылиться въ возстаніе. Этотъ моментъ, товарищи, требуетъ объединенія всѣхъ лучшихъ силъ организаціи. Мы тогда сдѣлаемъ все то, что революція отъ насъ требуетъ. Мы нарушили бы свой долгъ передъ партіей и передъ рабочимъ движеніемъ, если бы въ *такой моментъ* обращали вниманіе на принадлежность работниковъ къ тому или другому теченію въ партіи. Мы сами, товарищи, отбрасываемъ эту разницу. Бросимъ фракціонную нетерпимость. Всѣ помыслы, вся энергія должны быть направлены на одно, — безконечно сложную, безконечно важную предстоящую работу. Хотя бы на эти революціонныя недѣли отбросимъ всякую подозрительность, сдѣлаемъ все, что мы сможемъ, для того, чтобы лучшіе работники были въ настоящій моментъ объединены, для того, чтобы на это время уничтожить тренія, до сихъ поръ мѣшавшія работѣ. Отбросимъ подозрительность. Моментъ чрезвычайно важный. Давайте, соберемся, выработаемъ общій планъ дѣйствій для даннаго момента, создадимъ теперь единую, *сплоченную*, сильную своей сплоченностью, организацію. Только такая *сплоченная* организація сможетъ стать дѣйствительнымъ руководителемъ предстоящаго движенія. Не рвите, товарищи, не идите на расколъ. Моментъ страшно важенъ“.

(*Отъ редакціи*: Не знаемъ отвѣта комитета, но знаемъ, что руководство всеобщей стачкой сосредоточено въ рукахъ дѣйствительныхъ работниковъ — авторовъ этого воззванія).

Екатеринославъ. 18 января здѣсь началась забастовка. Бастуютъ: Амуръ, Нижне-Днѣпровскіе заводы, Брянскій заводъ, городскіе рабочіе, желѣзнодорожные, типографщики. Газеты не выходятъ. Обѣщаютъ присоединиться фармацевты, учителя. Трамваи пока еще ходятъ. Требованія выставили, кромѣ отдѣльныхъ на каждомъ заводѣ, еще общія требованія съ питерскими рабочими: 8 часовой рабочій день, третейскіе суды, государственное страхованіе рабочихъ, законодательную охрану труда. Лозунги во всѣхъ рѣчахъ, листкахъ, на знаменахъ: долой самодержавные порядки, долой войну, да здравствуетъ народное правленіе, да здравствуетъ Учредительное Собраніе, выбранное всеобщей, равной, прямой и тайной подачей голосовъ. Вчера были митинги на Амурѣ и заводахъ, состоящіе изъ 1.000 и больше человѣкъ. Говорили рабочіе, говорили „наши“. Столкновенія съ войсками пока не было; только вчера тысячную толпу въ городѣ разсѣяли казаки нагайками.

Кіевъ. Въ городѣ послѣ петербургскихъ событій возбужденіе. 12-го забастовалъ Южно-Русскій заводъ, заводъ Гретера, рядъ болѣе мелкихъ предпріятій. Комитетъ шелъ все время впереди движенія, посылая по возможности всюду своихъ ораторовъ, печатая требованія, издавая и распространяя листки. На рабочихъ произвела большое впечатлѣніе рѣчь комитетскаго оратора на Южно-Русскомъ заводѣ и его объясненія съ жандармскимъ полковникомъ и окружнымъ фабричнымъ инспекторомъ. Слѣдуетъ особенно отмѣтить ту заботливость, съ которой рабочіе стараются спрятать оратора. Не бастовали рабочіе желѣзно-дорожныхъ мастерскихъ, въ значительной мѣрѣ потому, что администрація приняла особенныя мѣры: въ мастерскихъ множество жандармовъ, за подозрительными рабочими слѣдятъ по пятамъ, гудокъ тщательно охраняется и т. д. Стачка начала довольно скоро стихать. Въ настоящее время бастуетъ, кажется, только часть рабочихъ у Гретера и у Недли (небольшая мастерская), да еще въ обмундирной мастерской. Очевидно были какія то общія причины, вслѣдствіе которыхъ петербургская забастовка пока сравнительно слабо отозвалась, на югѣ, въ районѣ лѣтней стачки 1903 года. Въ городѣ все время только и разговоровъ, что о стачкѣ, о „бунтѣ рабочихъ“. Особенно ждали „бунта“ 17 въ понедѣльникъ (такъ какъ въ субботу получка у желѣзнодорожныхъ рабочихъ). По городу разъѣзжаютъ все время патрули; заводы охраняются полиціей. Оканчивается ли здѣсь стачечное движеніе или оно вспыхнетъ въ любой день — кто можетъ сказать?

Ростовъ н. Д. 11 января. (изъ частнаго письма). Здѣсь ожидается стачка желѣзнодорожныхъ рабочихъ. О ней очень поговариваютъ и, вѣроятно, она скоро начнется.

Елисаветградъ. Кровавыя петербургскія событія нашли горячій откликъ въ народныхъ массахъ и особенно въ рабочей средѣ. Приходится напрягать всѣ силы, чтобы своевременно использовать это настроеніе. Почти ежедневно происходятъ массовки, на которыхъ ораторы разсказываютъ о петербургскихъ событіяхъ, о всеобщей стачкѣ, о революціи. Рабочіе организуютъ кассы на время предстоящей борьбы. Настроеніе на заводахъ приподнятое. Всѣ готовы бросить работу по первому знаку. Надо думать, что все это кончится, во всякомъ случаѣ, всеобщей стачкой, а отъ организаціи и имѣющихся въ ея распоряженіи силъ будетъ зависѣть направить это движеніе въ политическое русло. Нужно готовиться къ событіямъ, имѣющимъ болѣе важное значеніе,, чѣмъ либеральныя прогулки по пышнымъ заламъ россійской „словесности“. Всѣ ждутъ съ нетерпѣніемъ извѣстій и телеграммъ изъ Петербурга. На улицахъ говорятъ о безпорядкахъ и революціи. Столичныя газеты не получаются уже шестой день. Частныя письма, получающіяся изъ Петербурга, переписываются и ходятъ по рукамъ.

Саратовъ. Прокламаціей къ гражданамъ Комитетъ Партіи оповѣстилъ о начавшейся, по его призыву, всеобщей забастовкѣ. Рабочіе выставили требованія: созывъ Учредительнаго Собранія, прекращеніе войны, прекращеніе всѣхъ политическихъ процессовъ и амнистія. 8-ми часовый рабочій день и рядъ экономическихъ требованій.

Сормово 12 января. Ждутъ, подъ вліяніемъ петербургскихъ событій, забастовки на нашемъ заводѣ. Сегодня уже одинъ изъ цеховъ чуть было не началъ забастовку. Директоръ отослалъ свою семью въ городъ; на всякій случай, уже готовъ поѣздъ каждую минуту отправиться за солдатами

ИЗЪ НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Саратовъ, 11 января.

8-го января одновременно состоялись два собранія: ужинъ гласныхъ губернскаго земскаго собранія предъ открытіемъ сессіи и демократическое собраніе въ Народной Чайной (на „Пѣшемъ базарѣ“). На каждомъ было болѣе 2000 человѣкъ, на послѣднемъ — преимущественно рабочіе. Рѣчи — самаго революціоннаго характера. На другой день подали въ отставку полиціймейстеръ Зацвильховскій и его помощникъ, по предложенію губернатора, за то, что допустили рабочее собраніе. Приставъ, бывшій въ чайной, за недостатокъ распорядительности, арестованъ на недѣлю.

9 января губернаторъ открылъ земское собраніе. Послѣ избранія разныхъ комиссій, председатель губернской земской управы А. Д. Юматовъ предложилъ избрать комиссію, которая занялась бы обсужденіемъ общихъ вопросовъ.

Въ „комиссію“ вошло *все собраніе*. Ею приняты самыя демократическія требованія, со включеніемъ свободы науки и *свободы стачекъ*; принято также *всеобщее, равное избирательное право съ прямой и тайной подачей голосовъ*. — Все это принято почти единогласно; ни по одному вопросу въ оппозиціи не было больше 5—7 человѣкъ. Даже любимецъ Плеве гр. Уваровъ стоялъ за свободу стачекъ... Tempora mutantur

10 января губернскій предводитель Мельниковъ объявилъ себя больнымъ и на собраніе не явился. Его мѣсто занялъ кн. Ухтомскій (уѣздный саратовскій предводитель дворянства). Открывая собраніе онъ сказалъ слѣдующее:

„Я очень счастливъ, что на мою долю выпала честь занять мѣсто предсѣдателя. Несмотря на категорическое заявленіе губернатора не допускать къ обсужденію вопросовъ общегосударственнаго характера, я принимаю на себя всю отвѣтственность и предлагаю начать обсужденіе, разъ этого пожелаетъ собраніе“.

Послѣ этого дѣлаетъ заявленіе Н. Н. Львовъ. Онъ говоритъ, что при настоящихъ условіяхъ, когда виситъ административная кара надъ кн. Ухтомскимъ и гласными, онъ не находитъ возможнымъ покойно и мирно продолжать работу и покидаетъ залъ. Къ нему присоединяются почти всѣ, исключая 5—8 гласныхъ.

Собраніе принимаетъ резолюцію, что до тѣхъ поръ, пока не будутъ удовлетворены ихъ требованія, гласные не „будутъ являться на собраніе. Выработанныя комиссіей и подписанныя гласными положенія рѣшено приложить къ протоколу собранія и послать министру внутреннихъ дѣлъ для представленія царю.

10 января. Студенческій вечеръ въ Коммерческомъ Собраніи. Послѣ концерта на эстраду вышелъ студентъ и заявилъ, что въ виду такого времени, навѣрное, всѣ согласятся, вмѣсто танцевъ, поговорить объ интересующихъ всѣхъ вопросахъ. Раздается громъ аплодисментовъ. Предсѣдателемъ собранія избрали присяжнаго повѣреннаго Чумаевскаго. Только что онъ открылъ пренія, какъ явился въ залъ приставъ и сталъ требовать прекращенія рѣчей. Предсѣдатель заявилъ, что собраніе будетъ продолжаться, на что приставъ отвѣтилъ, что онъ принужденъ будетъ очистить залъ силой. Возмущенные такой угрозой, участники рѣшили говорить во что бы то ни стало, и банкетъ закончился благополучно. Говорили рабочіе, призывая товарищей къ забастовкѣ. Говорили студенты объ отношеніи студентовъ къ современному движенію. Говорилъ одинъ народный учитель о настроеніи крестьянъ. Разсказывалъ онъ, какъ недавно крестьяне приглашали къ себѣ ораторовъ изъ Саратова, съ какими оваціями встрѣчали ихъ и все просили не забывать.

11 января. Первыми забастовали рабочіе желѣзно-дорожныхъ мастерскихъ и завода Беринга.

10 января были получены извѣстія изъ Петербурга.

Тифлисъ. Подъ вліяніемъ обще-революціоннаго возбужденія и митинговъ, пріуроченныхъ къ губернскимъ и земскимъ собраніямъ, Тиф. Ком. рѣшилъ устроить рядъ частыхъ чисто пролетарскихъ митинговъ. Было предположено, что 20-го декабря въ 12 час. послѣ обѣденнаго гудка состоятся митинги въ четырехъ мѣстахъ съ рѣчами и резолюціями. Съ утра 20-го декабря, въ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ, какъ и на другихъ фабрикахъ и заводахъ, были разбросаны въ громадномъ количествѣ прокламаціи, разъясняющія рабочимъ наши ближайшія задачи и комментирующія нашу программу минимумъ. Передъ желѣзнодорожными мастерскими собралось свыше 1000 человѣкъ; сознательные рабочіе окружили оратора, который началъ свою рѣчь. Къ несчастью, ему не удалось долго говорить: чтобы вызвать извѣстное настроеніе, ораторъ произнесъ въ серединѣ рѣчи „долой самодержавіе!“; собраніе единодушно подхватило возгласъ, но приняло его за конечный возгласъ оратора, поэтому, крики „долой самодержавіе!“ усилились, перешли въ пѣніе марсельезы, взвилося красное знамя, раздались выстрѣлы изъ револьверовъ, и масса двинулась къ полотну жел. дороги. Такъ оратору и не дали договорить. Пройдя саженей 150, толпа съ пѣніемъ революціонныхъ пѣсенъ и криками „долой самодержавіе! да здравствуетъ политическая свобода! да здравствуетъ демократическая республика!“ вернулась къ мѣсту митинга и спокойно разошлась. Все это продолжалось минутъ 15. Полиціи не было, кромѣ нѣсколькихъ жандармовъ, которые предпочли припрятаться. Казаки явились, когда все уже было кончено. Передъ заводомъ Яралова митингъ былъ болѣе удаченъ. Собрались всѣ до одного рабочіе, человѣкъ 300. Ораторъ говорилъ минутъ 15. Послѣ рѣчи двинулись къ вокзалу съ пѣніемъ революціонныхъ пѣсенъ и возгласами. Настроеніе чрезвычайно боевое. На кожевенной фабрикѣ Адельханова митингъ вовсе не состоялся: полиція здѣсь пронюхала и нагнала казаковъ и полиціи. Передъ „Грузинскимъ издательскимъ обществомъ“ собралось человѣкъ 60 наборщиковъ. Ораторъ въ небольшой рѣчи призывалъ товарищей къ политической, борьбѣ, указывая на важность момента. Были разбросаны прокламаціи, и наборщики съ пѣніемъ разошлись. Прокламаціи были разбросаны также въ каравансараѣ Тамамшева, гдѣ приказчики въ количествѣ около 300 человѣкъ собрались на площадкѣ внутри каравансарая, пѣли революціонныя пѣсни и кричали: долой самодержавіе, да здравствуетъ политическая свобода, да здравствуетъ Учредительное Собраніе! Не смотря на то, что митинги эти, какъ митинги, не удались — это были скорѣе демонстраціи — они произвели, въ общемъ, хорошее впечатлѣніе. Съ маленькихъ мастерскихъ поступило заявленіе неудовольствія, что такъ какъ ихъ не предупредили, то лишили, такимъ образомъ, возможности принять участіе въ митингахъ. Одна табачная фабрика предложила устроить у себя митингъ. Комитетъ отклонилъ послѣднее предложеніе и вообще при устройствѣ этихъ митинговъ руководился желаніемъ избѣгнуть столкновенія съ полиціей. Въ городѣ думали, что у насъ, по примѣру Баку, разыграется стачка. Полиція встревожилась... Были аресты. На третій день, однако, арестованныхъ освободили.

Елисаветградъ. Послѣ „9 января“ какъ то обиднымъ кажется упоминаніе о либеральныхъ банкетахъ, ознаменовавшихъ собой „весну“ Святополка-Мирскаго. Все же считаемъ не лишнимъ отмѣтить на страницахъ нашего органа „банкетъ“, имѣвшій мѣсто въ нашемъ городѣ 12-го с. м. въ залѣ общественнаго собранія. На сей разъ, огражденные толстыми стѣнами отъ широкой публики, въ которой либералы готовы признать лишь „срывателей“ вечеровъ, устроители разослали билеты на свой „ужинъ“ лишь стоящимъ въ сферѣ ихъ узкаго знакомства, а именно: либеральнымъ представителямъ адвокатуры, медицины и т. д. Чтобы успокоить свою совѣсть насчетъ „представительства всѣхъ классовъ населенія“, нѣсколько билетовъ устроители предложили представителямъ организаціи, пожелавшимъ говорить отъ имени партіи рабочаго класса. Организація, придающая мало значенія такому изолированному отъ публики банкету, тѣмъ не менѣе послала туда своихъ ораторовъ и нѣсколько рабочихъ — слушателей. Публики въ залѣ набралось всего человѣкъ 250—300, размѣстившихся за сервированнымъ столомъ, залитымъ электрическимъ свѣтомъ. Первымъ произнесъ рѣчь рабочій въ виду того, что либералы отказались говорить первыми. Рѣчью своею онъ вызвалъ долгіе аплодисменты блестяще разодѣтой публики, которую своими страстными обличеніями гладилъ противъ шерсти. Послѣ нѣсколькихъ рѣчей либераловъ въ радикальномъ духѣ о значеніи Татьянина дня, современномъ положеніи Россіи и предложеніи разработанной резолюціи для отсылки „въ архивъ“, какъ выразился одинъ изъ нихъ, другимъ нашимъ товарищемъ — интеллигентомъ была произнесена рѣчь, въ которой онъ указывалъ на пришедшую къ концу „весну“ со всѣми ея послѣдствіями и вновь вышедшими на сцену старыми средствами самодержавія, на то, что земцы и либералы ничѣмъ не реагировали на всѣ преподнесенныя имъ высочайшія пощечины, плевки и побои. Далѣе онъ указывалъ, что только организованный и сознательный пролетаріатъ способенъ вызвать къ жизни всѣ отсталые элементы общества и вынести на своихъ плечахъ дѣло народной свободы, но что минуло то время, когда онъ бывалъ простымъ орудіемъ въ рукахъ буржуазныхъ революціонеровъ, теперь пролетаріатъ сорганизовался подъ знаменемъ собственной партіи. Указавъ на задачи этой партіи, ораторъ призывалъ всѣхъ отстаивать ея широкія политическія требованія, составляющія конечный идеалъ буржуазнаго общества, и лишь этапный пунктъ для рабочаго класса, который, однако, идетъ по одному пути со всѣми свободолюбивыми элементами, пока они сталкиваются съ однимъ общимъ врагомъ.

Несмотря на то, что полиціи, какъ и посторонней публикѣ, на вечеръ не было доступа, на хорахъ зала въ углу все время держался приставъ и пара шпиковъ, наблюдавшихъ за происходящимъ.

Все собраніе приняло резолюцію о созывѣ Учредительнаго Собранія на основахъ всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго избирательнаго права, о свободѣ совѣсти, печати, союзовъ, собраній и присоединилось къ протесту противъ веденія войны и требованію о немедленномъ ея прекращеніи. Въ общемъ вечеръ прошелъ весьма оживленно и безъ инцидентовъ. Лишь въ 12 часовъ въ собраніе явился полиціймейстеръ и объявилъ собраніе закрытымъ, въ виду принятого имъ „незаконнаго характера“.

Симбирскъ. Не засѣданіи 4-го января публика (немногочисленная) освистала Губернскаго Предводителя, за что и была выставлена изъ зала.

Недавно произошелъ у насъ характерный инцидентъ. 10-го января, послѣ устроеннаго въ пользу студентовъ спектакля, въ фойэ театра состоялся ужинъ, на которомъ, кромѣ студентовъ, присутствовало нѣсколько земцевъ и т. д. Говорились рѣчи. На другой день земскій гласный И. П. Рютчи, стоявшій, очевидно, съ лакеями въ дверяхъ фойэ, т. к. на ужинъ онъ приглашенъ не былъ, донесъ Губернскому Предводителю Поливанову, что на ужинѣ земскими гласными произносились противоправительственныя рѣчи. Поливановъ отправился къ губернатору и заявилъ, что, если тотъ не приметъ мѣръ противъ этихъ гласныхъ, онъ самъ поѣдетъ въ С.-Петербургъ и начнетъ дѣло. Послѣ этого губернаторъ вызвалъ двухъ гласныхъ, о чемъ говорилъ — неизвѣстно пока. Чѣмъ кончится дѣло, сообщимъ потомъ.

Ростовъ н/Д. (Изъ частнаго письма) „.... Либералы усиленно организуются влѣво, въ особенности отдѣльныя группы. Такъ, у насъ въ Ростовѣ н/Д образовалась группа, которая должна захватить своимъ вліяніемъ Донской районъ и Сѣверный Кавказъ. Программа ея очень радикальная: требуютъ созыва Учредительнаго Собранія на основѣ всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго голосованія. Учрежденіе однопалатной системы государственнаго управленія. Она постановила не присоединяться къ освобожденской организаціи, пока та не пріобрѣтетъ подъ вліяніемъ событій болѣе яркой окраски, и пока что, усиленно старается распространить свое вліяніе возможно шире...

Ростовъ. Дѣла въ послѣднее время немного поправились. Старые работники, по какимъ либо поводамъ отставшіе отъ движенія, начинаютъ оживать, и есть надежда, что они теперь примкнутъ къ организаціи. Этому способствовало какъ оживленіе во всей Россіи, такъ и устроенныя здѣсь нѣсколько дней тому назадъ вечеринки, на которыхъ присутствовали „старики“. На этихъ вечеринкахъ говорилось о либералахъ, объ исторіи революціоннаго движенія (декабристы, народовольцы и соціальдемократы). На нѣкоторыхъ вечеринкахъ поднимались дебаты о „большинствѣ“ и „меньшинствѣ“. Въ промежуткахъ пѣли пѣсни и читали стихи. Подъ новый годъ и на новый годъ тоже было устроено нѣсколько вечеринокъ. По мнѣнію устроителей, онѣ должны были носить характеръ товарищескихъ собесѣдованій и сблизить между собой передовыхъ рабочихъ. Этого въ извѣстной степени и удалось достигнуть. Говорили о событіяхъ прошлаго года и задачахъ новаго, изъ которыхъ главная — сверженіе самодержавія. Поднятъ былъ вопросъ о политической стачкѣ.

Вопросъ о самодѣятельности рабочихъ очень заинтересовалъ всѣхъ участвующихъ, и дебаты были очень оживленные; даже тѣ, которые говорили, что раньше нужно выучиться, а потомъ говорить—приняли участіе въ дебатахъ и отказались отъ своего первоначальнаго мнѣнія. Такъ что всѣ вечеринки прошли очень оживленно, и всѣ разошлись въ приподнятомъ настроеніи. Ораторами почти исключительно выступили рабочіе. Правда, говорили они не блестяще; но такимъ образомъ они привыкаютъ выступать на собраніяхъ и могутъ сдѣлаться хорошими ораторами. Какъ видно — если хорошенько взяться за дѣло, работа пойдетъ хорошо. Къ сожалѣнію, очень мало опытныхъ дѣятелей.

Воронежъ. (15 января). У насъ въ Воронежѣ только и разговоровъ, что о Петербургскихъ ужасахъ, и въ городѣ неспокойно.

Земское Собраніе большинствомъ 50 голосовъ противъ трехъ приняло петицію царю съ заявленіемъ о необходимости созыва народныхъ представителей для законодательной палаты. Безруковъ, крупный купецъ-консерваторъ, произнесъ рѣчь о несвоевременности конституціи для Россіи, но былъ освистанъ. Съ хоръ послышались крики: „Почему не сказано о всеобщемъ избирательномъ правѣ?“. „Предатели!“ „Долой самодержавіе!“ Этотъ послѣдній кличъ былъ поддержанъ рѣшительно всею залою и заглушенъ только аплодисментами.

При выходѣ изъ залы 6 человѣкъ были арестованы; четырехъ при этомъ избили: Постоловскаго, Зимина, Блока и еще одного. Узнавъ о случившемся, публика и гласные рѣшили не расходиться, пока арестованные не будутъ выпущены. Губернскій предводитель дворянства Алехинъ, предсѣдатель собранія, велъ себя вполнѣ порядочно. Онъ отправился для переговоровъ съ губернаторомъ, послѣ чего арестованные были выпущены. Тутъ же былъ составленъ протоколъ объ ихъ арестѣ и избіеніи. Побои были засвидѣтельствованы двумя врачами, Павловымъ и Меркуловымъ, выбранными всей публикой, ожидавшей ихъ возвращенія. У Постоловскаго констатировано одиннадцать ссадинъ. Публики было около 300 человѣкъ.

На другой день губернаторъ распорядился не впускать публику; тогда Управа отказалась дѣлать доклады, а земскіе гласные отказались засѣдать. Поэтому земское собраніе было закрыто.

Казань. Съ вѣдома мѣстнаго соціальдемократическаго комитета 26 декабря состоялась политическая вечеринка, гдѣ былъ прочитанъ рефератъ „О роли личности въ исторіи“. Присутствовали 257 человѣкъ. Доходъ съ вечеринки, 93 руб. 50 коп., поступилъ на нужды комитета.

Послѣ дебатовъ по поводу реферата, болѣе 100 человѣкъ изъ присутствующихъ осталось для обсужденія неотложныхъ вопросовъ, „что и какъ дѣлать“. Было произнесено нѣсколько рѣчей агитаціоннаго характера и выработана слѣдующая резолюція:

I. Мы признаемъ демократическую республику необходимымъ условіемъ развитія Россіи.

II. Мы заявляемъ, что ни либеральныя реформы, ни конституція, выработанная внѣ участія народныхъ представителей, — не способны удовлетворить назрѣвшимъ потребностямъ русской общественной жизни.

III. Въ достиженіи практическихъ результатовъ по указаннымъ вопросамъ мы признаемъ возможной временную взаимную поддержку революціонныхъ партій и организацій, направленныхъ не во вредъ интересамъ пролетаріата.

IV. Мы примыкаемъ къ революціонному движенію, поставившему цѣлью осуществленіе требованій, указанныхъ въ первыхъ пунктахъ.

V. Въ виду того, что 1, война была предпринята безъ согласія народа и 2, ея дальнѣйшее веденіе неминуемо поведетъ къ разоренію Россіи, требуемъ немедленнаго ея прекращенія.

VI. Проситъ мѣстный соціальдемократическій комитетъ и „Ассоціацію революціонеровъ“ ознакомить съ настоящей резолюціей казанскую публику и напечатать эту резолюцію въ „Искрѣ“, „Революціонной Россіи“ и органѣ Бунда.

Казанскій комитетъ привѣтствуетъ эту резолюцію, свидѣтельствующую о томъ, что соціальдемократическія идеи все болѣе и болѣе проникаютъ въ среду рабочихъ, учащейся молодежи и интеллигенціи.

Казанскій комитетъ высказываетъ пожеланіе, чтобы подъ знамя этихъ идей собрались всѣ честные русскіе люди—и пусть ихъ лозунгомъ будетъ: Долой самодержавіе! Да здравствуетъ демократическая республика! Да здравствуетъ Россійская Соціальдемократическая Рабочая Партія!

Казанскій Комитетъ. Декабрь 1904 г.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

КЛАССОВАЯ ВОЙНА ВЪ РУРСКОМЪ БАССЕЙНѢ.

Грандіозныя событія, происходящія въ Россіи, совершено отвлекли вниманіе всѣхъ отъ другой громадной важности соціальной драмы, разыгрывающейся въ настоящее время въ Вестфаліи. Всеобщая стачка 200 тысячъ углекоповъ рурскаго басейна не только по времени совпала съ петербургскимъ движеніемъ: она и въ нѣкоторыхъ другихъ отношеніяхъ обнаруживаетъ съ нимъ родственныя черты. Какъ въ Петербургѣ, такъ и въ Вестфаліи мы имѣемъ дѣло съ элементарнымъ движеніемъ народной стихіи, гдѣ доводы разсудка отступаютъ на задній планъ и громче всего говоритъ возмущенное чувство, долго сдерживавшееся многими годами порабощенія и эксплуатаціи. Какъ тамъ, такъ и здѣсь сознательные элементы представляли незначительное меньшинство, совершенно утопавшее въ сѣрой массѣ достигшихъ различныхъ ступеней классового сознанія рабочихъ. И тамъ и здѣсь сознательное организованное меньшинство отнеслось отрицательно (во второмъ случаѣ скептически) къ избранной формѣ протеста, но примкнуло къ нему и стало руководить имъ тогда, когда оказалось, что революціонному натиску массъ невозможно напередъ предписывать опредѣленныя, заранѣе установленныя формы. Было и въ рурскомъ бассейнѣ свое „общество русскихъ рабочихъ“, [illegible] здѣсь „католическимъ союзомъ горнорабочихъ“, основаннымъ партіей центра для борьбы съ соціальдемократіей и для пропаганды примиренія классовъ, но фактически оказавшимся во главѣ стачечнаго движенія, рядомъ съ соціальдемократическимъ союзомъ горнорабочихъ. Наконецъ, чтобы не отсутствовалъ и общій комическій элементъ, здѣсь тоже пускали въ публикѣ слухъ, объ „англичанкѣ, которая всѣмъ гадитъ“, которой рурская стачка, по словамъ политическихъ сплетниковъ, оказывалась въ такой же мѣрѣ выгодной въ экономической области, какъ петербургская была выгодна въ политической.

Но на этомъ сходство кончается. Оба движенія происходятъ въ слишкомъ различной культурной и соціально-политической обстановкѣ, чтобы не сказалась громадая разница въ обоихъ движеніяхъ. Какъ ни отстало большинство рурскихъ углекоповъ, — среди нихъ много пришельцевъ изъ восточныхъ польскихъ провинцій, — никому изъ нихъ не приходило въ голову посылать петицію императору или какому-нибудь министру: начавши борьбу, они знали, что могутъ и должны расчитывать на свои собственныя силы да на поддержку своихъ товарищей рабочихъ. Когда началась стачка, въ рурскій районъ отправлено было довольно много полиціи и жандармовъ, но до сихъ поръ не слышно было, чтобы они производили какіе-нибудь безпорядки, убивали или увѣчали людей. На собраніяхъ стачечниковъ часто выступали, между прочимъ, и священники, высказывавшіе свои симпатіи къ стремленіямъ рабочихъ, но ни одинъ изъ нихъ не сталъ въ ряды рабочихъ, подобно священнику Гапону, ибо этого послѣдняго подняла наверхъ волна ростущаго революціоннаго движенія буржуазной демократіи, тогда какъ въ Западной Европѣ эта буржуазная демократія ведетъ исключительно паразитное существованіе безъ всякихъ видовъ на лучшее будущее. Да рурскимъ рабочимъ и не надо было вождей изъ буржуазной среды: тутъ были на мѣстѣ рабочія организаціи, которыя, правда, охватывали только часть рабочихъ, но были извѣстны всѣмъ безъ исключенія, какъ организаціи, которыя до конца будутъ отстаивать интересы рабочаго класса, будутъ принимать посильное участіе въ борьбѣ и никогда не предадутъ своихъ товарищей ни капиталистамъ, ни правительству. И не смотря на то, что этихъ организацій въ районѣ оказалось нѣсколько (всего четыре: такъ называемый „свободный“, т. е. соціальдемократическій союзъ горнорабочихъ, католическій, Гиршъ-Дункеровскій и польскій союзы), не смотря на то, что, — какъ показываютъ самыя названія этихъ союзовъ, — въ нихъ господствуетъ порядочная путаница взглядовъ, принциповъ и программъ, тѣмъ не менѣе руководство движеніемъ отличается замѣчательнымъ единствомъ и согласованностью, благодаря, главнымъ образомъ, той атмосферѣ гласности, въ которой дѣйствуютъ всѣ отвѣтственныя лица организаціи.

Переходимъ къ фактамъ. Въ свое время мы сообщали о началѣ стачки на шахтѣ Брухштрассе. Мы указали тамъ и на практику предпринимателей, соединившихся въ синдикатъ углепромышленниковъ и стремившихся ввести своеобразную регулировку производства путемъ закрытія нѣкоторыхъ шахтъ и увольненія рабочихъ. Въ результатѣ на незакрытыхъ, болѣе прибыльныхъ шахтахъ число рабочихъ увеличилось, и такъ какъ приспособленія для спуска и подъема рабочихъ не были измѣнены, то на это стало уходить гораздо больше времени, чѣмъ прежде. Отъ рабочихъ стали требовать, чтобы они являлись на работу раньше, а освобождаться они стали позже. А между тѣмъ, существовалъ договоръ между шахтовладѣльцами и рабочими, заключенный послѣ большой стачки Вестфальскихъ углекоповъ въ 1889 году, устанавливающій 8 часовъ для подземной работы и *не болѣе получаса* для подъема и спуска. Теперь на это сталъ уходить цѣлый часъ, а иногда и того больше. Кромѣ того, сильное неудовольствіе рабочихъ вызвали злоупотребленія при принятіи нагруженныхъ углемъ возовъ: такъ какъ въ углѣ часто встрѣчаются каменныя глыбы, то конторщики перестали брать въ счетъ такіе возы, причемъ, какъ впослѣдствіи показали нѣкоторые мальчики, имъ было поручено бросать камни на возы, чтобы такимъ образомъ увеличить число не засчитываемыхъ возовъ. Понятно, какъ возмущало рабочихъ такое наглое поведеніе предпринимателей и ихъ клевретовъ. Было еще не мало причинъ для негодованія рабочихъ: существовавшій раньше обычай выдавать рабочимъ за полцѣны уголь для ихъ домашняго употребленія сталъ постепенно выводиться или подвергаться многочисленнымъ исключеніямъ, штрафы усилились, обращеніе стало грубѣе, число больныхъ увеличилось въ страшной пропорціи. Положеніе становилось невыносимымъ. Долго сдерживаемое стараніями мѣстныхъ организацій, оно наконецъ прорвалось.

На разныхъ шахтахъ рабочіе въ началѣ января стали выбирать комиссіи для веденія переговоровъ съ хозяевами объ отмѣнѣ многихъ изъ вновь введенныхъ стѣснительныхъ правилъ. Но хозяева не пожелали говорить съ представителями тѣхъ, чей трудъ создаетъ для нихъ милліоны. *7-го января* рабочіе шахты Брухштрассе, послѣ неудачныхъ попытокъ получить свиданіе съ шахтовладѣльцами, вступили въ стачку. На происходившемъ вечеромъ того же дня собраніи рабочихъ рѣшено было обратиться къ установленному закономъ для подобныхъ случаевъ третейскому суду, передъ которымъ представители рабочихъ должны были отстаивать опредѣленныя, тутъ же выработанныя требованія извѣстнаго минимума заработной платы и гуманнаго обращенія. Собраніе просило рабочихъ другихъ шахтъ и всего бассейна не вступать въ стачку, чтобы не повредить общему дѣлу.

Но это было напрасно. Повсюду возмущеніе рабочихъ росло и повсюду на собраніяхъ рѣчи представителей организацій, совѣтовавшихъ подождать, не начиная безпорядочной стачки и пытаясь удержать стачечное движеніе въ опредѣленныхъ предѣлахъ, встрѣчались криками: „долой тормазы! пора кончить съ этимъ положеніемъ вещей!“ 7 числа стали бросать работу на другихъ шахтахъ, а 8 въ стачкѣ находилось уже 25 тысячъ человѣкъ. На происходившихъ вечеромъ восьмого многочисленныхъ собраніяхъ вожаки всѣхъ организацій опять пытались подѣйствовать успокоительно на массы, но безрезультатно: молча выслушали рабочіе убѣжденія ораторовъ не продолжать эту, начатую безъ плана, стачку и вернуться къ работѣ, и молча же вотировали продолженіе стачки. На 12-е число была назначена конференція всѣхъ довѣренныхъ лицъ отъ всѣхъ организацій цѣлаго бассейна, и остальнымъ рабочимъ предложено дожидаться рѣшеній этой конференціи. Но и это не помогло; еще раньше, чѣмъ конференція успѣла собраться, въ стачкѣ находилось уже 80 тысячъ человѣкъ, вездѣ бросавшихъ работу подъ вліяніемъ провокаціи предпринимателей, отказывавшихся принимать представителей отъ рабочихъ для переговоровъ.

И въ слѣдующіе дни стачка продолжала рости, хотя вожаки продолжали всячески удерживать. „Характерно, разсказываетъ одинъ корреспондентъ, что именно христіанскіе рабочіе оказывали сильное давленіе на своихъ вожаковъ. Представители католическаго союза бросили соц.-дем. Шредеру упрекъ въ томъ, что онъ толчется на одномъ мѣстѣ, причемъ одинъ изъ нихъ воскликнулъ: „мы довольно молились, теперь мы хотимъ дѣйствовать!“ Тѣмъ не менѣе выше упомянутая конференція, на которой присутствовало 74 представителя отъ соціальдемократическаго союза, 67 отъ христіанскаго, 7 поляковъ и 3 отъ Гиршъ-Дункеровскаго союза, приняла слѣдующую резолюцію: „Конференція самымъ рѣшительнымъ образомъ осуждаетъ отсутствіе дисциплины у тѣхъ рабочихъ, которые вступили въ стачку, не договорившись съ организаціями и не выставивъ никакихъ требованій. Движеніе горнорабочихъ только въ томъ случаѣ можетъ быть доведено до счастливаго конца, когда среди рабочихъ царитъ желѣзная дисциплина. Принимая во вниманіе, что стачка приняла уже очень обширные размѣры, приглашеніе стачечникамъ взяться опять за работу могло бы послужить причиной для дальнѣйшаго ухудшенія ихъ положенія и вызвало бы со стороны предпринимателей массу увольненій. Конференція приглашаетъ находящихся уже въ стачкѣ рабочихъ продолжать ее, но остальнымъ рабочимъ слѣдуетъ не начинать пока стачки.

Конференція рѣшаетъ: требованія рабочихъ будутъ сейчасъ же формулированы и завтра переданы союзу предпринимателей съ просьбой дать отвѣтъ до полудня 16-го числа. Если отвѣтъ получится отрицательный, то 17 числа всѣ горнорабочіе должны бросить работу. 16 послѣ полудня конференція должна снова собраться, чтобы принять дальнѣйшія мѣры.“

Такъ масса толкала впередъ своихъ вождей.

ИЗЪ ПАРТІИ.

Вышли листки „Искры“: 1) „Пора кончать!“, 2) „Въ бой за свободу!“, 3) „Ко всѣмъ гражданамъ“, 4) „Какое намъ нужно страхованіе?“ (всѣ посвящ. петерб. событіямъ). **Петерб.** группы при Ц. К.: „Кого судить“, „Письмо сознат. раб. — с.-д.“. Той же группы (ея районной организаціи на Петерб. стор. — воззваніе по поводу 9 янв.). **Москов.** Ком.: „Къ обществу“, „Къ гражданамъ“, „Къ солдатамъ“, „Призывъ къ всеобщ. забастовкѣ“ и „Кто предатель?“. **Кіевск.** Ком.: „Паденіе Портъ-Артура“ (6000 экз.), „Въ Петербургѣ возстаніе!“ (6000 экз.), „Ко всѣмъ рабоч. и работниц.“ (4000 экз.), 3 №№ бюллетеня и „Что даетъ царскій указъ?“ (6000 экз.). **Одесской** группой Ц. К.: „Ко всѣмъ рабочимъ и работницамъ“ (о петерб. событіяхъ). **Екатериносл.** Ком.: „Настала пора дѣйствовать!“ и „Гроза разразилась“ (оба — ко всѣмъ рабочимъ). Къ рабочимъ Днѣпр. завода (отъ стачечной коммиссіи заводу), „Къ рабочимъ печатни Яковлева“, „Ко всѣмъ гражданамъ“, Къ рабочимъ гвоздильнаго завода Гандтке. **Саратовск.** Ком. „Къ гражданамъ (о всеобщ. забастовкѣ). **Виленской** группой: „Къ рабочимъ“ и „Къ гражданамъ“. **Крымск. Союзомъ:** „Къ обществу“, „Паденіе Портъ-Артура“, „Ко всѣмъ работницамъ мастерской Шварцмана“. **Воронежск.** Ком. — Къ рабочимъ (о петерб. событіяхъ, призывъ къ стачкѣ). **Черниговск.** группой: „Ко всѣмъ рабочимъ“ (объ окончаніи „весны“) и „Резолюція 143 рабочихъ“. **Полѣсск.** Ком. „Къ обществу“. **Казанск.** Ком. „Резолюція сходки 26 дек.“. **Курскаго** Ком. „Къ запаснымъ“ (225 экз.). **Астраханск.** Ком. — Рабочій листокъ № 1. **Бакинск.** Ком. — Листокъ съ приглашеніемъ окончить стачку. **Бакинск.** Организаціей Балахан. и Бибиэйбат. раб. „Ко всѣмъ рабочимъ“ (листокъ объ окончаніи стачки и полученныхъ отъ капиталистовъ уступокъ). **Батумск.** Ком. — Бюллетень № 6. **Сибирск. Союз.** „Къ солдатамъ“ (20000 экз.) и „Еще шагъ!“ (15.000 экз.). **Бахмутской** группы **Донецкаго** Союза — отчетъ о дѣятельности (печ.). **Томск.** Ком. „Къ революціонному студенчеству“ (1000 экз.).

Ц. К-омъ переизданы отд. оттиски изъ № 2 „Соціаль-Демократа“: „Рабы взбунтовались“ и „Политическое обозрѣніе“ (по 10000 экз.).

Группой товарищей выпущенъ № 1 газеты для рабочихъ „Голосъ труда“.

Съ ноября по 15 января **Крымскій Союзъ** распространилъ въ Севастополѣ, Симферополѣ, Ѳеодосіи, Мелитополѣ, Геническѣ, Керчи, Ялтѣ и Евпаторіи до 45 тысячъ разныхъ листковъ, главнымъ образомъ, редакціи „Искры“. Изъ этого числа вышли въ изд. и ред. Союза: „Къ запаснымъ“ 11000 экз., „Къ обществу“ 8000 экз., „Что такое политическая свобода“ 10000 экз. и рѣчь Л. Громозовой 5000 экз.

Вышла отдѣльнымъ оттискомъ изъ № 4 „Соціальдемократа“ „Петиція петербургскихъ рабочихъ“.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

34. Получили. **Варв.** Очень обрадовались вашему сообщенію. Пишите почаще и также полно. **Курилкѣ.** Все получено. Отвѣтъ посылаемъ. — Адресъ Мюллера безусловно отмѣняется.

Объединенной Эмигрантской кассой получено отъ 20 сентября по 31 декабря 1904 г. черезъ Лигу:

Собрано на реф. Плеханова 2. 15; отъ N. чер. Ив—у 10. чер. М. изъ Л. 5+14, чер. эксп. отъ Бруев. 15. отъ Б. по листу № 16 (спец.) 5. для И. (спец.) 15, отъ К. по листу № 16 (спец.) 40, отъ Балаг. изъ Софіи 5, отъ г-жи М. (спец.) 20, чл. ван. отъ ст. С. Д. 60, отъ N. чер. Ив—у 10; отъ Interlakena (спец.) 27, отъ Назарбекова (спец.) 20; отъ ст. С. Д. 50; изъ Дармштадта „Drei Sirenen“ 45; отъ Розан. 4; отъ его сестры 1; отъ Dr G. (чер. Р. М.) 10; отъ разн. лицъ 20.80, по подп. листу № 21 изъ Давоса 70; отъ Enfant terrible изъ Арозы 20; отъ Розан. 6; чер. Р. М. отъ М. 10; для Абр. (спец.) 11; отъ наборщиковъ парт. типогр. 30; отъ N. чер. Ив—у 10; отъ Mlle Golb. 3. Черезъ Бундъ: изъ Дрезд. 73.80; Жен. Д. Ц. 27; Лозан. 36; Жен. № 26 под. листъ 14; отъ Бернч. чер. Як. 75; Loc. п. л. 6; Брюс. 30; Монп. 36; Карлсруэ 49.78; Дрезд. 48; Фрейб. 59; Льежъ 40; Рейлинъ 4; по подп. лист. №№ 11, 72, 73, 74, 75 23.25; изъ Ма 43; Монп. 20.75; Льежъ 30; Фрейб. въ Б. 29.45; на диск. о реф. Владимирова 6.50. Итого 1123 фр. 53 сант.

Адресъ для всякаго рода сношеній съ Центр. Комитетомъ, съ редакціей „Искры“ и „Зари“ и „Лигой Русской Революціонной „Соціальдемократіи“:

Mr. P. Axelrod, 4, Bd. Pont d'Arve. Genève (Suisse).

(Просятъ обозначать: „для Ц. К.“, „для редакціи“, „для Лиги“)

Типографія Партіи, Rue de la Coulouvrenière, 27, Genève